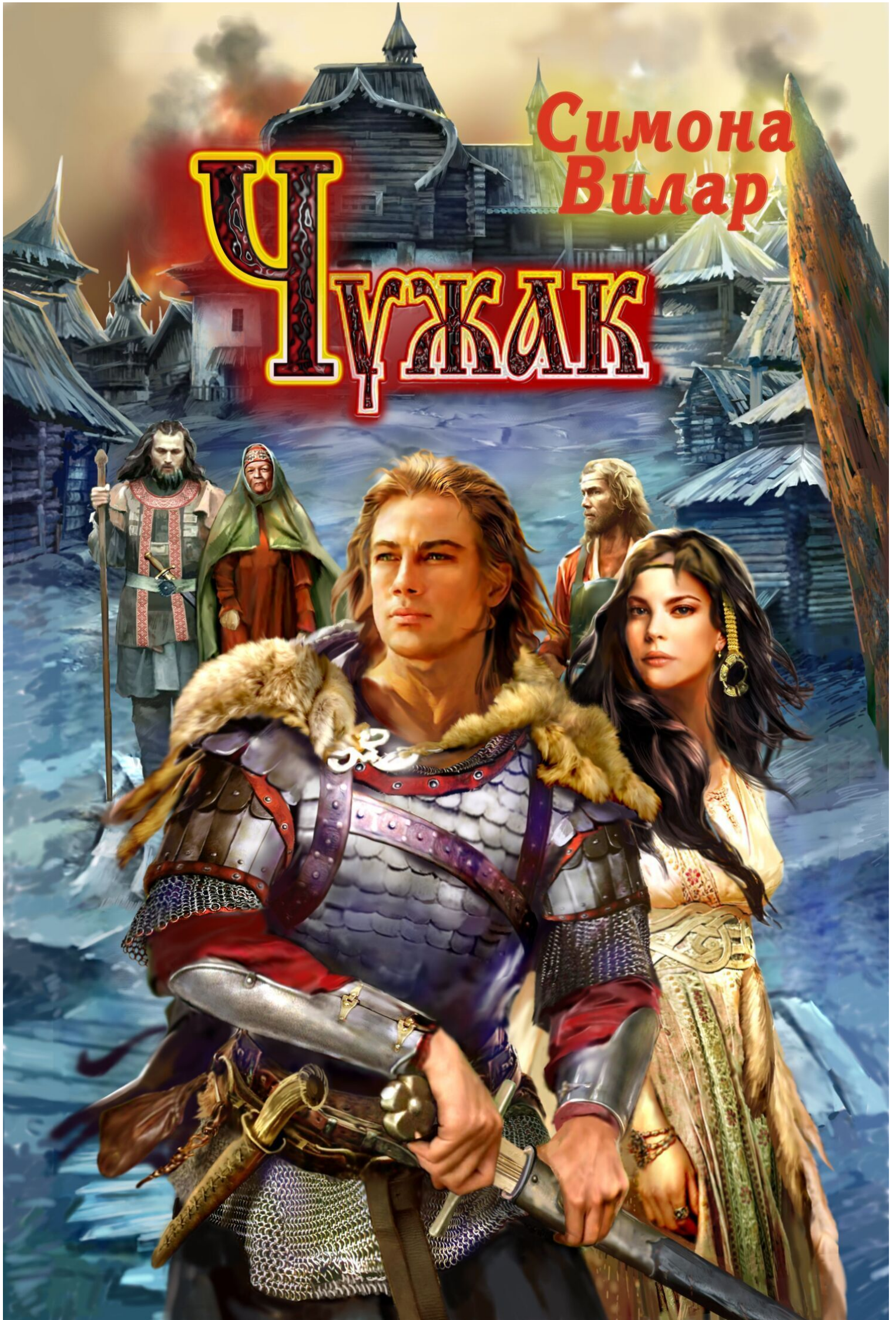

Симона
Вилар

ЦУЖАК

Симона Вилар

Чужак

«Автор»

2006

Вилар С.

Чужак / С. Вилар — «Автор», 2006

Древняя Русь, IX век. Уверенно и жестоко правят варяжские князья Аскольд и Дир, но близится эпоха новых правителей. И вот уже сеет смуту среди племен на Днепре загадочный Торир, тайно посланный в стольный град по велению новгородского князя Олега, прозванного Вещим. Помощники Торира – волхвы Перуна – порочат славные имена местных властителей, восхваляя мудрость и величество князей новгородских. Суровый Торир не остановится ни перед чем, дабы выполнить волю Олега и посадить на киевский престол нового владыку. Неожиданно на пути варяга становится прекрасная и гордая славянка Карина, которую он по иронии судьбы спас от смерти... Козни врагов и предательство друзей, опасности и сражения, борьба за власть, лед и пламя – храбрая славянская дева и холодный скандинавский муж сойдутся в противостоянии и падут, сраженные любовью...

© Вилар С., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Симона Вилар

Чужак

Пролог

Лето 862 года

Ясноок первым почувствовал – что-то случилось.

Еще минуту назад он с княжичами яростно рубил деревянным оружием крапиву у частокола, но вдруг замер, застыл, словно к чему-то прислушиваясь.

Вскоре и наставник Бьоргульф почувал неладное, сердито цыкнул на расшумевшихся детей. В самом деле что-то происходило: засуетились стражи на заборолах¹ деревянной крепости, заметались воины-руосы, донеслись резкие возгласы. И тут же хрипло загудел рог – тревога!

На верхней галерее терема, где с куклой сидела маленькая Мила, появилась встревоженная княгиня.

– Что сие, Бьоргульф?

Но старый воин уже спешил на стену. На ходу крикнул через плечо:

– Уводи детей, госпожа! Да поскорее!

С каких это пор он осмеливался приказывать супруге Хорива Киевского?

Однако гордая княгиня не возмутилась. Подхватив на руки Милу, стала скликать сыновей. Позвала и Ясноока – но куда там! Пусть княжичи прячутся за женскими подолами, а он, Ясноок, сын викинга! Его место на заборолах крепости – там, где надлежит быть воинам. Не оборачиваясь на окрик княгини, размахивая деревянной секирой, мальчишка помчался за Бьоргульфом.

Звуки рога по-прежнему тревожно прорезали тишину жаркого полудня. Отовсюду спешили воины-руосы, на ходу застегивая шлемы, подвязывали наручи, половчее перехватывая оружие. Ясноока грубо толкали. Кто-то сказал, чтобы убирался прочь, укрылся за запорами. Но мальчишка, цепляясь за поручни сходней и протискиваясь между мужчинами, все же вскарабкался на площадку смотровой башни над воротами.

Однако его заметили и тут.

– Уведите прочь Эгильсона! Чего щенок вертится под ногами?

Однако Ясноок клещами впился в перила площадки.

– Мама... Там мама!

Он уже видел ее: без шлема, с развевающимися по ветру светлыми волосами. Конь ее несся вскачь, с разбега влетел в воду – туда, где был брод через реку Стугну, на подступах к крепости Витхольм.

Столпившиеся наверху воины закричали, ободряя всадницу. Ясное дело – отважная жена предводителя Эгиля не станет без причины устраивать столь бешеную скачку. Вместе с несколькими воинами она уходила от врага, и хотя преследователей еще не было видно, но со стороны бора за Стугной уже долетал гомон и слышался глухой гул копыт приближающейся погони.

Что бы это могло быть? Кто дерзнул напасть на воинов, служащих киевскому князю Хориву?²

---

¹ Заборолы – защищенная галерея на крепостной стене.

² Известны имена троих князей-основателей Киева – Кий, Щек, Хорив. Автор взяла на себя смелость сделать эти имена

Вспенивая воды Стугны, беглецы миновали брод и, нахлестывая коней, ринулись на поднимающуюся к Витхольму дорогу. И тотчас на противоположном берегу показались преследователи. Все новые и новые верховые выныривали из зарослей. Впереди, яростно вопя, скакал воин в шлеме с позолоченными рогами, и в Витхольме его тотчас узнали.

– Оскальд! Дождался своего часа в Киеве, Рюрик пес...

– А вон и киевляне с ним. Боярин Гурьян со своими людьми... И Вавила с дружиной. Да провалятся эти предатели в ледяную Хель!..³

– Что ж, похоже, нас ждет славная распря стали!⁴ – почти весело проговорил кто-то. – Покажем же этим киевлянам, что не зря мы ели хлеб Хорива Киевского!

Ясноок не слушал. Его грызла тревога. Где же отец – сильный и бесстрашный ярл⁵ Эгиль? Как он допустил, чтобы эти люди напали на маму?

Однако сколько мальчик ни вглядывался в тех, кто приближался к крепости, отца не заметил.

Погоня не отставала, хотя беглецы уже прогрохотали галопом по первому из мостков через рвы, окружавшие Витхольм. Один из спутников жены ярла, выпрыгнув на ходу из седла, перерубил веревки, и мосток взмыл вверх, мигом превратившись в заслон. Конь не замедлил бега и помчался за остальными, и спешившемуся воину ничего не оставалось, кроме как кинуться к остаткам срубленных на подступах к крепости сосен – так он мог хотя бы добраться до ближайших зарослей, укрыться в лесу. Однако пущенная кем-то из преследователей стрела настигла его – и воин рухнул, покотившись по склону в одну из ям-ловушек.

Витхольм – бревенчатая цитадель северных наемников князя Хорива – стоял на холме и был неплохо укреплен. На крутых склонах и подступах к стенам располагалось немало потайных ям-ловушек с заостренными кольями на дне, чтобы конные не могли вплотную приблизиться к крепости. Три ряда рвов с мостками, которые в любой момент могли превратиться в заслоны, служили следующей линией укреплений. По пути беглецы успели перерубить веревки, удерживающие еще два мостка, – и всякий раз смельчакам приходилось платить жизнью за несколько выигранных мгновений.

Наконец и преследователи были вынуждены сдержать коней. Они еще находились вне досягаемости стрел, пущенных со стен крепости, но заслоны и ловушки уже начали делать свое дело. Едва последние трое беглецов оказались на подъемном мосту у крепостных ворот, воины на заборках перевели дыхание. Заскрипели канаты, поднимая мост, стражи навалились на створки, закрыли, и огромные бревна-засовы легли в свои пазы.

Всадница едва не рухнула на руки бросившихся к ней руосов. На ее щеке кровоточила ссадина, светлые пряди упали на лицо, плащ был изорван, а на облежавшей торс кольчуге виднелись следы крови и конская пена.

– Скорее! – Она задыхалась. – Мы должны быть готовы! Оскальд не отступит. Киевские бояре посулили сделать его князем, и теперь мы ему как кость в горле. Старого Хорива Оскальд сам поднял на копье... А жрецы Велеса⁶ восславили убийцу...

– А где наш ярл? Вальгерд, ради всех богов – скажи, что с Эгилем?

Лицо женщины исказила судорога. С трудом проглотив ком в горле, гордо вскинула голову.

династическими в роду киевских князей. Так муж одной из героинь романа, князь Хорив, не является тем легендарным основателем, о котором говорит Повесть Временных Лет, а просто представлен как один из его потомков (прим. автора).

³ Хель – у скандинавов потусторонний мир, ледяной, темный ад. Это же имя носила и хозяйка преисподней.

⁴ Распря стали – битва. Такие поэтические иносказания, называемые кенингами, часто употреблялись в речи скандинавов.

⁵ Ярл – скандинавский вельможа, по положению равный боярину у славянских племен.

⁶ Велес – языческий бог древних славян, покровитель скотоводства, торговли и путешествий.

– Мой муж умер как герой, оставшись до конца верным Хориву. И валькирия уже несет его через сверкающий Биврьост в чертоги Валгаллы!⁷

Не теряя времени, она принялась отдавать приказания. Велела развести жаркий огонь под котлами со смолой, отнести все копыя и дротики на стены, а тем временем готовить каты.⁸ Ей повиновались, ибо Вальгерд по прозвищу Легконогая была женой предводителя и вдобавок считалась славной воительницей. Ей ли не знать, что делать!

Среди всеобщей сумятицы перед Вальгерд возник Ясноок.

– Мама! Я буду с тобой, я должен сражаться!

И тут же повис на ней, дрожа всем телом и всхлипывая. Он уже понял, что отца нет в живых, но еще не мог в это поверить. Его охватили страх и горечь, он даже забыл, что девятилетнему викингу, к тому же сыну предводителя, не подобает держаться как несмышленому глуздырю⁹.

Вальгерд откинула со лба сына прядь волос – такую же золотистую, как и у нее. Твердо взглянула в синие глаза, за которые киевляне прозвали сына княжьего наемника на свой лад – Яснооком. Но сейчас с губ женщины сорвалось его скандинавское имя – словно напоминание о том, какого он рода.

Мальчик выпрямился.

– Да, мама! – Он смотрел на нее, сдерживая слезы.

Вальгерд казалась величественной и спокойной.

– Ты не сможешь помочь мне здесь, сын. Но ты должен вернуться к княгине Тьорд и охранять ее и княжичей.

Ясноок догадался, что она хочет просто усладить его, и попытался возразить. Но Вальгерд не слушала. Воины отвлекали ее, задавали вопросы, ждали приказаний. Среди них мальчик заметил Бьоргульфа – и наставник мигом прочитал немую мольбу в глазах Ясноока.

– Тебе, Вальгерд, тоже следует пойти к госпоже, – произнес он, касаясь плеча воительницы. – Ты должна поведать Тьорд о последнем часе ее мужа, князя Хорива Киевского. Да и о себе самой не мешаешь позаботиться – перевязать рану и хоть немного перевести дух перед битвой.

Шум вокруг усилился настолько, что Ясноок уже плохо понимал происходящее. Вдруг словно кулак великана ударил в стену – да так, что вздрогнула земля под ногами, а с навесов заборолов посыпался дерновой настил. Пыль, резкие выкрики, жирный дым над котлами со смолой... По сходням, совсем рядом, скатился пронзенный стрелой воин-варяг, забился, засучил ногами, хватая зубами сухую землю. В синем небе над головой чертили темные дуги зажигательные стрелы. Кто-то вопил, требуя воды, занявшийся пламенем сруб забрасывали землей.

Ясноок потянул мать за руку, и Вальгерд наконец-то сдвинулась с места. Вдвоем они миновали окаймленные земляными валами хозяйственные постройки, жилые срубы, прошли мимо длинной стены большого терема и начали спускаться в подпол. Здесь кучкой жались перепуганные чернавки княгини, дворовые карлики, старая мамка. Княгиня с детьми хоронились в глубине, за массивной дубовой дверью, и Вальгерд едва достучалась до нее.

Наконец княгиня открыла. Бледная, испуганная, брнчащая подвесками дорогих украшений.

– Вальга, ты? – воскликнула она при виде воительницы. – О пресветлые боги!.. Что же нас ждет?

---

⁷ Валькирии – небесные девы, посланницы богов, уносящие души воинов-героев; Биврьост – радужный мост в скандинавский рай – Валгаллу.

⁸ Каты – тяжелые обрубки бревен, спускаемые на неприятеля со стен во время осады.

⁹ Глуздырь – несмышленное дитя (насмешл.).

В крошечной тьме подпола, которую почти не разгонял свет лучины, подруги опустились на земляную скамью и заговорили вполголоса, склонившись друг к другу. Появление Вальгерд немного ободрило княгиню, и даже известие о смерти мужа она приняла без слез. Когда же узнала, что виной всему Оскальд, в ее голосе зазвучала ненависть:

– Проклятый варяг!.. Чувала я, что затевает он худое, не раз говорила князю... Нет, не послушал меня Хорив, только и речи было, что о святости гостеприимства. Да не те нынче времена, чтобы всякого волка привечать...

– Варягов и жрецы Велеса поддержали, – тихо проговорила Вальгерд.

– Ишь ты! Змею служат и сами стали ровно змеи, – вспыхнула княгиня.

Ясноок сел в противоположном углу, подле княжичей и Милы. Поначалу он прислушивался к словам женщин, но княжичи теребили, допытывались, что там, наверху. Старший, одногодок Ясноока, то и дело хватался за деревянный меч. Младший, по отцу названный Хоривом, наоборот – хлюпал носом, разводил сырость. Маленькая княжна Мила, вся в светлых кудряшках, с родинкой в уголке губ, поначалу улыбалась, радуясь приходу Ясноока, но, заметив у брата слезы, тоже захныкала. Ясноок усадил ее к себе на колени, стал утешать – и Мила угомонилась.

Когда княгиня туго стянула узел повязки на руке Вальгерд, воительница поднялась и перепоясала кольчугу.

– Неужто ты туда? – ахнула княгиня. – А мы-то как же?

– Не знаю, – вздохнула Вальгерд, не сводя взгляда с детей. Затем вынула из ножен кинжал и протянула княгине. – Ты жена князя, Тьорд. Сама знаешь, что должно делать, когда выхода не станет.

Княгиня беззвучно зарыдала, сжимая виски тяжелыми от перстней пальцами. Вальгерд больше не глядела на нее. Шагнув к сыну, взьерошила ему волосы. В багровом свете лучины мать показалась Яснооку дивно прекрасной, словно окруженной сиянием.

– Береги княжичей, сын. Пока я не приду за тобой.

Она ушла, и Ясноок подумал: увидит ли он мать снова? Как настоящий воин, он поставил свою деревянную секиру между колен, сложил на гладкой рукояти руки и застыл в ожидании. Секиру вырезал из ясеня его отец – Эгиль Вагабанд. Поначалу мальчик, как и велел обычай, дал своему оружию шведское имя – то, которым звали женщину-тролля, обитавшую, как сказывали, в лесах далеко на севере. Но отчего-то это звучное имя не пристало к секире, и вскоре Ясноок стал называть ее на местный лад – Лешачиха. У всякого викинга оружие должно иметь свое имя...

Время тянулось томительно. Лучина догорела, и уголек с шипением упал в лохань с водой. Княгиня зажгла новую, затем еще одну, и еще... Они отчаянно напрягали слух, ловя каждый звук. От темноты и страшного напряжения Ясноок не мог додумать до конца ни одной мысли. Княжичи и Мила уснули на сундуках с казной, тесно прижавшись друг к дружке. На какой-то миг задремал и он, а очнувшись, увидел все то же: спящих детей и княгиню Тьорд, мерившую шагами подземное убежище.

Что там на воле – день или уже месяц взошел на небо? Или все-таки над миром людей еще сияет солнышко – светлый Хорос, как зовут его славяне? В темноте все едино, лишь угольки шипением отмеряют время. Княгиня же никак не угомонится, снует из угла в угол, теребит украшения. Порой подходит к сундукам – в них привезли из Киева казну Хорива. Подняв тяжелую крышку, княгиня смотрит на золото, думает о чем-то своем.

Ясноок же успел припомнить почти всю свою короткую жизнь. Самые ранние, совсем смутные воспоминания о ладье, на которой он плыл куда-то вместе с родителями. Мимо тянулись берега, все время меняя очертания. Он лежал в меховом мешке рядом с матерью, и она что-то негромко напевала. Иногда появлялся отец, сажал его высоко на плечо. Порой они останавливались ненадолго, и воины с отцом уходили. Возвращались то веселые и шумливые, то

удрученные, молчаливые. Тогда ладья быстро отчаливала, торопливо отдавал команды кормчий, задавая ритм гребцам, попарно налегавшим на длинные весла.

Наконец они прибыли в богатый град Киев и остались тут. Да нет, остался только Ясноок, а отец и мать снова уплыли надолго, и мальчик знал куда – в великий Миклегард¹⁰, добывать славу и богатство вместе с другими руосами.

Руосами – или просто русами – их стали называть здесь, в Киеве. А прежде, как и всех, кто приходил с севера, кликали варягами. Сами же они звали себя викингами.

Во время отсутствия родителей Ясноок жил в большом тереме князя Хорива Киевского вместе с его детьми, и в их воспитании не делали различий. Когда же отец и мать возвратились, целый месяц шумели большие пиры, а потом отец сказал, что никуда дальше они не пойдут – останутся служить за плату старому Хориву.

Ясноок был рад, он уже успел прижиться в Киеве и сдружился с княжичами. Отец и мать теперь будут с ним – это ли не предел мечтаний?

Все начало меняться этой весной, когда в Киев-град приплыли ладьи варяга Оскальда. Вновь прибывших приняли с почетом – ибо Оскальд заявил, что идет на юг попытать военной удачи. Но что-то не больно он спешил ввязываться в битвы, зато много времени проводил с киевскими боярами да со старшинами племени полян.¹¹

Отчего-то это очень тревожило ярла Эгиля. И мальчик, по примеру отца, тоже с опаской поглядывал на бородатого викинга в золоторогом шлеме. Особенно же невзлюбил он младшего брата Оскальда, рыжего Дира. Дир был на шесть лет старше Ясноока, а уже мнил себя любимцем богов и великим воином. Вот кто не упускал случая посмеяться над сыном Вальгерд с его деревянной Лешачихой! А однажды, набравшись наглости, Дир даже осмелился приставать к матери, но спустя минуту уже катился по земле, получив хорошую затрещину. Рука воительницы была по-мужски тяжелой. Вот уж когда Ясноок вволю посмеялся!

Но вскоре произошло что-то совершенно неожиданное. Ясноока с княжичами и княгиней Тьорд среди ночи незаметно вывезли из Киева, приказав скакать в Витхольм – крепость, выстроенную ярлом Эгилем на реке Стугне. За ее надежными стенами они и жили до этого дня.

От воспоминаний Ясноока отвлек голосок проснувшейся Милы. За нею пробудились и княжичи. Хорив капризно запросил еды, и Ясноок тоже ощутил голод. Сколько же они сидят здесь, во тьме?

Княгиня нарезала хлеба, намазала густым медом, разлила по чашам сладковатый квас из крынки. Поев, дети оживились, даже затеяли дурашливую возню. Тьорд прикрикнула было на них, но вдруг застыла, прижав руки к груди и вся превратившись в слух.

Теперь и Ясноок различал звуки. Снаружи доносились шум, крики, грозный гул. За дверью послышался женский визг и плач. Княгиня жалобно вскрикнула, поднесла руку ко рту, закусив костяшки пальцев. В дверь застучали и – слава богам! – раздался голос Вальгерд:

– Тьорд, отворяй! Это я!

Ясноок первым бросился к проему. Откуда и силы взялись отодвинуть тяжелый засов! Дверь распахнулась, и он едва успел подхватить пошатывающуюся мать. Вальгерд едва держалась на ногах, прижимая руку к боку, откуда сквозь звенья кольчуги просачивалась кровь.

– Идем!.. – увлекала она.

– А мы? А я?.. – воскликнула княгиня.

Вальгерд взглянула на нее, словно не узнавая.

– Что ж, и вы...

Внезапно княгиня засуетилась.

– А казна как же? – почти взмолилась она. – Злато, серебро? Помогите мне, Вальга!..

---

¹⁰ Миклегард – так скандинавы называли столицу Византии Константинополь. Славяне его называли Царьград.

¹¹ Поляне – славянское племя, обитавшее на берегах Днепра с центром в Киеве.

Встряхнув головой, Вальгерд повторила:

– Идем. Но помни: на все воля богов. Я же ничего не могу обещать...

Шум и крики волной выхлестнулись из-за ее спины, а за ними густые, острые запахи – дыма и крови. Вальгерд шагнула вперед, увлекая за собой сына. Княгиня мешкала, но лишь мгновение. Подхватила на руки Милу, кликнула сыновей и поспешила следом.

В проходе их заволокло сизым дымом. Где-то визжала женщина. Из-за угла вдруг выскочил воин, замахнулся мечом, но Вальгерд ловко отбила выпад, стремительно нанесла ответный удар. Ее клинок рассек грудь нападавшему. Воительница переступила через оседающее тело.

– Скорее, сюда!

Они свернули за угол терема. Вокруг пылали постройки, земля была скользкой от крови, повсюду валялись трупы. Грохот, выкрики, лязг железа. Нестерпимый жар дохнул в лицо.

Вальгерд шла с мечом на изготовку, сжимая другой рукой запястье сына. Сквозь дым и пыль неожиданно возник Бьоргульф, и воительница приказала ему помочь княгине с детьми. Старый воин подхватил меньшего, Хорива, старший княжич бежал следом, ухватившись за пояс викинга.

Вальгерд шла быстро, не оглядываясь – туда, где в дыму выступали еще не тронутые пламенем постройки. Вот и крыльцо. Отсюда сходни вели в верхнее жилье, где тянулась галерея на столбах-опорах. Княгиня взвизгнула, заметив языки пламени, но Вальгерд двигалась решительно, словно точно знала, куда держать путь.

Теперь и Ясноок догадался, что мать ведет их к клетям позади спален дружинной избы, почти не пострадавшим от огня. А позади все пылало – и деревянные башни крепости, и высокая кровля гридницы¹², и заборолы с площадками для стражи.

Все плыло в дыму, словно в страшном сне, от которого нет пробуждения. Ясноок машинально сжимал в руке свою деревянную Лешачиху – другого оружия у него не было, а с ней он чувствовал себя надежнее. Но ему и в голову не пришло воспользоваться ею, когда на них снова напали в узком переходе. Однако мать и Бьоргульф, встав плечом к плечу, отбились и на этот раз. Насмерть перепуганная княгиня голосила так, что Вальгерд пришлось зажать ей рот, испачкав щеки Тьорд кровью и сажей.

– Молчи! Уходить надо тихо.

Они почти миновали длинный переход, когда позади раздались яростные выкрики, лязг оружия. И истошный крик княгини. Вальгерд, уже стоявшая на ступеньках сходней, замерла, не отпуская руки сына, и глухо застонала. Она не хотела оборачиваться, не хотела ничего знать об этой новой опасности, ибо силы воительницы были на исходе.

Ясноок все-таки оглянулся. По проходу приближались незнакомые варяги. Кто-то схватил княгиню и поволок, она отчаянно отбивалась, неистово крича. Маленькую Милу отшвырнули к стене, и она с плачем поползла, все еще прижимая к себе куклу. Старый Бьоргульф бешено рубился сразу с двумя воинами. Оба княжича также оказались в руках варягов, но старший тут же вцепился зубами в руку воина, рвавшего парчу на княгине.

У Ясноока все оборвалось внутри, когда разъяренный варяг обрушил на парнишку секиру и его товарищ по детским играм рухнул под ноги врагов. Что случилось с младшим из братьев, он уже не видел. Проход загородила широкая спина Бьоргульфа. В одной руке его был меч, в другой неизвестно откуда взявшаяся шипастая палица. Старый варяг ярла Эгиля сражался, как лучший из сынов бога войны Одина.

– Вальгерд, беги!.. – долетел из гущи схватки его звериный рык.

Воительница еще какое-то время стояла на месте, словно окаменев. Все вокруг заволакивалось дымом.

– Нужно идти!.. – то ли вскрикнула, то ли простонала она.

---

¹² Гридница – просторное помещение для пиров и собраний дружины.

Теперь она снова увлекала сына за собой, и он еле поспевал следом, спотыкаясь и падая. Его мутило, перед глазами плыли круги, горький дым раздирал легкие.

Внезапно дым поредел. Мать толкнула какую-то дверь. Заперто. Она толкнула сильнее и громко выругалась. Но мальчик видел, что она едва не плачет. Еще удар плечом, еще один... Вальгерд застонала, хватаясь за бок.

«Сколько крови!» – охнул Ясноок, бросаясь, чтобы поддержать ее.

– Мама! Мама!..

Теперь настал его черед. Схватив мать за локоть, он изо всех стал увлекать ее за собой – в дальнюю клеть, где хранилась одежда челяди.

– Сюда!..

Маленькое бревенчатое помещение, вдоль стен грубые сундуки, покрытые овчинами. Наверху, под скатом кровли, подслеповатое оконце. Ясноок знал, что за ним тянется дощатая кровля боковой галерейки, примыкающей к острым бревнам частокола, а уже за ним – некрутой спуск к лесу, что за Витхольмом. Когда-то они с княжичами играли здесь и даже тайком выбирались из крепости. Вот был переполох, когда их хватились!

Все это Ясноок говорил матери на ходу, когда, отбросив бесполезную Лешачиху, принялся карабкаться к окошку. Вьюном протиснулся наружу и, уже лежа на кровле галерейки, протянул к матери руки. И похолодел.

Проём оконца был слишком мал для нее.

Ясноок заплакал, не переставая твердить сквозь слезы:

– Поднимайся, мама, у нас получится!

Вальгерд стояла внизу, прижимая ладонь к ране в боку, и смотрела на него с полуулыбкой. Наконец она нашла в себе силы проговорить:

– Беги, сын. Но помни, кто ты. Помни свой род. И пока ты жив – живы и мы с отцом.

Но он уже стал протискиваться назад. Вальгерд выталкивала его, приказывала. А потом он струсил, шарахнулся в сторону, когда за спиной матери раздались шаги, послышались голоса. Ясноок вжался в нагретую солнцем кровлю.

И сам отругал себя за трусость. Подполз к окошку.

Теперь он снова видел мать. Она стояла спиной к окну, вытянув вперед руку с мечом, а напротив стоял не кто иной, как сам золоторогий Оскальд. Они что-то говорили, но мальчик в смятении не разобрал слов. Потом... Короткий лязг – и мать пошатнулась, выронив оружие. Оскальд стоял над нею, его бородатое лицо с холодными светлыми глазами оставалось равнодушным.

– Добей, если в тебе есть хоть капля чести, Навозник, – прохрипела, захлебываясь кровью, Вальгерд.

Ноги уже не держали ее, и она начала оседать, держась обеими руками за шею. Вальгерд говорила на северном языке, который Ясноок, живя в Киеве, уже плохо помнил. Однако главное он понял и едва не закричал, но горло словно что-то сдавило.

Опять шаги, и рядом с Оскальдом, чуть не столкнувшись с ним, возник еще один варяг. Рослый, тонкий станом, с окровавленным мечом в руках. Личина шлема скрывала верхнюю часть его лица. Завидев раненую воительницу, он расхохотался:

– О, да это омега злата¹³, сама Вальгерд Легконогая!

– Кажется, она была тебе по душе, брат, – равнодушно обронил Оскальд. – Вот ты и добей ее.

Он повернулся и ушел.

Ясноок видел, как младший варяг снял шлем, и тотчас узнал ненавистное худое лицо Диры. Рыжие завитки волос прилипли к его разгоряченному лбу, он хищно улыбался.

---

¹³ Красивая женщина (кенинг).

– Конечно, добыю, клянусь Валгаллой. Но сперва...

Цепляясь за стену, Вальгерд оседала, истекая кровью, но Дир подхватил ее. Женщина была выше ростом и силы ей было не занимать, но сейчас Дир с легкостью сломил ее сопротивление и швырнул на сундуки. Несколько мгновений он возвышался над нею, торопливо распуская шнуровку кожаных штанов.

Шея Вальгерд была в крови, золотые волосы также слиплись от крови. Приподнявшись из последних сил, она сделала отчаянную попытку толкнуть насильника ногой, но Дир только рассмеялся. Задрав ее кольчугу и кожаную подкольчужницу, он оголил живот и бедра женщины. Один ее бок чернел запекшейся кровью. Рывком сорвав с жертвы остатки одежды, он одним движением раздвинул ей ноги и навалился сверху.

Ясноок смотрел. Видел, как Дир толчками двигался на матери, что-то выкрикивая, оскорбительное, злое. Видел ее белую, всю в крови, кисть руки, хватающую Дира за короткие рыжие волосы. Потом рука бессильно упала. Дир же продолжал свое дело, двигаясь все быстрее и быстрее.

Мальчик не помнил, как снова оказался в клетке. Поначалу он оцепенел, не зная, что делать. Но тут на глаза Яснооку попала его деревянная Лешачиха. Довольно тяжелая, но рука мальчика давно привыкла к ее тяжести. Он поднял оружие, коротко взмахнул им и что было сил опустил на голову насильника.

У девятилетнего мальчишки не так уж много сил, и тем не менее Дир обмяк и застыл, навалившись на Вальгерд. Ясноок уперся ему в плечо, и варяг, хотя был довольно тяжелым, мешком сполз на пол и остался лежать без движения.

Ясноок больше не глядел на Дира. Сейчас он видел только мать и кровавую рану повыше ее ключицы, сквозь которую утекала жизнь. Глаза Вальгерд еще не начали стекленеть и были ясными, словно она все еще жива. Но эта прекрасная воительница, истинная валькирия, уже ушла. Ушла в час поражения и позора. Он остался совершенно один.

Мальчик не думал, что Дир может очнуться, что сюда могут войти, не замечал просачивающихся в щель под дверью волокон дыма. Он долго смотрел в лицо матери, а потом начал одевать ее – натянул кожаные штаны, опустил тяжелую, пропитанную кровью кольчугу. Затем по северному обычаю закрыл ей глаза и ноздри, поднял с пола меч и вложил в холодеющие руки. Теперь Вальгерд была готова пуститься в путь через сверкающий Биврьост.

– Мама... Я ухожу, мама. Но я... клянусь... Клянусь кровью предков, клянусь своим местом в Валгалле – я еще вернусь... И отомщу за тебя и отца. Верь мне!

Все вокруг быстро заволакивало дымом. За дверью послышались голоса.

Ясноок, словно ласка, юркнул в оконце и быстро скатился по кровле. Теперь он был у самого частотола. Не раздумывая, мальчик перебрался через стену из затесанных дубовых бревен, на мгновение повис на руках и, разжав пальцы, полетел вниз. Больно ушибся и покатился вниз по склону. Если бы угодил в одну из ям-ловушек с кольями – ему пришел бы конец. Но обошлось. Ползком, огибая мертвецов, валявшихся там и тут, перебрался он через рвы и вскоре оказался среди зарослей.

Наконец Ясноок мог перевести дух. В глаза било закатное солнце. Вверху, на холме, пылал Витхолм, от просмоленных бревенчатых стен к багровому небу поднимался черный дым. Вот он – погребальный костер его матери и воинов-руосов, каждого из которых он знал с детства!

– Я вернусь... – прошептал Ясноок.

Но едва он углубился в чащу, как чуть не столкнулся еще с одним человеком, глядящим на плающую крепость. Мальчик не успел даже испугаться. Это был мужчина с длинной,

прошитою сединой бородой, облаченный в просторные белые одежды. На его груди, отражая закатные лучи, блестел золотой знак Перуна¹⁴ – стрела-зигзагица. Волхв!

– Славно сражались эти русы с Севера, – произнес волхв, не сводя глаз с пожарища. – Почти два солнца держали осаду... Но, должно быть, удача была не у них, а у людей Велеса. Такое уже бывало, малец. Порой и Велес берет верх...

Теперь он говорил с Яснооком, опустив на его плечо большую теплую ладонь. В голосе волхва звучала грусть.

– Ты ведь сын Эгиля Вагабанда и красавицы Вальгерд?

И тут Ясноок заплакал навзрыд. Произнесенные вслух имена погибших родителей словно прорвали глухую запруду, и слезы хлынули ручьем.

Волхв смотрел на него глубокими карими глазами.

– Идем со мной. Я слышал, ты обещал вернуться. А чтобы вернуться, нужно сперва найти силы уйти. Ну же, не упрямясь!

И Ясноок пошел за волхвом.

---

¹⁴ Перун – верховный бог-громовец, покровитель воинов в славянском языческом пантеоне.

Часть I Наворопник¹⁵

Глава 1

Год 880

В понимании людей, зиме было самое время отступать – березозол¹⁶ уже к Масленице повернул. Однако вновь задули с полуночи¹⁷ холодные ветры, занесли все снегом. Такое и в прежние времена бывало, однако в этот раз, после третьего подряд недорода, долгая зима казалась особенно тяжелой.

В эту ночь мороз выдался как никогда лютым. И когда староста селища терпеев¹⁸ Збуд приоткрыл двери избы, холодный пар так и заструился у его ног.

– Не желает Морена-Зима размыкать землю к весне, – хмуро проворчал староста.

– Так, может, и не следует мне идти? – заискивающе спросила Збуда его молодая жена.

– Не гневи богов, Ясенка, – стукнув дверью, возмутился Збуд. – Ты моя женщина, ты старостина жена, тебе начинать изгонять Коровью Смерть¹⁹, пример показывать.

Ясенка недовольно закусила губу. Идти на такой мороз голой, бегать по снегу... Она недобро покосилась на сидевшую на лавке у стены темноволосую девушку.

– А она как же? Ей пошто не велел идти?

– Цыц, я сказал! – рассердился Збуд. – Отвяжись от Карины, Ясенка. Сама знаешь, тяжелая она, княжьего сына носит. Его сбережь надобно.

– Всегда так, – надулась Ясенка. – Мне на мороз, а ей... Ишь, ходит с косой, словно не вдовствует, все из себя девку корчит. Вот теперь в тепле отсиживаться будет, пока мы... Одно слово – Карина! – И добавила злобно: – Укора!..

Черноволосая девушка никак не отреагировала. Ее звали Кариной, но когда злились – Укорой, Карой. Имя такое недоброе ей дали с рождения, после того как мать ее, промучившись в тяжелых родах почти трое суток, родила наконец дочь, а сама умерла, истекая кровью. Бабы-повитухи говорили, что редко когда женщина такие муки в родах принимает. Вот и назвали новорожденную Карой – Кариной. И она сжилась с этим именем. Но всякий раз, когда ее называли Укорой, внутренне сжималась.

Ясенка не зря на нее злилась. Одной красивой бабе всегда завидно, когда рядом жалеют другую красавицу. А к Карине относились бережно. Она для Збуда была всего лишь нестера, дочь сестры, а вырастил он ее как свою. У него-то одни сынки рождались, вот и баловал единственную девчонку в доме, лелеял, подарками засыпал.

Когда Карине было семь годков, ее хотели принести в жертву Велесу. Жрецы-волхвы сразу углядели в толпе удивительно красивую девочку, указали на нее. Но Збуд не отдал им сестрину дочь, поведав, что, когда Боян в селище захаживает, никогда не обходит Карину вниманием. А ведь ведомо – Боян певец редкостный, любимец Велеса. Кто разгневает Бояна – самого Велеса оскорбит. Поэтому волхвы и отступили. Когда же Карине тринадцать исполни-

---

¹⁵ Наворопник – засланный, шпион.

¹⁶ Березозол – март.

¹⁷ То есть с севера.

¹⁸ Терпеи – одно из небольших славянских племен.

¹⁹ Коровья Смерть – по поверьям, злобный дух, вызывающий падеж скота.

лось, опять ее выделили среди других. На этот раз сам князь радимичей Боригор. Терпеи на его землях жили, обязаны были содержать дружину княжью. Вот в один из его наездов и заприметил Боригор в хороводе среди девок красавицу необычную: с глазами прозрачно серыми, ресницами лучистыми, толстой черной косой, телом еще полудетским, но легким, приятным. Тринадцать для девушки – чем не невеста? Вот Боригор и оказал терпеям честь, решив взять к себе меньшицей²⁰ юную терпейку из Мокошиной Пяди. Однако Карина оказалась из недоспелок, не стала женщиной к тринадцати. Когда Боригору сообщили об этом, думали, откажется. Однако князь все равно глаз с нежного личика Карины отвести не мог, а уезжая, подозвал к себе вуй²¹ девочки, Збуда, и передал ему вено²², а невесте богатый подарок – монисто в три ряда, все сплошь из серебряных дирхемов²³ новеньких. Велел, чтобы Карина носила его как знак, что она уже князю радимичей обещана.

Так и проходила Карина в серебряном монисте три года. Боригор же не показывался, даже гонцов не слал – узнать, как подрастает его избранница. Но на то причина была: весть о том, что Боригор самому Диру Киевскому отпор дает, даже в Мокошину Пядь дошла. Но над Кариной все равно посмеивались – дескать, теперь их первая красавица всю жизнь вековухой проходит – и не жена князю, и не вдовица. Но разговоры смолкли, когда Боригор все же приехал в Мокошину Пядь. Глядел на подростковую красавицу, слова молвить в восхищении не мог. А она подняла очи на его обезображенное шрамами лицо, на седую бороду, мешки под глазами... Ах, лучше бы и век не являлся за ней князь Боригор Радимичский! Горько было молодость и красу ему отдавать, когда за ней молодые и пригожие парни словно ручные ходили, в глаза заглядывали. Но вено было уже уплачено, да и щедро одарил князь терпеев за то, что сберегли для него красавицу: три воза с зерном передал селищу, сукно, руду для кузниц. И Карину отдали князю. Начались два года ее постылого супружества. Однако сейчас ей все чаще казалось, что не так уж и плохо жилось ей за старым Боригором.

По ногам в избе вновь потянуло холодом. Это Збуд опять приоткрыл дверь, вглядывался в морозные звезды, определяя время.

– Пора, – сказал наконец. – Иди, Ясенка. Тебе ход начинать.

Карина снова ощутила на себе недовольный взгляд молодой жены вуй. Но мужу перечить та не посмела, поднялась, резко сорвала с головы кичу²⁴, тряхнула рожими косами.

– Прими, Ясенка, – протянула ей Карина горшочек с растопленным салом.

На дворе мороз лютый, а Ясенке голой бегать по холоду до первой зорьки, гнать прочь из Мокошиной Пяди Коровью Смерть. Хотя говорят, что бабы в охоте за Коровьей Смертью в такой раж входят, что и холода не чувят. И все же Ясенке поостеречься не мешало – молодая еще, не рожавшая.

Однако Ясенка не раздобрилась от внимания мужчиной нестеры.

– Что, услужить пытаешься, вину чуешь? Всем ведомо, что Кара кого угодно сведет со свету, а сама дальше пойдет, подола не замочив, глаз бесстыжих не...

– Да уймись ты, баба глупая! – вконец рассердился Збуд.

Карина же гнева-обиды не выказывала. Просто смотрела огромными глазами цвета дождевых облаков. Люди говорили – взгляд у нее подлинно княжеский, да и манера горделиво держать голову знатная. Такая, что даже строптивая Ясенка не выдержала, отступила, только пробурчала что-то обиженно. Мол, все против нее: и Укора, и муж родимый, и пасынки, что только гоготали, сидя на полатях да ожидая, когда молодая мачеха на гон пойдет. Ясенка вдруг

²⁰ Меньшица – во времена многоженства младшая жена.

²¹ Вуй – дядя по матери.

²² Вено – свадебный дар-выкуп за невесту.

²³ Дирхем – арабские серебряные монеты; во времена, когда славяне не чеканили своей монеты, дирхемы использовались и как деньги, и как украшение.

²⁴ Кика – головной убор замужних женщин

ощутила злость, да такую, что и бодрящий напиток пить не надо. Что ж, если им так весело, то уж и она повеселится. И быстро, прямо на глазах у мужа и пасынков стала раздеваться, скинула телогрею, резким движением подняла подол рубахи, сняла через голову.

Сыновья Збуда, перестав ржать, открыли рты. Даже маленький Буська, уже дремавший, привстал. А старшие... Они уже в возраст вошли, Каплюша вон сам в ночь на Купалу девок по кустам валял. А тут молодая мачеха вся перед ним, ладная, с круглыми большими грудями, крепким животом нерожавшей молодухи, рыжим пушком промеж крутых молочных бедер.

– Постыдилась бы! – опешил Збуд. – В закуте бы разделась.

– Пошто в закуте? – победно улыбнулась Ясенка. – А бесстыжим своим скажи, чтоб не пялились.

Сама будто и не замечала, как парни на нее смотрят. Стоя у очажного огня, медленно, сладострастно растирала по телу жир, улыбалась чему-то своему.

Староста строго велел сынам лезть на полати, задернул за ними занавеску. Ругаясь сквозь зубы, протянул Ясенке опьяняющий, заговоренный ведунами напиток для гона Коровьей Смерти. Едва та выпила, толкнул к двери.

– Пошла!

Морозная дымка так и обьяла ее белое тело. Взяв заранее приготовленный отточенный серп, она шагнула в ночную темень – легкая, голая, сально блестящая – и заголосила, завывала люто, как и положено. И, как ожидалось, захлопали то там, то здесь двери изб, раздались отовсюду оглашенные бабы визги, крики.

Коровий гон – изгнание мора, что на скотину напал и губит кормилиц домашних. Его только бабы и могут изгнать – традиция старая, но верная. Бегут голые бабы вокруг селища, тянут на лямках плуг, опахивая все дома, и голосят при этом, стонут, воют дико. Злость и ярость показывают хозяйки Коровьей Смерти. Не выдерживает «скотья лихоманка» такого. Либо издохнет прямо в селище, либо укроется, убежит прочь. Только бы бабы ее как следует донять сумели. Потому и поят их зельем особым, потому и носятся по снегу голые и распатланые, с серпами, ножами, тяжелыми сковородами, голосят. Все бегут – и девки, и бабы, и молодичи. Лишь неспрадных²⁵ на дело это не пускают – чтобы дитю охота ночная не повредила.

Карина слышала дикий вой женщин за стенами. Мужики же сидят по домам, не смея нос наружу высунуть. Нельзя на баб в это время глядеть, иначе от ворожбы никакой силы не будет. Но случалось, что Коровья Смерть сама навстречу бабам идет, словно притянутая, – то путником прикинется заплутавшим, то глупым дитем, вылезшим за мамкой в ночь. Тут у женщин жалости нет, обману не поддадутся – вмиг разорвут, раскромсают. Однажды Коровья Смерть в деда-бортника, одиноко жившего на окраине селища, вошла. Вот он, духом злым наполненный, и вышел бабам навстречу. И ничего от него не осталось. Растерзали, разбросали бортника так, что только куски мяса по округе валялись. Правда, кое-кто говаривал, что старика просто болезнь своя доняла. Один он жил, да и помогать ему уже селище устало. Вот и решил бортник принять в себя Коровью Смерть, выйти навстречу бабам бешеным. Да только зря старался старик. Не вошла в него Коровья Смерть, почуяла подвох, обозлилась, и скотины-кормилицы в ту зиму пало больше, чем когда-либо. Это было в тот год, когда Боригор Карину забирал, вот его подношение Мокошиной Пяди и спасло людей. Долго потом поминали его добрым словом. Да и Карину благословляли. Но это было давно. Ныне же Боригор славный уже селищу не подмога. Его свои же – радимичи – в жертву богам отдали.

Дикие голоса женщин раздались совсем рядом. Выли злобно, орали, били железными серпами о котлы, сковороды, скребли ножами по днищам. Во дворах заливались лаем псы, рвались на привязи от всеобщего бешенства. Карина не выдержала, зажала уши ладонями.

---

²⁵ Неспрадна – то есть беременная, носящая ребенка.

Тяжело, самой завывать хочется. Лучше отвлечься, думать о чем-то другом... О чем угодно. Вспоминать...

И, сжавшись в комочек, она унеслась мыслями в прошлое. Вспомнила терем в граде Елани у истоков Десны, где жила княгиней Боригора, вспомнила окошки слюдяные, резьбу по балкам, ложе с перинами лебяжьего пуха, яркую роспись на стене, запахи чистоты и богатства. Ах, как не хватало сейчас ей всего этого! А ведь и здесь она жила в лучшей избе, старостиной. Но теперь-то все по-иному ей виделось: замечала и дым, и копоть, и стылость земляных полов, и то, что жили все скопом, не было уголка укромного, горенки какой незатейливой, где уединиться можно. А еще ей вспомнились разъезды с Боригором, когда брал ее князь с собой на все торжища и погосты, из града в град возил, в ловах на зверя потешиться брал. Мир простой девушки из терпеев вдруг сразу расширился, стал большим, людным, интересным. Тогда уже нелепым казалось, что можно прожить весь свой век, не уходя от родного порога. Карина даже жалеть начала воя своего любимого, который, кроме как в окрестных от Мокошиной Пяди селах, нигде не бывал. Все твердил, что человек своим местом силен. Ах, знал бы он, как интересен мир, как хочется ко всему приложить руки... Но прав оказался именно Збуд. И когда приключилась с ней беда, кинулась Карина не куда-нибудь, а в Мокошину Пядь, под защиту старосты-родича. И он не обидел кровную племянницу, обогрел у дымной каменки²⁶, дал кров. Но все равно Карина не обрела здесь покоя, тоскливо ей было. Даже дитя, что жило в ней, не радовало, обузой навязанной казалось.

Тут на плечо Карины легла тяжелая рука Збуда, и она вздрогнула, оторвавшись от воспоминаний. Лицо же дядьки было напряженным. Он хмурился, прислушиваясь.

– Что это? Слышишь?

Голос был взволнованный, негромкий. Старший сын, Капелюша, рядом стоял, растерянно крутил головой, ловя звуки.

– Никак стряслось что?

Теперь и Карина различила: орали бабы как-то не так, визжали, некоторые звали испуганно. Звук шел от дальнего края селища, оттуда, где огороды в лес упираются.

– Может, бабы с Коровьей Смертью схлестнулись? – высказала догадку Карина.

Однако вскоре и она явственно уловила среди визжащих женских голосов тяжелый мужской гомон. Мужских голосов было чересчур много, они звучали все громче, яростнее, почти заглушая истошный бабий визг. Неожиданно совсем рядом вдруг послышались грубый окрик, топот, громкое лошадиное ржание. Собака во дворе, до этого заходившаяся лаем, вдруг залилась тонким болезненным визгом, заскулила. И злой мужской голос отчетливо прокричал одно слово, страшное слово: «Жги!»

– Ох, лихо! – простонал вдруг Збуд.

Карина увидела, как он стремительно схватил топор, кинулся, как был, в одной рубахе, к двери. Еле успела броситься наперерез.

– Не ходи!.. – взмолилась, с ужасом понимая, что там, за бревенчатой стеной, страшное – там смерть.

Пока вуй, ругаясь, отрывал от себя ее цепляющиеся руки, Капелюша уже кинулся к двери с луком, распахнул и застыл на пороге. В избу так и ворвались крики, шум, отсветы огня. Кто-то проехал верхом совсем близко, метнул в проем двери зажженный факел. Пламя угодило в юношу, он отскочил, затоптал огонь и, уже не оглядываясь, с криком устремился во тьму. Дверь за ним захлопнулась.

Карина немо уставилась на Збуда. У старосты дергалось лицо.

– В подпол быстро, – процедил сквозь зубы. – Хватай младших детей и прячься.

---

²⁶ Каменка – небольшая, сложенная из камня печь.

Она повиновалась. Схватившись за кольцо люка, отбросила тяжелое творило над подполом. Взяв маленького хнычущего Буську, опустила малыша в темный лаз. Семилетний Гудим вдруг заупрявился, стал с плачем метаться по углам, убегая. Гудим всегда боялся мрака подпола, где прячется домовая. Но Карина его все же поймала, почти за волосы подтащила упирающегося мальчишку к лазу, заставила спускаться. Оглянулась – никого более. И Збуд, и четверо его старших сынов, погодков Каплюши, уже выскочили вон, кинулись защищать баб, спасать селище.

Она закрыла за собой лаз. Теперь вокруг был только сырой холодный мрак подпола. Карина ошупала руками бревнышки стенок. Вдоль них обычно стояли короба, кадки, бадейки, в которых хранились запасы, так что молодая женщина с двумя плачущими малышами едва нашла свободное местечко.

– Тише, тише, – шептала Карина, прижимая к себе две детские головки. – А то услышит нас нечисть из лесу и проберется сюда.

Они смолкли, только нервно икали, давясь слезами. Нечисти опасались все – и дети, и сама Карина, однако сейчас она понимала: то, что случилось, – хуже нечисти. Чужие, лихие тати напали на селище, напали, когда ни оборониться, ни предупредить нельзя. Смогут ли теперь свои мужики отбиться? Сколько напавших-то? Откуда они?

Карина старалась держаться, даже принялась что-то негромко напевать детям. Вскоре по их ровному дыханию она поняла, что испуганные малыши уснули. Детям и положено спать ночной порой. Если бы не шумный гон Коровьей Смерти, они давно бы почивали на теплых шкурах. Но и сейчас уснули, птенчики, сладко и мирно, она же места себе не находит, сидит, словно каменная, расслабиться не может. Если сейчас поднимут творило наверху, если в отблесках пламени возникнет лютая рожа с окровавленным ножом...

Сколько Карина просидела так – не ведала. Постепенно расслабилась, отвлеклась, вновь стала вспоминать прошлое. Припомнила, как некогда ездила с князем Боригором, одетая в меха, в сапожки привозные хазарские. Тогда она гордилась собой и ничего на свете не боялась. Ведь всегда рядом были княжеские кметы²⁷ с луками за плечами и длинными копьями у стремян, все в добротных куртках из турьей кожи. Князь же имел кольчугу – настоящую, варяжскую, из мелких клепаных колечек. Неуязвимым казался старый Боригор, а она, княгиня меньшая, любимая, тоже считала себя защищенной. Князь ее баловал, развлекал, никому не давал в обиду. Даже на властную княгиню Параксеvu прикрикнул, когда та стала досаждать Карине. А ведь Параксева была старшей женой. У князя Боригора было еще три жены, но всю свою позднюю неожиданную любовь он отдал меньшице, только ее своей Лелей²⁸, Лелюшкой называл. Ух и злилась же на Карину за это Параксева! Но молчала, не смея перечить мужу. Боригор – он славен и грозен был, сумел племя радимичей отстоять, даже когда жестокий Дир Киевский начал подминать под себя и полян, и северян, и дреговичей²⁹. Дира боялись, матери детей пугали жестоким варягом киевским. Боригор же сражался с ним умело, гнал из земель племенного союза радимичей, за то и почитали его, малые племена под руку Боригора просились, моля о защите. Всем достойным казался Боригор. А вот Карине была ведома его тайна, знала о слабости мужа с первых ночей супружества. Не было уже в князе радимичей мужской силы, желание было, а вот сил нет... И то, что делал с ней по ночам прославленный Боригор, вызывало в его молодой жене недоумение. И жалость. Пока однажды, в полусне, не поддалась она его ласкам, не выгнулась, застонав блаженно... Боригор сам не свой после этого был. Карина же понимала, что хоть и не так положено мужьям с женами жить, но постепенно

---

²⁷ Кметы – воины при князе.

²⁸ Леля – богиня весны, символ чистой любви, юности.

²⁹ Древние славянские племена.

постыдную усладу стала получать в том, что делал с ней князь. Однако тягостно отчего-то было – и ему, и ей.

Но одно Карина уяснила – ей нравилось быть княгиней, нравилось жить в холе и почете, нравились дальние переезды, смена впечатлений. И еще нравилось, что Боригор ей душу повеяет, говорит порой не как с женщиной глупой, а как с мужем нарочитым³⁰. Все беды его она знала, все тревоги. Иногда даже советы давала. Льстило ей, что великий Боригор прислушивается к речам женщины из терпеев, что и другие ее влияние на князя замечают и особый почет ей оказывают.

Карина знала, что главной заботой стареющего Боригора был его сын – Родим.

Первенец князя, сын властной Параксевы Родим давно повзрослел, свою дружину имел. Властен был Родим не хуже матери, а главным препятствием к княжескому столу считал отца родного. Пока мудрая мать не подсказала, как князя Боригора с пути убрать.

Существовал древний закон: если случается великий недород, если неурожай происходит три года подряд – значит, вина в том правителя, значит, неугоден он богам и несет людям бедствия. И вот, когда на третий год недорода на священной поляне собрались волхвы, вперед выступил Родим-княжич и напомнил племенным вождям и старейшинам об этом законе. Дескать, все беды радимичей пройдут, если волхвы принесут на алтаре в жертву его отца, князя Боригора. Старейшины признали, что такой обычай имеется, а волхвы мудрые посоветовались, погадали по крови и дыму и сделали вывод, что Родим прав.

Однако старый Боригор не верил в гадания волхвов и не пожелал сам, как овца, прийти на заклание. Скрылся он тайно, ушел в леса, где и опытные охотники не все тропки знают. И Карину взял с собой в изгнание. Ух и помыкалась она с ним по чащам и топям, скрываясь, когда посланные ловцы спугивали их с очередного пристанища. А Боригор уже решил, как поступит с любимой женой. Как-то во время ночевки на лесной заимке, в глухомани дикой, сказал ей князь:

– Я ведь понимаю, что рано или поздно меня нагонят и убьют жестоко и безжалостно. А потом с великим почетом погребут в княжьем кургане. Тебя же, как жену любимую, рядом со мной живой закопают. Княгиня Параксева уж проследит, чтобы именно ты меня в загробный мир сопровождала. Даже если я сейчас отпущу тебя, сами волхвы на тебя, Лелечка моя любая, такую облаву устроят, что, хоть сам Лешак схоронит, найдут непременно и к кургану притащат. И только одно тебя может спасти: никто не осмелится хоронить женщину, если у нее под сердцем новая жизнь бьется.

От воспоминаний Карину отвлек глухой шум над головой. Наверху загудело, глухо и тяжело стукнуло, даже сруб подпола содрогнулся, а с бревенчатого творила посыпалась земля. Карина медленно подняла голову, судорожно глотнула. Догадалась, что это прогорела, обрушилась изба старосты. Значит, все. Жив ли еще кто из терпеев или все полегли – она не ведала. Но так тошно, так горько и страшно вдруг сделалось, что зарыдала тихонечко, кусая губы, чтобы не завывать в голос, не напугать мирно сопевших рядом деток. Плакала долго, давилась слезами. А потом пришло отупение. Она сидела, уставившись во мрак неподвижным взором, и сама не заметила, как опустились ресницы, исчезли мысли. Пришел сон.

Разбудил ее детский плач. Буська проснулся первым, растолкал Гудима, и они вдвоем тормозили ее, просили кушать. Дети всегда просят есть, когда есть нечего. Вот и сейчас Карина лазила в темноте по пустым закромам, скребла по днищам коробов. Все же удалось обнаружить горшочек с медом липового летнего сбора. Они ели густой сладкий мед, а на зубах хрустела земля. Противно было.

– Надо попробовать выбраться, – то ли себе, то ли детям сказала Карина.

---

³⁰ Нарочитый – уважаемый, знатный, признанный.

Сказать легче, чем сделать. Сверху их завалило намертво. Карина взобралась повыше, нашла между толстыми бревнами сруба щель и, вставив в нее обе ступни, упираясь плечами и головой в творило, стала пытаться отворить подпол. Пробовала опять и опять. От натуги дрожало все тело, скрипела на сжатых зубах земля. Дети снизу что-то спрашивали, Буська даже советовал. Ее это только злило. Подумалось мельком – мыслимо ли брюхатой такую тяжесть, как дом, поднимать? Она задышалась, делала новые попытки, пока в какой-то момент не поддалась отчаянию. Стала кричать, биться в тяжелое творило, звать, уже не думая о том, что может напугать малышей, что сверху могут оказаться окаянные убийцы. Боги пресветлые!.. Да уж лучше быструю смерть от булата принять, чем задохнуться во мраке холодного подпола.

И тут, словно кто-то помог ей сверху, загрохотало, и люк сдвинулся. В глаза резануло светом. В первый миг Карина даже ничего не могла разглядеть. Потом закусила костяшки пальцев, чтобы не закричать. Рядом был староста Збуд. Но она еле узнала любимого дядьку под этой бурой маской запекшейся крови. У Збуда не было глаз – одни раны кровавые. Ей понадобилась вся ее воля, чтобы не запричитать. Выбралась наверх. Огляделась. Все. Теперь кричи, не кричи – без толку.

Не было больше Мокошиной Пяди. Раньше стояло большое селение, до двух десятков дворов насчитывало. Сейчас же вокруг лишь обгорелые кучи пепла, остовы каменок, да дымок вьется над догорающими кое-где балками. В ноздри несло гарью и сладковато-приторным запахом горелой плоти. Медленно летали в воздухе легкие хлопья пепла. А в чистом голубом небе холодно светило ясное Хорос-солнышко.

Карина глядела вокруг расширившимися глазами. Збуд говорил, что человек силен своим местом. Но это место было не ее, она не узнавала его. И трупы... Сколько трупов! Кто же это не боится кары, оставив тела непогребенными, не опасаясь, что души убитых будут его преследовать?

– Дир, – словно прочитав ее мысли, слабо прошептал Збуд. – Князь-разбойник Дир проклятый...

Карина склонилась над старостой. От горя похолодела. Лицо ослепленное – сплошная страшная маска, на животе рубаха побурела от крови. Рука порублена, покалечена. Как же он жив до сих пор, где набрался сил, чтобы откинуть, откатить обгорелое бревно, завалившее творило подпола?

Он что-то пробормотал. Склонившись, Карина различила:

– Да детей достань, княгиня глупая.

Он все еще величал ее княгиней. Она же была растеряна, перепугана. Послушно выволокла грязных, перепачканных медом Буську и Гудима. К меду тут же пристала сажа. Малыши выглядели бы даже забавно, если бы не были столь перепуганными, жалкими, не дрожали бы так от страха и холода, прижимаясь к отцу. Но и последнего словно боялись. Гудим стал реветь. За ним расплакался и Буська.

Младший все же спросил:

– Тятя, а где Капелюша? – Даже привстал, оглядываясь, но тут же вновь прильнул к отцу: – Тятя, мне холодно. Спинка мерзнет.

Зимнее солнце светило, но не грело. В холодном сыром воздухе запах гари казался особенно резким. Дети плакали, мерзли, Збуд истекал кровью. Надо было что-то делать.

Явь казалась страшным сном, когда Карина, бродя среди обгорелых, порубленных тел сельчан, пыталась хоть что-то отыскать, что могло помочь уцелевшим, или надеялась, что еще кто-нибудь очнется, окликнет ее. Но все было тихо, только каркало воронье, под ногами хрустели обгорелые головешки да хлопала снежная слякоть вперемешку с пеплом. Разбойники не пощадили никого, пострадали и стар, и млад, и пригожие бабы из Мокошиной Пяди. Разбой обычно разжигает похоть, но бабы во время гона Коровьей Смерти бешеные, их убить легче, чем повалить. Вот и убили... Карина увидела Ясенку. Страшная рана темнела у той от клю-

чицы и тянулась, раскраивая ребра. Карина склонилась, накрыла рукой распахнутые пустые глаза Ясенки.

Она постаралась взять себя в руки. Конечно, ей не под силу погresti всех сородичей-селян. Однако не бросить же их так на растерзание зверью... И когда там, где некогда была кузня, Карина обнаружила среди пепла гнутый серп, она стала срезать им росшие вокруг селища кусты и, как сумела, накрыла тела погибших.

Она работала быстро, торопилась, вскоре даже жарко стало, хотя была только в рубахе, безрукавке меховой и поневе³¹ с вышитым подолом. А на руках нелепо, даже кощунственно сейчас смотрелись дорогие браслеты с камнями и эмалевыми цветами, на шее ожерелье-монисто в несколько рядов – все, что осталось от некогда княжеской жизни. Да и была ли эта жизнь когда?.. Карина сейчас с радостью обменяла бы эти богатства на потертую овчину, чтобы укрыть детей, самой прикрыться от холода. Пришлось с мертвых тел последнее стягивать, напяливать на детей заскорузлые от чужой крови рубахи, одну на другую. Ведь скоро завечереет, совсем холод проймет. Чем-то укрыла, укутала лежавшего в беспомощности Збуда. Что осталось, надела на себя, не думая, как ужасно выглядит – вся в золе, в жутких кровавых лохмотьях, растрепанная, но с богатейшим княжым монистом на шее. Карина сунула его за пазуху, шею до подбородка обмотала обрывками чьей-то пушистой шали. Ах и славилась же некогда Мокошина Пядь мастерицами вязать из шерсти местных коз такие вот роскошные пушистые изделия!.. Больше этого не будет. Нет больше Мокошиной Пяди...

Она все же разревелась. Накрыла последние уложенные рядами тела ветками. Все. Больше сейчас она для них не может сделать. А вот что сделает – так это двинется вслед опускающемуся солнышку. Путь она знает, будет идти, пока не доберется до ближайшего капища бога Рода. Жители Мокошиной Пяди волхвам этого капища всегда большие требы носили, и те не посмеют отказать ей в приюте.

Карина уложила полубесчувственное тело старосты на срубленные серпом ветки молодых сосенок, соорудив что-то вроде охотничьих волокуш. Связав из тряпья постромки, впряглась в них. Когда сдвинула с места волокуши, Збуд все же застонал, молвил:

– Оставь меня, Карина. Белая³² уже подле меня. Ты лучше о детях позаботься.

Не оглядываясь, она молча потащила волокуши по талому снегу, только прикрикнула, чтобы Гудим с Буськой следом шли. На слабый зов старосты не отвечала. Карина вообще была не больно болтлива, а сейчас в ее сердитой немоте Збуд угадывал присущее ей упрямство. Карина всегда была девка с норовом, всегда по-своему поступала.

Снег был рыхлый, глубокий. Она стала уставать, но запретила себе останавливаться, лишь порой оглядывалась на детей. Сколько так смогут идти малыши семи и четырех годов от роду? Ничего, если устанут, сообразят позвать или пристроиться подле отца на волокушах. И первым не выдержал старший, капризный Гудим. Карина только стиснула зубы, когда постромки волокуш сильнее врезались в плечи. Буська, тот дольше ковылял, пока Карина сама, опасаясь, как бы малец не отстал, велела ему пристраиваться возле отца и брата.

Збуд порой негромко постанывал. Слепленный, он не видел солнца, но спрашивал у Гудима – высоко ли светило? Карина и сама понимала, что времени у нее в обрез, пока не настанут потемки. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, стала вспоминать, как некогда, еще девчонкой, бегала здесь с сыновьями Збуда, позже охотилась с ними. Братья, да и сам Збуд говорили, что отличная из Карины получилась охотница: и след зверя отыскивала умело, и белку била в глаз. Никогда охота ее не была порожней, видать, любил ее Лешак-хозяин за то, что первую добычу девка всегда ему оставляла, не забывала и домашнее угощение – пирожок или яичко вареное – на пенек положить. А вот с домовым у Карины не больно ладилось, не

---

³¹ Понева – славянская запашная юбка.

³² Белая – злой дух, предвещающий скорую смерть.

помогал ей запечный дух – и похлебка у нее переваривалась, и хлеб клонился верхушечкой не в ту сторону, а то и молоко горячее прямо на глазах сбегало белой пеной. Да, хозяйки-стряпухи из нее не получилось. Первая жена Збуда учила ее, да и то не выдержит, скажет в сердцах, что, мол, у девки обе руки левые. И кто такую в жены возьмет? А вот взял же, сам Боригор взял. А за ним и Родим принял на ложе, жемчугами украсил, даже женой назвал. Да только сбежала она от Родима.

Частоколы капища должны были вскоре возникнуть за ближайшим ельником, когда ее внимание неожиданно привлекли следы. Не зверя дикого, а коней подкованных. Похоже, отряд прошел. Двигался он вокруг ельника, туда же, куда и она, к капищу. Однако как раз на повороте еще один след шел, словно всадники, посетив капище, уже покинули его. И нехорошо стало на душе. Догадывалась, кем могли быть эти снующие по округе отрядники.

Карина двигалась осторожно, прислушивалась. Вроде спокойно все. А потом, когда показались бревна частокола капища, она увидела служителя-волхва. Он стоял у ворот в вывернутой овечьей накидке – длинноволосый, длиннородый. Глядел на них, потом обернулся, сказал что-то, и еще трое волхвов вышли на размокший от снега воротный проход. У Карины даже слезы на глаза навернулись от облегчения. Добралась-таки. Сейчас им помогут, накормят, обогреют, Збуду помощь окажут. Ведь всем известно, какие знатные лекари волхвы.

И тут служители капища, выйдя вперед, загородили дорогу взятыми наперевес длинными посохами.

– Куда идешь? Прочь!

И, видя, что она оторопело молчит, один из них пояснил:

– Мор в округе. Верхогрызка³³ косит людей целыми селищами. Вот и не можем никого принять.

– Мор... – только и пробормотала Карина.

Да, конечно же, в доме старосты о том поговаривали. Однако мор где-то в стороне был, в терпейские леса не дошел. Мор – это единственное время, когда даже священный закон Рода о гостеприимстве теряет силу. Но ей-то что теперь делать?

Карина смотрела на волхвов, измученная, усталая, в отрепьях. А ведь волхвам известно, кто она. И она так и сказала: мол, не признать меня не можете, а не окажете помощи, не прошу. Видела, как они переглядываются. «Тоже мне, волхвы всемогущие».

– Со мной двое малых детей и раненый староста из Мокошиной Пяди. Там набег был...

– Знаем.

– Знаете?

Они словно замялись.

– Мокошину Пядь бы не тронули, но там бабы сами виноваты. Дружинники Дира только поглядеть хотели. И ты виновата. Кара ты. Ни Боригору от тебя не было радости, ни Родиму. Да и в свое селище несчастье принесла.

Когда такое говорят волхвы вещице – впору умом тронуться. Но Карина уже не была наивной девочкой из терпейского племени. И вместо того чтобы заголосить, завывать и просить волхвов ее, такую поганую, прочь гнать, сама наступила. Что ж такое – они ее обвиняют, а след врагов радимичей, дружины Дировой, так и вьется вокруг их капища? И не волхвы ли, чтоб откупиться от киевлян-находников³⁴, направили тех на богатое селище терпеев?

– Злая ты, – изрек наконец один из волхвов. – Кара.

– Карой я стану, если вы меня не слушаете да помощь не окажете. Уж я поведаю, как вы смогли Дира от себя отвадить.

---

³³ Верхогрызка – болезнь со смертельным исходом, эпидемия.

³⁴ Находники – люди, совершающие набеги; грабители.

Но сама уже понимала, что перегнула палку. Вот убьют ее сейчас служители Рода, а все решат, что и ее, красавицу Карину, погубили люди Дира в терпейском селении. И пока волхвы злобно шипели, что, дескать, ничего-то ты, девка, не докажешь, она уже им сговор предложила. Скинула с запястий чеканные, в цветах эмалевых браслеты и, протянув волхвам, предложила – она уйдет, но заплатит им за то, чтобы приютили детей и старосту.

Волхвы согласились. Сказали, что возьмут по браслету за каждого ребенка. Збуд же...

Карина настаивала:

– Он ведь глаз лишился... Грудь кровоточит.

Но староста сам окликнул сзади:

– Да за себя проси. Меня же оставь. Мой час близок. Не все ли одно где...

Ох и накричала бы на милого дядьку Карина, если бы не столь слаб был. А волхвы так и ухватились – дескать, последняя воля умирающего. Карина же одно знала: она не она будет, если милого Збуда бросит, если не сделает все, чтобы спасти его. Вот и осталась с ним.

– Всегда упряма была, – слабо прошелестел Збуд.

Она не ответила. Смотрела, как волхвы уводят мальчиков. Думала о том, что их ждет. Встретятся ли еще? А если нет... Что ж, в капищах всегда были дети, которых обучали, держали как служек, но кто проявлял себя, тот и волхвом стать мог. Но все равно на глаза навернулись слезы, когда уже у самого частокола мальчишки оглянулись, помахав руками.

К ночи стало подмораживать. В лесу зазвучал волчий вой.

Збуда лихорадило, он бормотал что-то бессвязное. Вокруг ни души, ни огонька, один лес.

Карина еще издали заметила это дерево – мощный кряжистый дуб, словно сросшийся из нескольких стволов. Решила: если забраться повыше, где расходятся мощные стволы, можно устроиться и с раненым, переждать ночь.

Самой взобраться было несложно. Сложнее затащить дядьку. От боли Збуд потерял сознание. А очнулся – для него все едино мрак кругом. Но он слышал рядом тяжелое, усталое дыхание Карины.

– Послушай меня, девочка, – разлепил губы дядька. – Говорить это тебе не должен был, обещался ведь... ну да все равно теперь. Тебе в Киев идти надо да разыскать там певца Бояна. Ты ведь знаешь его, помнишь? Вот и ищи. Батюшка он твой. Породил тебя, селище с него никогда ничего за тебя не спрашивало. Но теперь ты одна, ты баба, беззащитная, да еще и беременная. Пусть же поможет...

– Тихо, тихо лежи, – шептала Карина, глядя его по слипшимся от крови волосам. Но он старался говорить, сквозь горячечную дрожь, сквозь наползающую слабость.

– Боян – отец он твой. Иди к нему. Слышишь ли?

Она молчала. Отец... Помнилось – Боян в селище появлялся изредка. Красивый, с темной холеной бородой, в корзно³⁵ расшитом, в добротных сапогах, гусли за плечами. И все говорили: Боян – великий певец-сказитель, под покровительством самого бога Велеса, ему дар особый дан, и в пути его, безоружного, ни одна злая сила не тронет, ветры оберегут, лихие люди обойдут. Вот и идет он по земле – красивый, пригожий, ласковый. Без меча, с одними гуслиями. А потом возвращается в великий полянский город Киев, что на горах над Днепром высится. И сам князь Аскольд принимает его в своих палатах, одаривает богато.

Збуд то ли впал в беспамятство, то ли уснул. Холодно было, а он горел. Карина приникла к нему, стараясь не думать о волчьем вое в лесу, о пробирающем до костей холоде. Боян... Когда заходил он в Мокошину Пядь, она совсем еще девчонкой была. Что ж таился-то? Ведь навещал, приходил, нянчил, баловал. Песни пел – так, что люди отовсюду сходились послушать. А Карина гордилась тем, что Боян ее возле себя сажает. Но то, что он ее родитель...

³⁵ Корзно – богатый плащ, застегивающийся на плече.

– Я в Киев тебя недоволю, Збуд, – устало промолвила Карина. – В Елань пойдём, к Родиму. Ведь он женой как-никак меня перед всеми объявлял.

Ночь тянулась бесконечно. Карина дрожала от страха, холода, усталости. А порой словно все безразличным ей делалось – проваливалась в дремотную усталость. Стоны старосты приводили ее в себя. Он начинал метаться, и она держала его, просила потерпеть еще. Вот скоро притащит его к людям, перевяжет, обработает раны целебными отварами да мазями...

– Мы доберемся, Збуд. Я ведь упрямая – ты сам говорил. Вот и дотащу тебя. Не к самой Елани, так к людям. Они помогут.

Збуд вроде в беспомощности был, но вдруг ответил, слабо, словно ветер прошелестел:

– Не пустят нас. Верхогрызки побоятся.

Дядька оказался прав. В первом же селище, куда утром приволокла раненого Карина, на них едва не спустили псов. Мужики повыходили страшные, с дубинами. И Карина вновь плелась прочь по глубокому снегу, тащила волокуши с бредившим Збудом. Да, в неладное время они оказались без очага, без приюта. Она поняла это, когда то и дело стала замечать на тропе замерзшие трупы – то ли лихих лесных людей, то ли калик перехожих. Больше всего их было у перекрестков, где по обычаю радимичей на шестах возвышались домовины – маленькие деревянные домики, в которых хранили прах предков. Казалось, бродяги тянулись к этим захоронениям перекрестным, перед смертью молили ушедших родичей взять к себе поскорее, увести в светлый Ирий³⁶, чтобы не мучиться в неласковом подлунном мире.

Теперь Карина старалась идти по большаку³⁷, который тянулся через леса радимичей к реке Десне, где велись торги и где местные князья построили свой град Елань. Селища вдоль большака стояли притихшие, будто нежилые. Под вечер, устав, ослабев, уже плохо соображая, Карина все же попыталась постучаться в одну из изб. И надо же – отворили. Перед Кариной стояла старуха в темном платье, даже улыбалась, приглашая войти.

– Что смотришь, девица? Входи.

Карина хотела сказать, что оставила у плетня раненого, однако какая-то странность в улыбке старухи остановила ее. Молча вошла в дом, огляделась. Темно тут, холодно, давно не топили. Только чуть тлеет огонек лучины, и в его свете увидела Карина, что старуха возится подле кого-то у полатей.

– Ну же, что стала, подойди. Видишь, сынок мой лежит. А рядом с ним кто, видишь? Она самая, Верхогрызка. А ты ложись рядом. Может, и тебя Верхогрызка обласкает, а сыночка моего и оставит.

И захихикала радостно, безумно. Но тут же на крик перешла, увидев, что гостя к выходу попятилась.

– Куда?!

И кинулась, наскочила, стала тянуть. Худая, как кошка бездомная, а силы где и взялись. Карина еле смогла отпихнуть старуху, бросилась прочь. Шла, зажимая уши, чтобы не слышать стонов обезумевшей, дикого хохота с подвыванием.

Но испуг словно придал ей сил. Вновь впряглась в лямку, вновь поволокла раненого. Повторяла негромко:

– Ничего, что-нибудь придумаем.

А тут еще опять леденяще и люто завыли волки. Карина, сцепив зубы, тащила волокуши. Думалось о плохом: знала, как волки настигают, как нападают – один под ноги кидается, валит, второй сразу на горло прыгает.

---

³⁶ Ирий – славянский рай, где царит вечная весна.

³⁷ Большак – дорога достаточно широкая, чтобы по ней могла проехать телега.

Когда уже стала различать позади в сумерках силуэты волков, неожиданно углядела впереди темный сруб полуземлянки. Кинулась к ней, толкнула скрипучую дверь и сразу ощутила затхлый запах необитаемого жилища. Похоже, на зимовье чье-то набрела. И как раз вовремя.

Карина опустила засов на двери. В потемках стала шарить среди паутины за печкой-каменкой. Так и есть – мир не без добрых людей. Уходя, зимовщик оставляет в избе трут и кресало, сухие дрова, подтопку.

Развела огонь. Обычно не болтливая, сейчас, от напряжения, Карина тараторила без остановки. Дескать, сейчас тебя согрею, осмотрю, а там, – помогите боги, – на поправку пойдешь. Я тебя выхожу, вылечу, у самой Морены³⁸ отниму.

При свете огня в каменке она склонилась над дядькой. Повязки на глазах его обледенели, а на порубленной руке нет – значит, сочилась кровь по-прежнему. Но самое худшее выяснилось, когда, размочив, стала снимать повязки с груди Збуда. От краев раны так и пахло гнилью, Карина даже закашлялась. Что ж... Она покосилась на дверь. Волки выли, но вроде не близко. А сугробы под самый дом намело.

Карина набрала в котелок снега, растопила на огне, потом обработала раны Збуда. Грустно было до отчаяния. Не помогло, и когда обнаружила на лавке краюху заплесневелого хлеба, кус засохшего сыра. Просто грызла их, запивая горячей водой. Кое-как размочив хлеб, попробовала покормить старосту. Он только отхлебнул немного, поесть не получилось. Но сейчас ей и это было безразлично. Легла на свалывшуюся солому на полатах, думала, сейчас же уснет. Но не спалось. Опять нахлынули воспоминания...

Когда Боргора травили, словно зверя, он сказал Карине, что если их поймают, то ее от участи быть заживо похороненной вместе с ним спасет, если беременной окажется. Карина не сразу поняла, что у старого князя на уме. А вечером он привел к ней в лесную избушку одного из троих оставшихся с ними кметей. Медведко его звали – огромный такой детина, бурая борода лопатой.

– Покроешь сегодня княгиню, – велел ему Боргор. – А ты, Каринка, не упрямясь. То моя воля.

Она и не упрямялась. Только вдруг озлилась очень, отвернулась, чтобы Боргор не видел ее глаз. И покорно терпела Медведко, когда тот, сопя и потея, трудился над ней. Звука не издала, лишь губы поджала, когда больно стало. Медведко лишь заулыбался. Его не смущало даже присутствие князя. Только поднявшись, натягивая портки, поглядел на Боргора так, как раньше никогда бы не глядел на главу радимичей, – насмешливо. Уже понял, что воитель Боргор красавицу меньшицу не смог девственности лишить.

Боргор же смотрел лишь на Карину. В глазах слезы стояли.

– Пойми, Лелечка моя, только так могу тебя спасти. Знаю, не захочешь ты по своей воле меня в Ирйи сопроводить. А то, что больно Медведко тебе сделал, – у баб всегда так поначалу. Потом даже усладу в этом находят. И ты так жива останешься, радоваться страсти Уда³⁹ научишься. Я ведь знаю, какая ты у меня чувственная, нежная.

Медведко приходил к ней и в следующую ночь, и еще раз. Ложился на нее, проникал сильными толчками. Карина знала, что это как раз то, что происходит между мужиками и бабами. Но какая же в том услада?.. И еще невыносимо было присутствие сопящего князя.

– Да прочь поди... постылый!

Он вышел, спотыкаясь. Закончив свое дело, за ним вышел и Медведко, скабрено улыбувшись ей напоследок. Карина отвернулась, лежала, глядя в стену, пока не уснула. А разбудили ее крики, голоса, лязг мечей, стоны. Как была, в одной рубахе, кинулась на порог.

Из мрака голос Родима кричал:

---

³⁸ Морена – злой дух, смерть.

³⁹ Уд – бог сладострастия и плотских желаний.

– Смирись, отец! Это твоя судьба!

Но Боригор отбивался отчаянно. А с ним и последние верные кмети. Всех порубили. Самому князю голову снесли. Она так и покатила под ноги Карине, уставившись на нее удивленным взглядом. Карина закусила косу, чтобы не закричать. Бросилась назад в избу, вжалась в угол.

Родим вошел, пригибаясь под низкой притолокой. В руке окровавленный меч. Не он ли и зарубил отца? Бросив оружие, поглядел на Карину, улыбаясь.

– Ну вот и ты, моя красавица.

Одним рывком разорвал на ней рубаху, кинул на лавку, навалился, вдавливая в ее нежную кожу булатные пластины доспеха.

– Ну, ну, не вырывайся так. Знаешь ведь, что давно мне мила. Так что не обижу, в терем к себе возьму. Не наложницей, княгиней сделаю.

Несмотря на боль и унижение, Карина сообразила. Перестала биться, не хныкала, улыбалась ему в бороду. Жить-то хотелось...

Родим и раньше всегда заглядывался на меньшицу отца, даже руки дрожали в ее присутствии. Что, однако, не мешало при малейшей возможности то хлопнуть ее пониже спины, то по бедру огладить. Боригор заметил однажды – сразу кулаком по лицу сына прошелся. Теперь же Боригора не было в живых, лишь глаза с его отрубленной головы глядели, как сын-убийца наслаждается его любимой женой.

Но похоронил отца Родим с почестями. Карина же во время тризны сидела подле нового князя, волосы по вдовьему обычаю не срезала, сразу кикой мужней жены покрыла. Ох и косилась же на нее злобно старая княгиня Параксева!

Наверное, Карина тогда даже торжество ощутила. Но недолго оно длилось. Родим отличался от отца; тот бы никому собой помыкать не позволил, а этот чуть что – к матери за советом бегал. Вот та и подучивала сына. Уже на второй день после тризны он ввалился в опочивальню Карины пьяный, ни с того ни с сего выхватил из-за голенища сапога кнут и давай ее пороть. Пока до крови не рассек, не успокоился. Едва отдышавшись, сказал назидательно:

– Всякий муж должен бить жену, чтоб знала, кто ее хозяин.

Карина смолчала, хотя про себя и решила, что не позволит ни Родиму, ни его матери помыкать собой. Всегда жила в ней некая гордость, отчасти из-за сознания своей красоты, отчасти оттого, что упряма была. Но как поступить, когда заступиться некому?

Утром чернавки плакали, обрабатывая ее рассеченную кнутовищем кожу.

– Пропала ты, княгинечка, совсем пропала. Родим, он всегда недобрым был, а тут его еще Параксева на тебя натравливает.

Карина молчала. За молчанием пряталась, как за щитом. Но для себя уже решила – уйдет. И хотя грудень⁴⁰ был уже на исходе, тайно покинула Елань.

В Мокошину Пядь пришла скоро. И только когда отогрелась у родного очага, с досадой и раздражением поняла, что непрадна. А чей ребенок – Медведко ли, Родима – не ведала. И вот теперь, когда, как побитая собака, возвращается в Елань-град, на это дитя у нее вся надежда. Скажет Родиму, что его это ребенок. А понадобится – и руку в огонь положит, чтоб правоту свою доказать. Пусть верит.

Она провела рукой по животу. Если не ошибается, четвертый месяц она с дитем, а лишь выпуклость небольшая под ладонью ощущается. Талия же по-прежнему тонкая, ноги легкие, а вот грудь отяжелела, ноет по утрам. Но хоть прошла эта изнуряющая тошнота, изводившая ее поначалу. И она все еще хороша, чтоб вновь привлечь Родима. Чутьем, как одни только бабы ведают, Карина знала, что любя ему. И теперь Параксева злая будет вынуждена смириться с ее возвращением. Княжича им Карина принесет. Но сперва надо суметь принести. Добраться...

---

⁴⁰ Грудень – декабрь.

Ночью вновь задул ветер, разыгралась пурга. Даже волков разогнала. Карина под ее завывания сладко выпалась в дымной избушке. А под утро напилась горячего отвара хвои, старосту напоила. Он глотал, даже находясь в беспомощности, однако рана его вздулась, запах шел гнилостный. Карина понимала, что Збуда надо показать опытным волхвам-лекарям. Значит, следует торопиться.

Путь ей указывали все те же домовины на шестах, и она вновь смогла выбраться на большак. Колючий ветер так и налетал, жег лицо ледяной крупой. Но тут ей повезло. Откуда-то возникли сани легкие, лосем ручным запряженные. Мужичок в овчинном тулупе сначала только глянул, но, уже проехав, остановился.

– Замерзнешь тут, убогая. Иди, подвезу.

Карина едва не расплакалась. Глянула на бородатого, всего в шкурах, мужичка с благодарностью.

– Сами боги тебя мне послали, добрый человек. Мне до Елани. Близко тут.

Лось легко бежал по глубокому снегу, только пар от него летел. Возница не оглядывался, молчал нелюдимо. Девушка даже задремала под мерный скрип полозьев. Очнувшись, увидела, что едут они уже по обжитым местам, селища все чаще попадаться стали, но по-прежнему притихшие, редко где дым поднимался над шапками снега на крышах. Собаки, и те не лаяли. Когда сторожевые вышки стали попадаться, дозорные даже не выходили.

– Все, слазь, – неожиданно сказал возница. – В Елань – это тебе туда. Я в другую сторону еду.

Она повиновалась. Вновь впряглась в волокуши.

На фоне серого зимнего неба Елань радимичей впечатляла. Мощные частоколы, такие высокие, что градских построек за ними не видно, зато внушительно всплывают к небу бревенчатые дозорные вышки. Карина даже разглядела темные силуэты стражей на заборолах.

Ей отчего-то стало не по себе. Затащила волокуши с неподвижным Збудом под лапы ближайшей ели.

– Ты обожди тут немного. Сама я быстро управлюсь и за тобой пришлю.

Вышла на открытое пространство. Поскальзываясь, миновала обледенелый мост через реку у высоких частоколов града. Заметила, что охранники сверху наблюдают за ней.

Она их окликнула.

– Эй, впустите в град. К Родиму я. Аль не узнали? Жена я его, Карина.

Они по-прежнему только глядели, потом переговариваться начали. Но вроде послали одного куда-то. И Карине пришлось ждать, стоять на ветру, растрепанной, измученной.

А потом наверху она увидела княгиню-мать Параксеvu. Карина только слабо охнула, заметив ее тучную фигуру. Параксеvu – враг. Стоит себе в высокой меховой шапке поверх желтого покрывала, лицо широкое, суровое.

– Прочь пошла, бродяжка убогая! Нет тебе больше доступа в Елань.

– Родима позови!

– Хворает Родим. А ты прочь пошла, пока я не велела стрелой тебя подтолкнуть.

Карина поняла, что это конец. Нет смысла просить, умолять. Параксеvu наверняка ее узнала, торжествует сейчас.

– Будь ты проклята! – прошептала Карина. – Пусть сам Род накажет тебя, сука жирная.

И, вскинув голову, пошла прочь. Но чем дальше отходила, тем сильнее никли плечи. Стала взбираться на пригорок, но снег не пускал, оседал под ногами, стаскивал назад. И в какой-то миг она осела. Заплакала от слабости, бессилия, безнадежности.

Какой-то звук сзади привлек ее внимание. Вроде заскрипели ворота, стукнуло деревом. Карина оглянулась, увидела, как из града выехал верховой. Может, Параксеvu послала кого добить ее? Всадник переехал мост и теперь скакал в ее сторону легкой рысью. И именно в

этот миг что-то изменилось в мире, засиял он золотистым лучом неожиданно проступившего закатного солнца.

Карина глядела на всадника, и глаза ее расширились. Но не от страха. Просто подумалось, что ничего более прекрасного в жизни она еще не видела. Всадник не ехал – летел, плавно покачиваясь в седле. Его необыкновенно прекрасный конь скакал, словно парил, высоко неся на излете хвост. Сиял на руке всадника круглый щит, из-под опушенной мехом шапки разлетались длинные светлые волосы. Легкий, стройный, освещенный закатным солнцем, он показался Карине нереальным, сияющим, как сам Хорос, светлый и грозный.

Всадник приближался. Теперь она различала звон металла, скрип снега, видела пар, идущий от разгоряченного коня. Даже заметила, как волнуется на плечах всадника мех богатого, черно-бурой лисы полушубка. Необычный витязь, молодой, незнакомый. Сейчас он убьет ее...

Но всадник только глянул. Карина различила его яркие синие глаза под темным мехом шапки, сжатые губы на непривычно бритом лице. Он даже не замедлил шага коня. А она, то ли моля, то ли защищаясь, подняла руки, потянулась к нему.

Он проехал мимо. Карина слышала, как звенит, удаляясь, наборная сбруя лошади, как глухо скрипит снег. И поникла. Ветер набросил ей волосы на глаза.

– Боги... Род добрый... Дайте сил.

И вдруг вновь увидела его. Незнакомец возвращался к ней.

Глава 2

Еще когда Торир покидал Новгород, его предупредили о радимичах: новый князь Родим горяч нравом, шумлив, но главную силу все же имеет его мать, княгиня Параксева. И сейчас, глядя на них – сына и мать, – Торир понимал, как это верно.

Князь Родим, еще не оправившийся от хвори, кашляющий, зло ругающийся, был бы как мягкая глина в ладонях Торира. Слушая его речи, довольно улыбался:

– Вот так славно! Конечно же, по рукам!

Другое дело – княгиня-мать. Немолодая, тучная, желтолицая, казавшаяся просто восковой от облежавшего ее щеки желтого шелка, она с подозрением слушала речи пришедшего варяга. А ведь он предлагал как раз то, что должно им понравиться, – поддержать воеводу новгородского Олега в походе против Дира и Аскольда Киевских.

– Разве сами не знаете, что Дир шастает по лесам свободных радимичей, как по своим охотничьим угодьям. А Олег, по сути, единственный, кто может варягов киевских присмирить.

– Верно!.. – тут же порывался встать Родим, но словно наткнулся на взгляд матери и сникал, заходился кашлем.

У Параксевы взгляд тяжелый, маленькие глазки тускло блестят под набрякшими веками.

– Объясни ты нам, варяг пришлый, отчего это мы, радимичи, должны помогать Олегу? Мы племя свободное, ни с кем ряд не заключаем, но и сами никого не слушаем.

И в который раз Торир пояснял: Дир уже подмял под себя союз северян, и дреговичи из лесных болот ему дань платят, и большая часть вятичей его на полюдь пускают. Это не говоря уже о малых племенах. Дир, князь киевский, живет набегам, дружина у него отменная. Но Дир воюет, а руку его направляет Аскольд, что в Киеве на Горе сидит. Уже не один раз нападали киевские князья на радимичей и еще придут, пока не подчинят. Он же, Торир, предлагает верное дело – оповещать радимичей всякий раз, когда Дир поход против них замыслит. Вот тогда-то им на помощь от Рюрика Новгородского явится его воевода Олег. А уж с Олегом, если радимичи пойдут под его стяги, они кого хошь отобьют, а то и до самого Киева доберутся.

Вот о чем говорил посланец Рюрика в отдельном натопленном покое. Сидел на лавке у стены, Параксева же подле сына устроилась, а тот распростерся на лежанке под медвежьими шкурами. Хворь его только отпустила, слаб еще был. Княгиня Параксева сама за любимым сыном ходила, никого к нему не допуская. Только для варяга исключение сделала, да и то лишь после того, как полюбовником ее стал. Глянулся ей, вдовице, чужеземец пригожий, вот и пришла к нему ночью. Торир принял ее, понимая, что иначе властную бабу не уломать. Но хоть княгиня и дозволила ему встретиться с сыном, однако воли особой не давала.

– У нас, мил человек, – говорила, – есть такая присказка: от добра – добра не жди. Вот ты и поясни, какая нам выгода Дира Олегу Рюрикову предпочесть? Дир окрестные племена под себя подмял, а Рюрик разве не то же делает? Где, спрашивается, вольные старшины веси? Где князья полочан? Где чужь свободная⁴¹? Все под варягом оказались. Потому что в этом вся ваша порода варяжская – власть над другими брать. Но Дира Кровавого мы хоть знаем, воевать с ним научились. Другое дело Рюрик. Неведом он нам, а неведомое всегда опасно.

– Одно ты только забываешь, княгинюшка, – вальяжно раскинувшись на лавке, заметил Торир. – Рюрик от вас далеко на севере, а Аскольд – вон, под самым боком. Про Рюрика же скажу: у него одна цель – наказать своих ратников Аскольда с Диром, которые обманом у него увели часть войска, говоря, что на Царьград пойдут, а сами, на силу Рюрика опираясь, власти у киевлян добились. Теперь тому же Рюрику условия выставляют да мешают новгородским судам на юг плыть.

---

⁴¹ Весь, полочане, чудины – финно-угорские и славянские племена, обитавшие на севере.

Голос у Торира низкий, с рычинкой, даром, что лицо у самого пригожее, как у отрока юного. А имя старшего киевского князя он произносил по-местному – Аскольд, не Оскальд, как раньше называли. И всякий раз словно облачко набегало на чело, синие глаза вспыхивали, когда выговаривал это – Аскольд. Параксева то уловила, скривила в усмешке рот.

– Ох и не любишь ты русов из Киева, варяг, ох и не любишь.

И все же Параксева сомневалась. А вот Родим ерзал под шкурами, на мать едва ли не гневно поглядывал. Но молчал. Отца родного погубить не побоялся, а матери и слова поперек не скажет.

Но тут в дверях показался кметь, сказал что-то княгине негромко, и та вышла. И Торир сразу же подсел к Родиму, стал говорить, что, мол, чего это ты, князь, все матери потакаешь, мол, сговоримся по-мужски, а там и пойдем, покажем удаль молодецкую, погоним Дира. И добился-таки своего, дал обет Родим. И какой обет – клинок у огня поцеловал, что не обманет. У славян эта клятва священной почитается – огонь Сварожич ее видел, булат каленый от Перуна принял. И как же это удачно, что Параксеву отвлекли.

Чтобы княгиня ничего не заподозрила, Торир тут же сменил тему. Стал рассказывать о делах новгородских. О том, что Рюрик в последнее время все чаще прихварывать стал и всеми делами заправляет его воевода Олег. Олег – он сам волхв. Перуна, покровителя воинов, над другими богами поставил и сам жрецом его сделался. Вещим зовут Олега, так как сила ему от богов дана. И чтобы сохранить ее, не разменивать понапрасну Олег, даже от брака отказался, посвятив себя Громовержцу, ибо ведомо, что ничто так вещьую силу не отнимает, как женщины и семейные дела.

Родим слушал внимательно. Сам-то он до баб был страсть как охоч. Даже поделился с Ториром, как приглянулась ему меньшица отца, вот он и взял ее после родителя. Кариной ее звали, красивая, как сама Заря-Заряница. Вот только с норовом девка оказалась, обиделась да ушла. Но ништо, как сойдут снега, он велит отыскать ее да назад привести.

Тут Родим неожиданно осекся. Торир оглянулся, а Параксева уже рядом стоит, слушает. И как сумела подойти так тихо, что и половица не скрипнула? Чем-то взволнована была, на сына глянула хмуро, но вдруг засуетилась, стала его обхаживать, а варягу велела идти, дескать, устал князь.

Торир вышел. Что ж, задуманное сделано, а провести еще ночь в Елани – храни боги. Притомила его ненасытной страстью стареющая Параксева, да и дела торопили. Поэтому варяг сразу отправился на конюшню, стал седлать верного Малагу. Конь у него был редкостный: легкий, стройный, выносливый, – такие на вес серебра ценились. И масть у Малаги особая, игреневая – по темно-бурому фону рассыпаны светлые яблоки пятен, грива и хвост почти белые.

Торир уже выводил коня, когда увидел Параксеву.

– Никак в путь собрался, Торирко? Пошто к ночи едешь? Вот с утречка бы, по солнышку и тронулся.

Но Торир отказался. Говорил, что и так загостился в Елани, дела кличут.

– Что же, езжай, – молвила княгиня. – У тебя ведь путь дальний, до самого Киева. Думаешь, сможешь при князьях-то устроиться? Опасное ты задумал, Торирко. Но совета доброго послушай: от скакуна своего отделайся. Одинокий путник ни для кого неприметен, а вот конь твой всякому в глаза бросится. Знатный у тебя конь, в пору самому кагану хазарскому на таком ездить. Вот и полетит легкокрылая молва, что ездит по лесам пришелец неведомый на коне ярком, пятнистом. Так весть и до самого Аскольда Киевского дойти может. И уж он-то призадумается, не прост он, знай. А что про тебя дознается – не сомневайся. Он потому и Киев за собой смог удержать, что умом боги его не обидели.

Торир задумчиво погладил крутую холку жеребца. То, что княгиня сказывала, верно. Да только варягу еще нужен был Малага. Для чего – Параксеве то знать ненадобно. Поэтому, пропустившись как можно приветливей, Торир вскочил в седло и поспешил в распахнутые ворота.

Снаружи обдало ветром. Торир поплотнее запахнулся в полушубок, сжал коленями бока коня. Малага так и пошел легкой рысью, полетел. Торир думал о своем. Ему около Елани еще надо было посетить капище Перуна, поговорить с местными волхвами, знак посланца показать. По всем необъятным просторам, от варяжских морей до хазарских степей, прячутся в лесах такие капища-урочища волхвов-перунников. Хотя «прячутся» не то слово. Знают о них люди, сходятся с подношениями, молят сурового Громовержца. В одних местах, таких как Новгород, Перуну поклоняются с особым почетом, в других более чтят иных богов, того же Рода, Дажьбога плодородного, Сварога кузнечного. Однако у перунников связь между собой лучше налажена. Главное, слово заветное знать – и волхвы примут того, кто так же посланцем Громовержца окажется, выслушают.

Торира отвлекла от мыслей попавшаяся на глаза нищенка. Стояла на пути, руки умоляюще подняла. Нищие попрошайки обычно раздражали Торира. Их всегда много, всем не поможешь. А эта... Ведь девчонка совсем. И хорошенькая, одна грива черных волос чего стоит. Что же она мыкается по свету, такой красотке разве трудно покровителя найти? Но если нет ума – погибай.

И, прищпорив Малагу, Торир пронесся мимо.

Варяг уже одолел подъем к лесу, когда его внимание привлек след на снегу. Торир попрердержал коня. Тому, кто таится, не грех и на любую мелочь обратить внимание. Тут же совсем недавно что-то волокли. След уводил под нависшие ветви елей. Варяг спешился, пошел по следу и, отодвинув ветви, увидел в укрытии человека на волокушах. Видать, тот некогда пострадал от нападения, на лице, на глазах, повязка, побуревшая от крови. Варяг сразу определил, что незнакомец уже умер, даже иней проступил на скулах. А ведь кто-то тащил его, схоронил тут, надеясь помочь. Видны были следы, уводившие от волокуш в сторону Елани, к людям.

И тут Торир понял. Та девка-нищенка притащила за собой раненого. Тот был не мелкий мужик, тяжеловато было ей волочь такого, да еще по холоду и глубокому снегу. Кем приходился ей сей мертвец – муж ли, отец, друг случайный? Но просчиталась девушка. Не спасла, мертвым приволокла в негостеприимную Елань. Да и саму ее не приняли. Погибнет теперь, разве редко нищие у самого жилья погибают. И все же... Нет, женщина, так самоотверженно спасавшая близкого, заслуживает, чтобы ей помогли.

Торир вернулся к коню, рывком вскочил в седло и поскакал назад.

Девка еще сидела на снегу, опустив голову, в черных ее волосах заледенел снег. На подъехавшего всадника глянула безучастно, лишь когда он остановился и наклонился в седле, ее глаза изумленно расширились.

Торир склонился, протянул руку.

– Ну, не мешкай. С собой возьму.

Она повиновалась, поставила ногу в обмотках на стремя, схватилась за сильное запястье. Он легко поднял ее, усадил перед собой. От него исходило тепло, а девушка озябла. Ветхие шкуры едва прикрывали ее, вокруг шеи какое-то тряпье было намотано.

Когда въехали в лес, она заволновалась, заерзала на коне.

– Не могу уехать с тобой. Дядька со мной раненый.

– Нет более твоего дядьки, девица. Тело лежит, а душа уже в светлый Ирий унеслась.

Так что оставь его.

Она молчала. Через какое-то время Торир понял, что она плачет.

– Не погребен ведь, – всхлипывала девушка. – Душа его не успокоится.

– Ну хочешь, я оставлю тебя? Вернешься к нему, но учти – ждать не стану.

Она удрученно молчала. Только голова еще больше поникла.

– Ты долго его тащила?

– Долго. Терпей мы, из Мокошиной Пяди.

Ториру это ни о чем не говорило. Но, порасспросив, понял, что селище ее где-то на границе трех больших племенных союзов находилось – радимичей, голяди и вятичей. Значит, и впрямь немалый путь проделала.

– Вот что, девка, успокойся. Ты столько для родича своего сделала, что душа его не станет на тебя обиду держать.

А про себя подумал: мне-то она зачем? Что с негаданной попутчицей делать стану? Но раз уж подобрал, не бросать же теперь? И, чтобы как-то успокоить ее, сказал, что едет на капище к волхвам-перунникам и там попросит, чтобы погребли ее родича.

Она вздохнула. Сказала, что если он дотемна хочет добраться к капищу, она укажет более короткую дорогу. Варяг подивился:

– Ты ведь терпейка. Откуда местные края знаешь?

– Жила здесь.

Больше они не разговаривали, только порой попутчица указывала, где свернуть.

К капищу они подъехали, когда уже совсем смеркалось. Деревья тут стояли стеной, Ториру пришлось спешиться, вести коня в поводу. Капище угадал по светлевшим за мощным частоколам огням. Стали видны и возвышавшиеся на шестах голые черепа – туры, медвежьи, человечьи. Варяг направился напрямик к воротам святилища. Громко постучал.

Волхв-привратник вышел, высоко подняв смоляной факел.

– Тебя ли ждем? Слово заветное скажи.

Торир молвил слово негромко, чтобы спутница не расслышала. Она сидела безучастно, а когда служитель осветил ее факелом, даже отвернулась, спрятавшись за разметавшимися волосами.

– Зачем привез ее? – спросил волхв. – На алтарь, в жертву?

– А вы, погляжу, уже и баб стали перед Громовержцем класть?

– Всяко бывало.

– Не дело это. А на девку не гляди. Она моя. Вели ее лучше пристроить. Да чтоб в бане пропарили, а то ей и захворать недолго.

Понимал ли его заботу волхв, Ториру было безразлично. Но волхвы вообще-то народ понятливый, кого попало в служители не берут. Люди часто на службу в капище просят, но не всех принимают, а если и выберут кого – срок испытательный установят. Не выдержишь – прочь поди. Но куда чаще волхвы сами преемников подбирают, присматриваются, кто каким даром наделен. Потому-то волхвы обычно люди особые и одаренные.

В ведовском доме на капище перунников, волхвы слушали, что им посланец скажет. Он говорил и угадывал в их глазах одобрение. Да и как они могли не соглашаться, если посланец предлагал им объединение всех служителей Громовержца. Пока разноплеменные волхвы Перуна в стороне друг от дружки держались, но понимали – в единении сила. А то, что посланец от перунников новгородских прибыл, им льстило. Нигде такой власти служители Громовержца не имели, как в новгородской земле. Здесь же над Перуном большую силу древний бог Род забрал. Вот и выходило, что на севере перунники главенствовали, а здесь – те, кто Роду служит. В Киеве же и вовсе Змей-Велес⁴² главным был. Хотя еще не забылось, как некогда и на Горах киевских Перуна почитали. Пока Аскольд с Диром его в леса не согнали, а главное капище Велесу отдали. А для перунников нет хуже, чем волхвам Велеса путь уступать. Всем известно, что эти два бога – Перун-Громовержец и Велес, «скотий бог», – извечные соперники.

---

⁴² Бога Велеса часто изображали в обличье змея.

Так и жрецы их соперничали между собой. И то, что предлагал пришелец – помочь свергнуть тех, кто Велеса возвеличил, – было им любо.

Для себя Торир отметил, что волхвы интересовались не столько князем Рюриком, сколько его воеводой Олегом. Правда ли, что Олег сам из волхвов? И что будет, когда хворый Рюрик власть оставит? Не займет ли его место в княжьем доме воевода-волхв Олег Вещий? Князь, почитающий Перуна, был бы им весьма по сердцу.

– Не о том речь ведете, боговы люди, – усмехнулся Торир. – У Рюрика сын есть – Игорь. Он и наследник в Новгороде. А если Олегом интересуетесь, если хотите, чтобы князь-перунник в Киеве сел, надо поначалу сделать все, чтобы поклонников Велеса, Аскольда и Дира, сгубить.

Один из волхвов, перебирая нагрудные амулеты, проворчал:

– Их не так-то просто сгубить. Вон какую силу у полян взяли. К тому же Дир Киевский – воин. Последнее время он богатые требы Перуну стал возносить.

Торир напрягся. Это было неожиданно и неприятно.

– А кто все же верховный глава в Киеве – Аскольд или Дир?

Волхвы вздыхали. Известно – Аскольд. Правят братья-варяги на хазарский манер: Аскольд вроде кагана на престоле сидит, а Дир при нем как шад – тот, кто в походы ходит и войны ведет.

– А у Аскольда, после того как болгары зарубили сына, нет более наследников, – говорил все тот же старый волхв с амулетами. – У Дира же и жены, и сыновья имеются. Ему после Аскольда и Киев достанется. А там глядишь...

– А если нет? – перебивал другой, хоть и более молодой, но с золотым изображением сдвоенной молнии на груди – значит, был главнее. – Дир и Аскольд всегда на богатых волхвов Велеса опирались. А вот Олег – тот хоть и варяг, а нашего Перуна верховным богом признал. Так что мы теряем, если пособим ему?

Торир решил, что больше не станет давить на волхвов. Сами должны разобраться, это их воля. Поднялся уходить. Правда, сказал напоследок:

– Вы тут обсудите, но имейте в виду: не вы, так иные племена помочь захотят. Даже у древлян Перуна Громовержца почитают.

– А ты и к древлянам пойдешь? – ахнул кто-то.

Древлян боялись все. Торир видел, как изменились лица волхвов. Понимали: если этот чужак с древлянами сговорится, большую силу получить сможет.

Торир чуть кивнул:

– Пойду. А вы мне проводника дадите.

Посланцу волхвы обязаны помогать. Но при условии, что он не наследил и не привел за собой погоню. Ибо им следует хранить тайну своих связей.

Младший из волхвов повел гостя на постой в расположенное неподалеку небольшое селище. Возле капищ часто располагаются такие поселения мирян. Они обычно обслуживают перунников, следят за их хозяйством. Здесь же и гости волхвов останавливаются.

Провожатый Торира постучал у самой большой избы. Гостя здесь ждали. Хозяин накормил варяга, даже в баньку зазывал – после его спутницы она еще не остыла. Но Торир отказался. Не далее как сегодня утром парился в княжьей баньке в Елань-граде, а ныне просто хотелось остаться одному, поразмыслить кое о чем. Но побыть одному в избе селян-огнищан непросто. Изба хоть и просторная, но живут здесь скопом, привычки уединяться не имеют. Стариков тут кладут поближе к огню, к теплу, хозяин с хозяйкой и младшими детьми на полатах за занавеской, старшие, уже женатые дети по лавкам, остальные – молодежь, отроки – прямо на полу, сенца подстелив, шкуры раскатав. Приходилось переступать через спящих.

Печка-каменка прогрелась за вечер так, что в избе даже жарко. Хозяин проводил гостя за занавеску, уступив свое место. Здесь под пушистой медвежьей шкурой уже спала подобранная Ториром девица.

Варяг скинул полушубок, стал раздеваться. На девушку сперва не глядел, думал все больше о том, что на капище обсуждали. Отдельно о том, что у Аскольда убили сына. И улыбнулся нехорошо.

Торир хотел было подвинуть девку, но она раздраженно оттолкнула его руку.

– Прочь поди. Не хочу сейчас.

Ого, как властно! Со сна она плохо соображала, но и норов свой невольно проявила. Торир взял с выступа глиняную лампу с фитильком, осветил спящую. И загляделся. До чего же красивой вдруг показалась подобранная приبلуда! Ее одели в рубаху из сермяги⁴³, тесемки на груди не стянуты, видны нежное горло, линия ключиц, округлости пышной груди. Чистые черные волосы как шелк растекались по изголовью, отливая сажей. А личико удивительно привлекательное, только теперь и разглядел как следует. Кожа гладкая и белая, изящные контуры щек, подбородка, нос небольшой, точеный. И такие длинные загнутые ресницы. Брови над ними расходятся к вискам, как крылья ястреба. А рот... Торир задержал на нем взгляд. Пухлый и яркий рот девушки неожиданно вызвал желание прикоснуться к нему, как к сладкому плоду, попробовать... а там и овладеть этой безмятежно спавшей красавицей. Ведь она его находка, принадлежит ему... И после большого рыхлого тела Параксевы упругая девичья плоть казалась такой желанной.

Торир осторожно коснулся щеки спутницы, запустил руку в ее волосы, пропуская сквозь пальцы длинные черные пряди.

И, как давеча, девушка только отмахнулась, повернулась на бок, недовольно ворча. Это даже рассмешило варяга. Но решил не трогать ее. Намаялась, бедная, в пути. И опять вспомнилось тело здорового мужика, которого эта девочка волокла на себе.

Торир скинул оставшуюся одежду и, легко перескочив через девушку, лег у занавешенной шкурой стены. Огонек на носике светильника слабо мерцал, очерчивая накрытое мехом тело рядом. Слабо шуршало сено под шкурами, пока он ворочался. А потом, словно в один миг, Торир провалился в успокоительный, глубокий сон.

Очнувшись, Карина не сразу поняла, где она. Потом улыбнулась. До чего же приветливо ее приняли вчера, в баньке до седьмого пота пропарили, накормили хоть и нехитро, но сытно. Тепло и внимание людей сделали свое дело, она перестала плакать, жалеть себя, убиваться по Збуду. В местном селении ее, конечно, узнали. Не раз приезжала к капищу Перуна еще с Боригором. И вот теперь...

В избе слышалось движение. Гукал ребенок, покашливали старики. За перегородкой хозяйка доила корову, слышалось, как молочная струя бьет в подойник. Рано еще было, не все встали. Карина потянулась сладко, повернулась...

Незнакомец, подобравший ее, спал рядом. Она тихо охнула, отшатнулась. Но не бежать же теперь? Этот хотя бы на погибель не бросил, утешал в дороге, не стал волхвам отдавать. Вспомнилось даже, как позаботился он, чтобы в баню ее отвели, не дал расхвораться. Но зачем она ему? Ясно зачем. Красивые бабы всегда мужикам нужны. Сказал же – моя она. Раба, значит. Но рабой быть не хотелось. Однако что ей теперь? Одна, как перст. А чужак этот приглянулся ей.

В избе просыпались, ходили, слышались голоса. По обычаю, разводя печь, хозяйка напевала заговор огню Сварогу:

*Смилуйся, Сварог-батюшка,
Зажгись, обогрей, душой заалей.
Пошли тепла доброго,*

---

⁴³ Сермяга – простая, некрашенная ткань.

Житнице удобного.

Когда Сварог откликнулся и каменка загудела, Карина вышла, пожелала хозяйке доброго дня. Та напоила ее только свеженным еще теплым молоком, налила конопляного масла в лампадку, подожгла фитилек. Этим словно давала понять, что Карине следует вернуться к гостю-постояльцу. Женщина не больно задумывалась, кем раньше была Карина, понимала только, что та должна быть с тем, кто привез ее.

Карина вернулась к полатам, задернула занавеску и, приподняв плоску, стала разглядывать своего нового господина. Почти так же, как и он разглядывал ее раньше. Карина этого не знала, но оценила, что спутник не разбудил ее вчера, дав отдохнуть. И невольно улыбнулась. Ишь, спит себе, как дитя. Даже лицо не как у воина, а словно у отрока доброго. Может, потому так казалось, что незнакомец был чисто выбрит, а она привыкла, что мужики все больше бородой зарастают. А волосы у спящего, как и у радимичей – длинные, светло-русые, с красивым золотистым отливом. Темные брови смотрелись контрастно. И Карина опять решила, что чужак этот нравится ей необычайно. Нравится линия его чувственных губ, твердый подбородок, мощная шея. Ей было приятно глядеть на его сильные плечи, на могучие пластины груди, там, где с них сползла полость меховой шкуры.

И вдруг Карина поняла, что незнакомец не спит. Не размыкая глаз, не меняя расслабленного выражения лица, чужак медленно протянул к ней руку, раскрыл узкую твердую ладонь, словно беря или требуя дать. Карина только вздохнула, послушно вложив в нее кисть руки. Чужак медленно сжал ее пальцы, чуть потянул на себя. Она сперва поддалась, но потом все же отпрянула. И тогда он открыл глаза. Ярко-голубые, словно морозная тень на снегу. Но холодными они не казались. Наоборот, в них светился огонь. Незнакомец смотрел жарко, будто призывая. Но Карина не отреагировала. И по привычке надменно вскинула подбородок.

Брови незнакомца удивленно поползли вверх. Но в глазах не гнев – насмешка.

– Не хочешь отплатить мне за добро, красавица?

Говорил он с легким акцентом. Голос у него был сильный, не как у молодого, скорее как у бывалого мужа, с глухой рыкающей хрипотцой.

– Что ты добром зовешь, чужак?

– Экая недогадливая. Разве не спас я тебя вчера, не дав погибнуть на холоде?

Она судорожно глотнула.

– Я бы не погибла.

– Ха! Ну и куда бы ты пошла?

Да, куда? Она молчала нерешительно. И даже плечи поникли.

– Видимо, тебя мне сами боги послали, чужак.

– Тогда смирись.

Он чуть приподнялся на локтях, склонился к ней. Волна его длинных светлых волос спустилась, затеняя синие глаза.

– Ты никак страшишься меня?

Да, она его побаивалась. Но странно, под его игривым взглядом словно тепло в ней разливалось. А он разглядывал ее так... будто касался. И от этого глупо, как у отроковицы непуганой, стучало сердце. Еще подумалось ей, что ведет она себя с ним и впрямь не как должно. Потому вздохнула покорно, легла рядом, закрыв глаза.

Торир смотрел на ее напрягшееся лицо, на легкую бороздку между красивыми бровями. Дика, как и все женщины поначалу. А ведь хоть и молода, но уже не казалась просто девчонкой неопробованной. Чтобы такую красоту, да никто не приручил? Она-то, конечно, покорна, но словно с неохотой. А Торир привык, чтобы женщины сами шли к нему. И он вдруг захотел, чтобы и эта сама потянулась, чтобы не просто взял он ее, как добычу. Взять подвластную женщину и глупец сможет, а вот добиться отклика – здесь надо умение. А оно у познавшего многих

женщин варяга было. Знал он, как целовать уста византийским лобзанием, когда губы сплетаются с нажимом и трепетом, когда легкий поцелуй становится упоительным и язык касается языка. Знал и какие ласки любят куртизанки в Риме, помнил и чему научился у одалисок в гаремах страны Серкланд⁴⁴. Ни одна женщина после такого не останется напряженной.

И Карина сдалась. Уже первый поцелуй словно оглушил ее, она удивленно замерла, расслабилась, растерянная, восхищенная. А потом всхлипывала и задыхалась, смятая ураганом ласк. Это были не бессильные попытки Боригора, не грубая наседающая сила Медведко, не торопливое насилие Родима. Это было... Чужак словно получал удовольствие, нежа ее, и она раскрылась перед ним, и сама вдруг обняла его, стала ласкать, сначала робко, потом даже с вызовом.

Когда незнакомец, целуя ее тело, стал опускаться по нему, прошелся языком, губами по чуть выпуклому животу, Карина вдруг испугалась, даже отстранилась. Он туманным взглядом ласково взглянул на нее из-под упавших на лоб волос.

– Что?

Она же вдруг заволновалась, что он заметит ее беременность и оттолкнет чужого ребенка носящую. Но под его игривым взглядом вновь расслабилась. И все не понимала, отчего он не возьмет ее своим правом, зачем ласкает, как ласкают только отроки в рощах, добиваясь первой любви от избранниц. Карина ведь чувствовала, как напряглась его плоть, но не могла понять, почему он не освободится сразу, не покроеет ее в мужском желании. И спросила, чуть задыхаясь:

– Зачем томишь себя? Ты ведь не стар... А я и так твоя.

Он глянул чуть удивленно, а потом негромко засмеялся. У Карины мурашки пошли по коже от его хриплого, мягкого смеха. Она засмеялась вместе с ним, а потом уже всхлипывала, стонала, сама еще не зная о чем...

Карина и не догадывалась, что ее тело способно на такое. Оно пылало и дрожало одновременно. Когда чужак проник в нее, едва не вскрикнула от наслаждения, откинула голову, а руками сильнее прижала его к себе, подалась вперед. Умирала в его объятиях, проваливалась в звездные бездны... еще раз... еще...

Когда очнулась, заметила, что плачет. Он сдувал пряди волос с ее лица, сушил губами слезинки. А она лишь льнула к нему, повторяя глупое:

– Только не оставляй меня... не теряй меня, лада⁴⁵ мой негаданный.

Наверное, она и представить себе не могла, что будет вот так, не смущаясь наготы, прижиматься к малознакомому мужчине. Смеялась его шуткам, дурачилась. Не вчера ли она, изможденная, с обидой смотрела на весь свет? Вечность, казалось, прошла.

Они только сейчас заметили, что к ним за занавеску зашел хозяйский ребенок, бесштанник. Стоит себе карапуз в рубашонке до пупа, смотрит серьезно, засунув палец в рот. В доме разговоры, движение, а этого, видимо, привлекла возня на обычном месте родителей. Варяг шутливо зарычал на него, клацнул зубами. У малыша в первый миг испуганно округлились глазенки, потом захихикал и убежал, мелькнув голой попкой.

Торир смеялся, откинувшись на шкуры. Карина приподнялась на локте, глаз не могла от него отвести.

– Ты хоть скажи, как называть тебя?

Принадлежать полностью чужаку и даже имени его не знать – уж не диво ли?

У него было иноземное, непривычное имя – Торир. Она стала звать его на свой лад, ласково – Торша. Его это позабавило. Но когда спросил, как ее саму величать, она смутилась.

– У меня недоброе имя. Кара. Кариной кличут.

---

⁴⁴ Серкланд – по-скандинавски Халифат – принадлежавшая арабам часть Испании.

⁴⁵ Лада – у славян божество любви. Так ласково называли возлюбленных.

– А по мне – даже красиво. Карина. У ромеев это значит Карийская страна, что в южных землях.

Он говорил ей только приятное. И она лежала рядом, положив голову на его плечо, слушала. И не представляла, что можно получить такое удовольствие подле мужчины. Ощущать близкое биение его сердца, вдыхать его запах. И это дивное ощущение защищенности, словно ничего больше на свете не существовало. Она еле обращала внимание на внешние звуки, голоса, скрип двери, когда ее порой открывали и тянуло холодом. Но Торир словно чего-то ждал, прислушивался. Когда за занавеску зашел хозяин, варяг спросил, не было ли вестей от волхвов. Карина заволновалась, что сейчас он покинет ее. Но нет, у них еще было время, и они лежали рядом, дурачились, ели принесенную хозяйкой вареную репу, пили простоквашу. Торир ласково играл волосами Карины, а она, заметив блеск в его глазах, вновь начала тянуться к нему, целовать, как он научил, ласкать. Ее ведь тоже кое-чему научили бывшие супружества, знала, какие ласки мужскому телу приятны. И опять они любили друг друга, доводя до изнеможения.

Но вскоре Торир стал задумчив, иногда чуть хмурился. В такие минуты он не думал о своей красивой попутчице, волновался, отчего так долго нет известия от волхвов. Что он не так сделал, не так сказал, раз они не шлют вестового?

– Торша, – тихонько окликнула Карина. – Ты возьмешь меня с собой? Я к дальним переездам привычная, не помешаю.

Его взгляд был устремлен прочь, рука почти машинально скользила по ее плечу.

– Думаешь, далеко еду?

– Да. Ты собран, как для дальнего переезда. Сам не здешний, но куда ехать, наметил. И коня жалеешь, не загоняешь, значит, нужен, чтобы отвез подальше.

Торир внимательно поглядел на нее. Ишь, как скоро сообразила. И хоть хороша девка для любовных утех, но никак не для того, чтобы в его дело соваться.

– Учти: поедешь со мной или нет, тебе я ничего не должен.

У Карины сжалось сердце. А она-то надеялась, что после произошедшего между ними... Знала ведь, как мужчины к ней прикипают. Но не подала виду, что задета. Села, отбросив на спину длинные волосы, обхватила руками колени.

– Я обузой не буду. Ты ведь человек пришлый, а я в землях радимичей все пути знаю, могу и проводницей служить.

И поглядела через плечо, сначала спокойно, а потом уже сквозь невольную набежавшую слезу.

Торир видел любовь в ее взгляде. Что ж, женщины часто любили его. А эта... Он видел в полумраке ее светлые глаза под пушистыми ресницами, видел алый, запекшийся от поцелуев рот. Да, хороша, что уж тут. А красота тоже сила, ее при надобности и использовать можно. Но кто эта красавица? Ничего ведь не знает о ней. А баба она явно не простая. Есть что-то особое в ее взгляде, в интонациях голоса. Он поцеловал ее ладонь – нежную, почти не огрубевшую от работы. У местных женщин другие руки, твердые, шершавые, другая осанка, без этой вызывающей горделивой грации.

– Кто ты, Карина?

«А сам ты кто?» Она чувствовала в нем нечто непонятное, но простодушно улыбнулась.

– Я жила у радимичей. Меня Родим в свой терем меньшицей брал, но Параксева-княгиня прогнала.

– А...

В его взгляде появился новый интерес. Значит вон оно что... Карина. Та, о которой с такой тоской говорил князь Родим. Вернуть хотел... тут было о чем призадуматься. Однако отвлекли, позвали, доложив, что пришел к нему от волхвов посланец.

Варяг вмиг поднялся, стал одеваться. Карина тоже засобиралась, но он остановил ее:

– Жди. Не ходи за мной.

Он вышел на крылечко, и после полутемной избы свет полуденного солнца просто ослепил. Прикрыв рукой глаза, варяг осмотрелся. Волхва он увидел у обледенелого колодца. Тот был собран, как в дорогу, – в валенках, длинном кожухе, подпоясанном лыком. За повод держал неказистую лошаденку с переметными сумами у седла. Значит, все же проводник, не из главных, просто из тех, кто еще посвящение не прошел. И все же служитель держался не больно приветливо, смотрел исподлобья, даже головой в мохнатом колпаке покачал, будто бы с укоризной. И уже приближаясь к нему, Торир заметил еще кое-кого: у дальних плетней стояли два вооруженных кметя в меховых накидках поверх доспехов. Встретившись с ним взглядами, те, правда, сделали обычный приветственный жест. Торир кивнул. Не иначе как из Елани пришли, но он побоялся додумать мысль до конца, догадываясь, зачем посланы.

Волхв подтвердил догадку.

– За тобой след. Волхвы приказали вести тебя, только если от спутницы избавишься.

Торир молчал. Волхв же пояснил:

– Спутница твоя не просто баба, а бывшая княгиня Карина. Она немалую власть над прежним князем Боригором имела. Люди поговаривали, что одной из причин вражды Родима с отцом было его желание забрать у Боригора раскрасавицу меньшицу. А как забрал, Параксева ее особенно невзлюбила, сгубить обещалась. Ты же ее себе взял. Но Параксева не успокоится, пока не избавится от опасной соперницы. И только тебе решать, варяг, наследия ли ты, обозлив княгиню-мать, или чистым уйдешь. Если откажешься от вдовы Боригора и зазнобы Родимовой – поведу тебя. Если возьмешь с собой... Сам путь искать станешь, а нам княжья немилость ни к чему. Мы волхвы, в мирские дела не суемся.

Торир понимал, что ждет случайную любовницу, если не защитит ее. Но что ему до Карины? Разве у него не иное дело?

– Пусть забирают.

Кмети, поняв по его жесту, что препятствовать им не будут, кинулись в дом. Торир же пошел седлать коня. Однако мерзко так вдруг на душе сделалось. Даже солнечный день словно потускнел.

Видимо, Карина поняла, зачем явились еланцы. В избе послышался ее крик. А подосланные убийцы не стали очаг честных селян кровью марасть, потащили девку на крыльцо. Она вырывалась, цеплялась за резной столбик навеса. Кмети оторвали ее грубо, поволокли, не обращая внимания на взволнованно глядевших селян.

Карина на помощь местных и не рассчитывала.

– Торша! – звала. – Помоги, Торша!..

Но осеклась, увидев, как варяг спокойно провел мимо жеребца. Что ж, потешился с красивой бабой, и хватит с него. У нее потекли слезы. Страх и обида придали сил. Стала вырываться отчаянно, кмети сразу и справиться не могли. Карина боднула одного в подбородок, впила пальцами в глаза другому, опять уцепилась за какую-то из построек. О помощи больше не молила. Высыпавшие было из дома поселяне поспешили уйти. Она заметила и наблюдавшего со стороны волхва. А Торир спокойно сел в седло и поехал прочь.

Кмети все же выволокли ее за околицу. К лесу тащили, чтобы там и порешить. От ужаса у Карины все плыло кругом.

– Пустите меня, ради доброго Рода, – молила. – Я уйду тихонечко, никто не узнает куда. А с вами серебром расплачусь. Монисто у меня есть серебряное.

Она рванула у горла ворот тулупа – звякнули серебряные кругляки дирхемов. Что-то появилось в лицах убийц, переглянулись быстро. Потом один неожиданно оглушил девушку сильным ударом кулака по затылку и, перекинув обмякшее тело через плечо, понес в чашу. Второй шел следом, проваливаясь в снег.

– Да погоди ты, – окликнул он того, что с ношей. – Ишь припустил. Куда так торопишься? Хозяйка велела лишь в сторону оттащить и добить.

Первый остановился, стал доставать нож.

– Подставь ее горло, зарежем быстро, чтоб не мучилась. Да и монисто заберем. Монеты поделим – и о том молчок.

– Смолчим, конечно. И не только об этом.

Первый уже скинул молодую женщину на снег, но второй удержал его руку с ножом.

– Погодь, пряткий какой.

– Чего ждать? Видишь, Каринка очухивается. Сейчас голосить начнет.

– Погоди же, Бугай.

Второй сорвал рукавицу, спешно втолкнул Карине в рот. Сам улыбался.

– Убьем-то мы ее все едино. Но неужто тебе, Бугай, не любо сперва княжьей плотью потешиться? Карина красива, как Дева Лебедина⁴⁶. Не зря же Боригор с Родимом по ней так убивались. Аль тебе не сладко будет знать, что и ты княжьей утехой наслаждался?

Бугай подумал и убрал нож.

– Монисто тольконими. Ишь, глазища открыла. Пускай же на последнего любовника посмотрит. Подол задери ей повыше. Какая кожа! Точно шелк иноземный.

Его лицо похотливо исказилось, он стал торопливо развязывать гашник⁴⁷. Но первый кметь потеснил Бугая, твердя, что он надумал – ему и первенство.

Карина еще не совсем опомнилась, слабо слышала грубые голоса над собой. Поняла только, что лежит полуголая на снегу, стала пытаться одернуть одежду. Кто-то стукнул ее по рукам, навалился сверху. Одновременно шарили у нее за пазухой, мяли грудь, рванули несколько раз монисто, только голова дернулась. Она наконец очнулась. Захрипела, давясь шерстяной рукавицей.

Дальнейшее произошло мгновенно. Насильники и не заметили, когда рядом появился чужак. Вроде бы уехал, а тут возник рядом, словно блазень⁴⁸. Схватил одного за бороду, рванул голову назад и быстро резанул по горлу. Тут же, не ослабляя силы, этой же рукой вогнал по рукоять нож в бок другого.

Все произошло так стремительно, что наконец очнувшейся Карине показалось, будто и не было ничего. Но рядом лежали окровавленные тела насильников, а Торир чистил о снег лезвие ножа.

Карина глядела испуганно и удивленно. Потом вздохнула нервно и кинулась к спасителю, обняла за колени.

– Верной работой тебе буду, умру за тебя!..

Захлебнулась слезами.

Торир погладил ее по разметавшимся черным волосам. Не мог себе объяснить, зачем развернул коня, отмахнулся от твердившего что-то волхва и поскакал по следу, пока не увидел их. Тогда все помутилось в голове от злобы. Глупо повел себя, но не жалел. Хотя и понимал, что нарушил зарок посланника – не вмешиваться в местные дела. Поэтому, когда следом за ним из леса появился проводник, Торир только пожал плечами на его осуждающий взгляд.

Проводник сначала только смотрел. Потом скинул на снег переметные сумы для гостя и медленно поехал в лес. Исчез в чаще.

Торир повернулся к Карине. Она все еще вздрагивала от плача. А он вдруг заметил блеск серебра у нее на шее. Ишь какое!

---

⁴⁶ Дева Лебедина – мифическое существо необыкновенной красоты и обольстительности. Олицетворение весенних дождей, впоследствии дочь Окиян-Моря (Морского царя).

⁴⁷ Гашник – шнурок, на котором держались штаны.

⁴⁸ Блазень – живая тень, призрак.

Карина заметила его взгляд и, сняв сверкающее монисто, протянула ему. Но варяг отвел ее руку.

– Оставь. Скажи лучше, не лгала ли, обещая, что можешь провести меня? Мне в град Копысь на Днепре надо.

Она наконец взяла себя в руки.

– Раз говорила, значит, проведу.

– Тогда не мешкай. Чем скорее уедем от Елани, тем лучше.

Глава 3

Они ехали и день, и второй, и третий. Заснеженный лес подтаивал, опадали с мохнатых лап елей пласты тяжелого сырого снега, однако к ночи все еще сильно подмораживало, холод пробирал. Хорошо, если на заимку в чаще выходили, а то пришлось и заночевать прямо на снегу, на нарезанных еловых лапах, но в объятиях друг друга и возле костерка. Выспались нормально.

Но постепенно глушь отступала. Стали попадаться селища, где было уже не так безлюдно. И все же пришлых приняли с опаской, мужики с рогатинами вышли, хотя потом заулыбались, узнав Карину. Мир племени радимичей был замкнут, каждый род, каждое селение жили своим укладом. И все же о том, что Дир киевский шастает по округе, знали, как и слышали, что он селища разоряет. Но говорили об этом хоть и с опаской, но и в чем-то беспечно: дескать чужая беда – не своя. Да и как было горевать, если волхвы уже время Масленицы объявили, надо было выскребать по сусекам остатки муки, печь круглые, как солнце, блины, угощать путников. Ведь не отгуляешь как надо Масленицу – боги могут и не послать урожай. Таков обычай, этому надо следовать.

А еще Торир наслушался славословия своей спутнице! Даже поглядывал на нее удивленно, гадая, почему Карина теперь не оставит его, не приживется у своих? Неужто его рабой быть слаще, чем почитаемой у соплеменников? Может, преследований Параксевы опасается? Или преследований Родима, о котором многие ее спрашивали? Или... Ему сладко становилось при мысли, что с ним не хочет расставаться. Но было еще нечто, что уяснил варяг: Карина и впрямь была ему подходящей проводницей. Она не хуже заправского охотника не столько знала дорогу, сколько определяла направление по солнцу, по звездам, лишь порой отталкиваясь от каких-то знакомых примет: то некогда виденный, схожий с лешаком пень узрит, то елочку смешную, то вдруг появится домовина на шесте, трухлявая, давно забытая родичами. Полезная баба оказалась. Так, огибая чащи и буреломы, они однажды выехали к очередному селению. И тут с Ториром случилось то, что порой накатывало. Вроде и все спокойно было, тихо, темнели за заледенелым длинным озером хатки радимические, а его беспокойство сильное наполнило. Чуял – беда там. И замер, сделал знак и спутнице притихнуть.

Карина смотрела на него, ни о чем не спрашивая. Она вообще была недокучлива – это он тоже отметил. Торир же ощущал... узнавал это захватившее душу чувство. Вернее, предчувствие, точнее – уверенность. Еще непонятное, оно упреждало об опасности. Дар богов – как пояснили некогда воспитавшие его волхвы. Если бы он остался с ними, служители научили бы его управлять этим чувством, видеть опасность, даже предотвращать ее. Но на это ушли бы годы, а он не мог тратить на это жизнь. И он ушел от волхвов, почти бежал.

Но сейчас было не до воспоминаний. Торир приглядывался в темневшие на дальнем краю озера постройки.

– Что там?

– Село. Люди живут.

– Нет там больше людей, – процедил он сквозь зубы.

Спешился, бабу снял с коня, и вместе они долго вслушивались, хоронясь за деревьями, пока не убедились, что вокруг тихо. Только тогда решились подъехать. Огляделись... И Торир пожалел, что не оставил Карину обождать в стороне. Не надо такое бабе видеть.

– Боги пресветлые!.. – только выдохнула она, расширив глаза от ужаса.

Глядела на еще дымящиеся груды бревен, на торчавшие остатки обугленных балок, обгорелые остовы печей. А ведь недавно она уже видела нечто подобное. В Мокошиной Пяди... И узнавала эту смесь запахов гари и тошнотворной окровавленной плоти, паленого мяса. С мертвых тел лениво поднималось воронье, иногда птицы даже не улетали, а лениво отпрыги-

вали в сторону – отяжелевшие, сытые. Под копытами Малаги хрустели головешки, обгорелые косточки. Конь нервно фыркал от множества запахов смерти.

– Дир это сделал, – вдруг как-то спокойно молвила Карина. – Его выродки, не боясь греха, оставляют тела непогребенными. А селище они покинули совсем недавно: трупы достались только воронью, зверь лесной еще не пировал.

Торир удивленно выгнул брови. Ишь ты... Другая отупела бы от увиденного, эта же еще рассуждает. Хотя, как рассказывала, ей это зрелище уже знакомо... Что ж, человек тот же зверь – быстро к крови привыкает.

И тут Торир насторожился, уловив в стороне приближающийся шум. Вот уж напасть! Ведь не должен был подъезжать сюда, не подумав, как будет отступать. Теперь же они с Каринной находились близ уходящего вверх лесного склона, откуда и долетали звуки – отдаленные голоса, топот копыт, звон металла. Сверху их наверняка уже заметили, а отступить им некуда, позади озеро, а до леса открытое пространство. Что ж...

– Вот что, Карина, схоронись-ка быстренько.

Она тут же юркнула за обгорелый остов избы, затаилась. Выглядывая, видела, как Торир застыл возле уводящей к верхним зарослям тропы, достал из-за спины меч, но не расчехлил его, а, положив поперек луки седла, ждал.

Торир уже определил по звуку, что ехавших не много. Как все обернется, еще не знал, но одно понимал – те, кто увидят его, не должны выжить. Ну, помогай боги – все, сколько ни есть.

Спускавшиеся по тропе, завидев одинокого всадника в дорогом черно-буром полушубке, не замедлили хода коней. Все были воины не из последних – тут не ошибешься. В седле держатся умело, правят коленями, оставляя руки свободными для оружия. Все крепкие мужи в доспехах из кожи с бляшками, на головах высокие островерхие шлемы. Кони у них крепкие, длинногривые, седла с высокими луками. По всему видать, не из лесных радимичей будут, а из тех, кто войной да набегами промышляет.

– Опаньки! – только и молвил первый из них, рослый, с рубцом от шрама поперек бородастого лица. – Кто таков будешь, боярин?

Торир не отвечал, оглядывал их так, что воины вмиг поняли – не столкнуться им с чужаком. Оно и понятно, только робкий встречает ласково там, где трупы и гарь. И все же он один.

Воины переглянулись. Первый, с рубцом шрама через щеку, сказал весело:

– Богат, видно, боярин. Шуба-то у него – лиса серебристая. И конь прямо княжий, да и меч в знатных ножнах. Не зря, видимо, мы возвращались.

Но уже поняли, что ожидавший всадник не прост. Не боится, выжидает. Щека воина со шрамом дернулась, когда он заметил, как умело чужак прикрылся щитом, рывком сбросил с клинка ножны. Но хоть и держится как опытный воин, но глаза у чужака молодые – глаза молокососа. Где уж ему устоять перед кметями, обучавшимися в самом Киеве. И воин с рубцом прищпорил коня. Выхватил шипастую булаву, гукнул воинственно, налетел, наскочил.

Выглядывая из своего укрытия, Карина только ахнула, когда Торир поймал удар булавы на щит, сам же с места в карьер рванул мимо, обогнул рубцеватого, а следующего из кметей словно прошил на ходу мечом. Тот только и успел глаза выпучить, как стал заваливаться. Когда варяг сумел задеть третьего, Карина и не увидела толком. Заметила, что Торир отбивался сразу от двух насевших врагов, а первый, рубцеватый, занеся булаву, хотел было сзади наскочить, но лошадь под ним оступилась, едва не рухнув на скользком снегу. Справляясь с ней, рубцеватый неожиданно обнаружил выглядывавшую из-за бревен девушку. Видимо, что-то понял и повернул к ней. Карина видела его красное, в шрамах, лицо, белые от люти глаза. И кинулась прочь. Металась среди остовов горелых изб, а он догонял, кружил следом.

Убегая, Карина взобралась по еще теплым бревнам на осевшую избу и там неожиданно увидела, что одним концом бревно сруба зависло над проходом, а другим держится как раз там, куда подъезжает враг. Девушка со всей силы прыгнула на конец зависшего бревна, обгорелая

древесина поднялась как раз перед мордой коня, но не успел он проехать, как Карина соскочила и бревно опустилось, сбив воина и стукнув по его лошади. Конь рванулся, заржал, а киевлянин свалился на землю. Карина не видела, насколько сильным получился удар, кинулась прочь, побежала к лесу, стремясь укрыться. Однако поняв, что ее не преследуют, оглянулась, волнуясь за Торира.

Он отбивался, но отступал. Кмети рубились мастерски, булатные клинки мечей так и мелькали в воздухе, грохотали, кони ржали, кружа на месте. Пятнистый Малага очень помогал хозяину, кусая и лягая лошадей противников. Вот Торир поймал на клинок меч очередного неприятеля, отбил, развернулся стремительно, как раз вовремя, чтобы принять на щит удар наседавшего с другой стороны. И резким выпадом достал нападавшего, попав под его поднятой рукой в подмышку, где на куртке не было железных блях. Воин пронзительно закричал и осел, повиснув на мече варяга, так что тот не мог сразу освободить оружие. Рука Торира невольно опустилась, а оставшийся противник, не теряя времени, уже подскакивал. Торир подставил щит, но нападавший был очень силен – от щита Торира летели щепы, он рассыпался едва ли не до умбона. И опять хозяину помог Малага – взвился, ударив копытом лошадь наседавшего, раскроил ей до крови плечо. Она рванулась прочь, не слушаясь шпор и поводьев. Торир тем временем успел освободить руку с мечом, обернулся.

Карина глядела не отрываясь. И страх, и тихая паника, и восхищение удерживали ее на месте. Вот эти двое вновь схлестнулись, застучал булат. И тут она заметила, как оглушенный ею ранее воин со шрамом, очнувшись, появился из-за черного сруба. Ее вроде и не заметил, спешил к сражающимся, на ходу вынимая из-за голенища сапога длинный нож. Торир не видел его. Карина закричала, однако он не услышал. И тогда она кинулась вперед, на ходу схватила горсть снега, слепила снежок. Бросила, когда рубцеватый уже занес руку для броска, но снежок ослепил его, и удар вышел неточным.

Торир заметил нож, только когда тот просвистел мимо уха. Почти машинально отклонился в сторону. Противник тут же воспользовался этим, ударил наискосок, но только срезал на плече варяга мех дорогого полушубка, звякнув по надетой под ним кольчуге. Торир только охнул от сильного удара. И похолодел, заслышав сзади крик Карины. Дальнейшее произошло мгновенно. Торир швырнул в лицо наседавшему остатки щита и, перехватив меч обеими руками, резко ударил наотмашь. Всадник не успел заслониться, и острое меча варяга рассекло его лицо до самых складок кольчужной бармицы⁴⁹. Брызнула кровь, но воин еще какое-то время удерживался в седле, откинувшись на луку. Потом его тело от толчка лошади свалилось на грязный снег. Но Торир уже не видел этого. Стремительно развернув Малагу, он поскакал туда, где с криком убегала от настигавшего ее воина Карина.

Рубцеватый сразу почувствовал приближающегося сзади врага и, лишь на миг оглянувшись, сделал стремительный рывок в сторону. Вокруг с ржанием металась коня павших товарищей, и он попытался поймать одного из них за повод. Тщетно. Испуганная коняга шаркнулась. А он, больше не тратя на это времени и понимая, что не устоит против конника, побежал прочь, заметался среди сожженных изб, рассчитывая схорониться там или же, улучив момент, сбежать. Лес-то вон, совсем близко.

Он носился среди обгорелых срубов, топтался по телам. Топот копыт всадника раздавался то справа, то слева. Рубцеватый пролезал под нависшими бревнами, прятался за срубы. И вдруг заметил, что выскочивший из-за очередного остова избы игрневый был уже без всадника. Где же враг? Сзади послышался легкий шорох. Рубцеватый еще успел повернуться, успел отпрыгнуть в сторону, но лютый незнакомец уже наскочил на него. И рубцеватый не сдержал невольного крика. Споткнувшись о чье-то полубогорелое тело, он упал, стал отползать, опи-

---

⁴⁹ Бармица – кольчужная сетка, крепящаяся к шлему, ниспадающая сзади, но часто застегивающаяся под горлом, чтобы уберечь шею.

раясь на локти, снизу вверх глядя на приближавшегося с мечом противника. В панике схватил тельце мертвого ребенка, прикрываясь им, как щитом.

– Пощади, витязь. Я признаю твою силу. Пощади!.. Стану служить тебе верой и правдой.

Незнакомец вроде помедлил, глядя светло-голубыми глазами. А сам вслушивался в говор рубцеватого. Этот полузабытый полянский говор с глухими интонациями и мягкой певучестью. У Торира словно что-то кольнуло внутри. Полянин. Но он спросил твердо, как рыкнул:

– Зачем жжете села радимичей в праздник?

– Дир велел. Я же только служу. Он велит – мы исполняем.

– И гнева богов не боитесь?

– А что? В Киеве на Горе волхвы все замолят.

Торир помолчал, и у воина появилась слабая надежда. Заговорил, чуть заикаясь со страху:

– По-послушай, витязь, это не про-просто набег. Так Дир подчиняет своей в-воле посадника из Копыси. Град не с-смог сразу взять, вот и пообещал, что сожжет всю округу и мертвыми телами забросает град радимичей. И сегодня посадник Судислав смирился. Мир у них отныне, витязь, слышишь, мир. Судислав даже пировать князя в град пустил. Ведь Масленица как-никак. А ежели пощадишь меня, сам тебя к князю Диру проведу, представлю как богатыря. А там и поедим масленичных блинов на пиру у посадника копыського.

Теперь он уже не заикался, в голосе появилась даже некая гордость. И, видя, что незнакомец молчит, рубцеватый начал подниматься.

Лицо Торира оставалось спокойным, когда он быстро взмахнул мечом, нанося удар.

Карина услышала мерзкий хруст. Потом стало тихо. Она медленно обошла обгорелый сруб, подошла ближе. Торир как-то отрешенно стоял над врагом. Потом вытер клинок о его труп.

Девушка кинулась к варягу.

– Торша!

Он быстро повернулся, обнял ее. Она еще дрожала.

– Как я боялась за тебя, как боялась...

– А я за тебя.

Он стал быстро целовать ее, улыбаясь, убирал с ее лица пряди волос.

– А все же лихо два таких труса разделались с обученными киевскими кметями. Но на будущее учти, Каринка, – если я в схватке, ты должна держаться подальше.

Он пошел туда, где лежали ножны его меча. Карина шла следом, ворча сквозь счастливые слезы:

– Как же! Справился бы ты без меня.

Он засмеялся. Вновь поцеловал ее, поправил сползший на плечи плат. Она же смотрела на кровь на его плече, видела, как побурели, слипшись ворсинки меха полушубка.

– Перевязать тебя надо, Торша.

– Потом. Сейчас уходить нужно. Не ровен час, еще кто нагрянет. А меня знать в лицо не должны.

Может, он и сказал лишнее, но сейчас не заметил этого. Велел ей ловить разбежавшихся лошадей. Решено было взять их с собой, ибо эти кони были не просто добычей – важно, чтобы никто не нашел лошадей и не дознался до срока о случившемся. Карина взлезла на одну из них, глядя, как Торир похлопывает верного игреневого, говорит ему что-то негромко, словно хвалит.

Они поехали по следу, оставленному людьми Дира. По пути Торир велел рассказать о посаднике Судиславе из Копыси.

Карина хорошо знала посадника. В округе называли Судислава князем, но у радимичей князьями считались лишь те, кто дружины водил. Немало таких князьков под выборным гла-

вой Боригором имели свои дружины, но только Боригора величали главой-глав, князем радимичей. Родим захватил его место силой, и на ближайшей сходке князей и воев⁵⁰ предстоит еще подтвердить это. Но на этой сходке Судислава не будет, так как он не князь по сути, а правит самым богатым городом радимичей – Копысью торговой. Вот и разбогател на торговле и пошлинах настолько, что князья-воеводы при нем нищими кажутся. Однако, видать, не тому князья племенные град доверили, раз пошел он на сговор с Диром Кровавым. Ведь для Дира взять под свою руку Копысь – значит расширить власть Киева. Судиславу все равно, кому служить – полянам или своим князьям. У него сейчас одно на уме: скоро Днепр вскрыется, не воевать, торговать время придет.

Торир слушал и молчал, становясь все задумчивее.

Как обычно бывает при подъезде к большому граду, вокруг лежали заселенные земли, все чаще стали попадаться селища. Да не разоренные – отовсюду слышался веселый гомон, какой и должен сопутствовать Масленице. О том, что в полудне пути отсюда лежат трупы соплеменников, здесь то ли не ведали, то ли не думали, не желая портить светлый праздник. Ведь не отгуляешь как следует Масленицу – боги могут разгневаться, не послать урожай. А без урожая – не жить.

Град они увидели от опушки леса. Высился он над ледяным Днепром, выделяясь чернотой осмоленных частоколов и высокими бревенчатыми срубам. Пожелай Дир взять его осадой – долго бы провозился. Но Копысь уже признала его, и теперь здесь, как и положено, тоже веселились. Ворота градские стояли настежь, через рвы мосты перекинуты. А люд за градские стены вышел, на широком заснеженном пространстве кругом происходило буйное веселье. Горели соломенные чучела Морены-Зимы, вокруг вела хоровод молодежь, с пригорков запускали зажженные колеса, катались на санях – кто в запряженных тройках, кто, подняв оглобли, съезжал с накатанных ледяных склонов. Даже сюда, на опушку леса, долетали звуки бубнов и гудков, слышалось многоголосое пение.

Карина невольно улыбнулась. Но, взглянув на Торира, замерла. Лицо варяга было недобрим, голубые глаза зло прищурены, рот жестко сжат. И ей даже страшно сделалось. Кругом мир, веселье, но у нее словно появилось предчувствие, что теперь, когда она привела сюда чужака, всему этому настанет конец.

Вообще-то она понимала, чем вызвано его озлобление. Уж слишком много среди веселящейся толпы было людей в воинском облачении.

– Дировы псы, – процедил сквозь зубы варяг. – И эти с ними... Веселятся с погубителями своих же сородичей.

– Но Масленица же. Так положено весну встречать.

Он не понимал ее объяснения. Да и ей оно не казалось убедительным. Она тоже ненавидела Дира и его свору, тоже была пострадавшей. А Копысь... Может, в этом веселии было облегчение оттого, что все кончилось миром?

– Где капище Перуна? – спросил Торир.

И когда она указала, тут же стал отъезжать, ведя в поводу трофейных коней. Карина было пристроилась следом, но он раздраженно велел ей идти к своим.

– Бросаешь меня? – ахнула девушка.

Еще сегодня они вместе отбивались от чужаков, он был рад, что она осталась цела, и вот же... гонит... И вмиг слезы набежали. Но Торира они не тронули.

– Мы приехали, куда были должны. А теперь отправляйся к Судиславу. Примет, не прогонит. А понадобится – я весточку пришлю.

– А если все же прогонит?

Он все больше смотрел в сторону капища. На спутницу оглянулся почти сердито.

---

⁵⁰ Вой – простой ратник в дружине, воин-пехотинец.

– Экая недогадливая. Сделай так, чтоб принял.

Карина какое-то время оставалась на месте. Вот и случилось то, чего она так страшилась. И если что-то и придало ей сил, так это слова Торира о том, что он пришлет весточку. На это вся и надежда. Ведь не может же он отказаться от нее после всего, что было меж ними. Ведь как ласкал ее, как ублажал... Как испугался за нее, когда защищал.

«Я только раба для него», – напомнила себе Карина. И светлый день словно померк.

Но не век же оставаться тут. И Карина, поудобнее перехватив повод, поехала по склону горы к граду. По пути ей предстояло миновать открытое пространство, где шло гуляние. Пронеслись мимо сани с хохочущей молодежью. Лоточники окликали всадницу в добротном кожушке, предлагая купить угощение. От вращаемой на костре туши пахло ароматом мяса. Скакали скоморохи, дети играли в снежки, дымно горели огромные осмоленные чучела.

– Поберегись!

Карина еле успела попридержать лошадку, когда со склона горы мимо пронеслись сани с поднятыми оглоблями. В санях визжали девки, смеялись и орали мужики. Женщины были по большей части местные, в вышитых по традициям радимичей кожушках, в пестрых головных шалях, а вот развлекали их в основном, судя по одежде и доспехам, воины пришлые. Кого целовали в санях, кого лапали. Но тут, на развороте, сани стали крениться и опрокинулись набок. Образовалась куча мала, замелькали подола, сапожки, валенки, а где и голые ляжки в ворохе юбок. Шум, хохот, визг. Какой-то рыжий воин в богатой кольчуге подмял под себя девку, шлепнул по оголившейся ноге.

Лошадка Карины заволновалась среди шума, и всаднице пришлось приложить усилие, умиряя ее. А вокруг опять плясали, гудели рожки, прямо на поводья лошади наскakивали скоморохи в пестром тряпье, звенели бубенцами, зазывали:

– Куда едешь, красна девица? Погуляй с нами, спляши по-масленичному, порадуйся окончанию зимы надоевшей!

Чтобы ее не узнали, Карина ехала, опустив голову, до самого носа закутавшись в плат. Хотя среди бела дня, да еще в толпе наверняка нашлись те, кто узнал. Карина даже расслышала, как кто-то спросил, что тут молодая вдова Боригора делает? Но на него сразу зашикали, чтоб молчал. Однако ее успели заметить. И когда она подъехала к мосту у градских ворот, Карину уже поджидали стражи.

Она узнала местного выборного десятника Давило, коренастого, с сивой бородой, в длинном кольчатом доспехе. Он сразу подошел, взял лошадь под уздцы. И первое, что спросил – когда же Родим прибудет с ратью? А как услышал, что захворал Родим, только рукой махнул обреченно.

– А у нас вишь, что тут. Гм. Гости на Масленицу пожаловали, мать их так перетак.

Голос был злой. Карина пригляделась к Давило, к воям его. Поняла – не все ладно в Копыси, несмотря на веселье. И видать, многим не по нутру, что поляне гуляют тут, щиплют их девок, что праздновать приходится с теми, кто сильнее.

– К Судиславу веди! – приказала Карина.

За оградой даже в холодном сыром воздухе сразу ощутился смрад отхожих мест, хлевов, свинарников. Цвета вокруг – буро-серые, грязно-рыжие, все дерево темное, смола, слякотный снег, на сугробах темные пятна золы. Избы, как и принято у радимичей, построены внутри частокола по кругу, между ними узкие проходы, не шире, чем для проезда телеги. Прямого пути нет, все между постройками петлять приходилось. Избы стоят одноверхие, длинные, с похожими на скирды кровлями. Из-под стрех сквозь волоковые оконца выются струйки дыма – топят по-черному.

В центре Копыси, где располагалась вечевая площадь, стоял двор-терем посадника, единственное двухъярусное строение града. Его окружали дворы с постройками, с резными кровлями, петушками на скатах крыш. По центру довольно обширная гридница для пиров-сходок,

от нее галереи-гульбища на резных подпорах отходят. Двор перед строениями от снега вычищен, песочком присыпан.

Сам посадник стоял перед крыльцом в окружении копыських нарочитых мужей, с ними было и несколько пришлых. Судислав – маленький, круглый, как бочонок, выпирающий живот топорщится под длинной шубой, крытой узорчатым сукном. Стоял подбоченясь, задрав пегую бороду, поглядывал снизу вверх на высоченного варяга.

Карина тоже поглядела на чужого, и даже сердце екнуло – не сам ли это Дир Киевский? Уж так надменен, так держится! Кольчуга на нем длинная под распахнутой накидкой из белых шкур, на груди золоченая круглая бляха. Из-под высокого шлема на плечи спадают светлые, почти сливающиеся с меховым оплечьем волосы. Подбородок выбрит, а вдоль рта стекают длинные белые усы. Само лицо словно выдублено ветрами. А глаза – один светлый, почти белый, а другой перетянут черной повязкой.

Почуввав во дворе движение, незнакомец оглянулся. Но, увидев, что кмети просто красивую бабу привезли, не проявил интереса. Зато Судислав сразу узнал Крину. Застыл на полуслове, не сводя глаз. Конечно, он всегда к красивой меньшице князя внимание проявлял, поглядывал масляно. Но тут вдруг так стушевался, что одноглазый варяг вновь оглянулся. Осмотрел более придирчиво.

– Что, тебе привезли девицу?

По-славянски он говорил с заметным иноземным выговором.

– Нет. То есть да. То есть нет. Это, сударь Ульв, родичка моя. Видать, на блины масляничные из голодных лесов прибыла.

А ведь почти не соврал. Карина могла считаться его родней, так как посадник Копыси был женат на старшей дочери Боригора. И сейчас, видя, как варяг Ульв смотрит на гостью, Судислав засуетился, стал звать жену, чтобы встретила родственницу, приняла, как полагается.

Жена посадника, падчерица Карины, сразу поняла, что гостью следует поскорее увести. Они вообще-то с юной мачехой ладили, хотя обычно у Карины не больно получалось с бабами дружить. И о чем говорить с ними, не знала, да и недолюбливали ее местные бабы: то ли завидовали, то ли чувствовали ее превосходство. Падчерица же, хоть и старше была, и красавицей никогда не считалась, но от богов получила нрав добрый, незлобивый.

Жена посадника носила княжеское имя – Ясномира. От постоянных родов она раздалась и рано постарела, но хозяйкой в тереме Судислава была прекрасной. Сейчас сразу провела неожиданную гостью в уютную, обвешанную рушниками горницу, кликнула сенных девок, велев баньку Карине истопить, блинами последней выпечки угостить.

– А когда отдохнешь, Каринушка, мы и поговорим маленько.

Карина почти забыла, как это хорошо – быть женщиной княжьего рода, богатой, нарочитой, когда все сбиваются с ног, желая тебе угодить. И так приятно было после долгого пути ощутить заботу о себе. Девки-прислужницы в бане ее пропарили на семи травах, вымыли, волосы ей расчесали, шепчась восхищенно – ох, до чего же роскошная грива у гостыи, черна как сажа, шелковистая, длинная. Только одна осмелилась спросить, отчего Карина не обрезала, как полагается вдове, косы после смерти мужа. Но на нее зашикали, боясь разгневать гостью хозяев.

Карину богато одели – в рубаху из тонкого браного полотна⁵¹, поверх нее длинное платье-ферязь⁵² из светлой шерсти с расшитым золотисто-коричневыми узорами подолом. Волосы заплели и уложили на голове короной. Все гадали, надевать ли бабью кикю высокую или вдове только плат полагается. Карине они надоели, и она отослала их, оставшись с непокрытой головой. Но когда немного позже зашла Ясномира и увидела, что Карина сидит простоволосая,

---

⁵¹ Браное полотно – материя с рельефно вытканым узором, в тон ткани или цветным.

⁵² Ферязь – старинное женское платье, застегивавшееся от горла до подола на множество пуговиц.

как девушка незамужняя, то поглядела укоризненно. Ну ладно, не срезала Карина косу после Боригора, это можно пояснить, раз сразу Родимовой стала. Однако раз голову не хочет покрывать, значит, незамужней себя считает, дает понять, что нового хозяина приманить хочет. А ведь о пристрастии Судислава к Карине и прежде в Копыси поговаривали.

– Нельзя тебе простоволосой, – негромко, почти умоляюще молвила Ясномира. – Девки мои заприметили – непраздна ты. По обычаю, не имеешь права красоваться, пока не разрешишься от бремени.

Карина резко повернулась.

– Неужто уже так заметно?

Ясномира улыбнулась. Не понимала, отчего гостя хмурится. Разве для женщины не самое большое счастье вынашивать и рожать детей? Но Карина только грустнела. Знала, что этим гневит прародителя Рода, но не любила посланное им дитя. Невесть чье...

И о другом заговорила. Она все о Торире думала, поэтому первым делом спросила, как восприняли волхвы с соседнего капища Перуна, что Копысь Диру отдана?

– А как им это принять? Затаились. Их дело сейчас молить, чтоб Громовержец урожай послал, напоил вовремя землю дождем-грозой. Но то, что на Масленицу в град никто из них не пришел, – недобрый знак.

Посадник Судислав навестил родичку ближе к вечеру. Вошел – толстый, лысый, сопящий. Сел враскорячку на лавку. Живот над поясом свесился, как тесто на опаре. Карина смотрела на него молча, но так, как молчать умела только она. Как княгиня. И посадник заерзал на лавке. Оправдываться начал:

– Ну что я мог, Карина? Дир вон окрестные села грабил, говоря, что прекратит разбой только после того, как я этот край под руку его отдам, в град впущу. И каждый день, приходя после набега, клал под стенами Копыси тела сородичей-градцев. Вой и плач стояли в Копыси. А ведь Масленица уже настала. Надо было весну встречать. И я... Все мы порешили – быть нам под Диром. Родим-то где? Сгубил Боригора, который умел воевать, остальные же воеводы-князья каждый о своем роде только и пекутся. А у меня весенние торги на носу, надо о них думать. Эх! Вот и пируем вместе теперь, празднуем.

Он говорил, а сам подсел и все норовил ладонь на колено ей положить. Карина его пухлую руку отталкивала. Слушала долетавший извне шум: разудалое пение, скоморошья прибаутки, смех. Судислав тоже прислушался. Даже засмеялся. Брюхо его так и заходило ходуном. И опять к Карине придвинулся. Пахло от него пивом и луком.

– Слышь, Каринка, как только эти, – мотнул бородой в сторону, – как отбудут они, я тебя женой своей сделаю, по всем правилам, при всем народе над текущей водой поведу. Ясномира ничего, согласится. Вы ведь с ней всегда ладили. И даже Родим не посмеет посягать на тебя. Дира убоится. А ты тут поживешь, ребеночка своего родишь. Мне суложь⁵³ моя уже сказывала, что ты с дитем. Вот и родишь его под мужней опекой, защищу его, выращу подле себя.

«Вот и расти, – зло думала Карина. – А я уйду. Как только разрешусь от бремени, так и уйду. И кикой жены посадника меня не удержишь. Я же к Ториру отправлюсь».

Она думала об этом весь вечер, бессонно ворочаясь на мягкой перине. Ее поселили в отдельном покое с каменкой, с выскобленными половицами, с оплетенной сухими, пряно пахнущими травами балкой-матицей⁵⁴. Вот бы и осталась здесь, куда еще по свету мыкаться. Если бы не Судислав. Да и не только из-за посадника пристающего грустила она. Все о варяге думала. Ах, явился как вихрь, научил страсти Удовой, зародил любовь в сердце – и сгинул.

«Помоги мне, светлая Лада, – молила Карина. – Ты дала мне любовь, не лишай же ее теперь».

---

⁵³ Суложь – супруга, жена.

⁵⁴ Матица – основная, поддерживающая кровлю балка.

А Судислав не отступал. Посещал при каждом удобном случае. Лез. Она раз даже оттолкнула его резко.

– Уж больно скор ты, посадник. Повремени. Свыкнуться мне дай.

Он оглядывал ее сверху донизу.

– Обожду, обожду. Только ты пока тихохонько сиди тут. Потерпи, не показывай ясное личико перед полянами киевскими. Уж больно эти находники до баб охочи, не пропускают ни одной. Вон даже Ульв у меня про тебя спрашивал, хотя всем известно, что Ульв бирюк⁵⁵, а вот для Дира своего и вытащить тебя может.

Дир. Карину даже передернуло от этой мысли. Уж лучше и впрямь Судиславу достаться. А Торир...

Когда надоевший посадник ушел, она позволила себе поплакать.

Дир и воины из Киева решили пировать в Копыси все дни Масленицы. С утра обычно отправлялись на охоту. Во дворах вокруг терема тогда слышались лихое посвистывание, лай собак, щелканье бичей, и охотники веселой гурьбой уезжали в лес, поразмяться после пиров да пополнить запасы к столу, так как даже припасов в градских кладовых не хватит, чтобы накормить гуляющую ораву победителей из Киева. А к вечеру вновь гудел терем, варили, пировали, пили.

Карина эти дни проводила в уединении. Ей дали нитки и пяльцы, а когда вышивание надоедало, она растворяла слюдяное окошечко, смотрела, как суетятся во дворах тиуны⁵⁶, ведут подсчет дани, затребованной Диром, как тащит челядь на возы поклажу, круги воска, бочонки меда, кожи, связки шкурок. Не раз Карина замечала и расхаживавшего среди возов одноглазого Ульва. Он следил за сборами, а однажды даже сорвал с пояса плетень, исхлестал нерадивого тиуна. Люди Судислава не посмели вмешаться, жались понуро в сторонку.

Карина все примечала. Стояла у распахнутого окошка, красивая и хмурая, кутаясь в пушистую серую шаль. Люди во дворе, заметив ее, кланялись. Кто-то знал, кто она, а кто-то и так видел, что баба не из последних. Дорогая шаль, монисто серебром на шее блестит, волосы уложены короной, серебряные полумесяцы сережек отливают в тон глазам. А лицо – значительное, не простое.

Для услужения Карине приставили двоих чернавок, а у дверей нес охрану молодой уный.⁵⁷ Не для стражи стоял, скорее для услуг: дрова таскал, печь топил, воду носил. И болтал без умолку, не обращая внимания на то, что чернокося красавица не больно слушает. Нравился ему русы киевские, нравился их князь Дир. Вот это витязи – и воевать умеют, и пировать, пиво хмельное бочонками цедают, баб так ярят, что уже сейчас и без волхвования предсказать можно – всех несправными оставят. Сам уный мечтал примкнуть к людям Дира и осуждал тех, кто ропщет против киевлян.

– И такие имеются? – наконец размыкала уста Карина.

Уный сплевывал по привычке на пол, но тут же растирал плевков ногой.

– Есть сычи. Все ворчат, ругаются. Если бы Судислав не сдерживал их, еще неизвестно, что и затеяли бы. А того не понимают, что быть под таким, как Дир, – самая выгода.

Карина отворачивалась от него, вновь смотрела в окошко. Порой замечала снующих среди построек скоморохов. Оно и понятно, в дни празднеств для этих самое прибыльное время – на пиры зовут, в избах угощают. Вот и бродят скоморохи от града к граду, дурачатся, людей затрагивают. Один из ряженных скоморохов отчего-то привлек внимание молодой женщины. Рослый, кажущийся особенно длинным из-за рогатой козьей личины, закрывающей

---

⁵⁵ Бирюк – волк-одиночка; здесь холостой, нелюдимый человек.

⁵⁶ Тиун – управляющий хозяйством.

⁵⁷ Уный – младший дружинник.

лицо. Этот не скакал, как остальные, ходил, будто таясь, под стрехами, по сторонам поглядывал. И Карина словно бы что-то знакомое в его движениях, поступи уловила. Даже мелькнула догадка – не варяг ли это ее? Заметила, что и скоморох ее вниманием не обошел, часто глядит в ее сторону из-под рогатой личины. Один раз, похоже, даже кивнул. Скоморохи-то народ дерзкий, но было в этом кивке нечто, что взволновало Карину.

Она не ошиблась. Только подумала о странном ряжене, как за дверь послышались шаги – быстренькие, словно у ребенка, но половицы закрипели тяжело. Уный ее как раз дрова колоть удалился, и тот, кто пришел, не теряя времени, быстро заскочил в покой.

Карина глянула холодно.

– А ну пошел вон!

Перед ней стоял карлик-горбун в пестром скоморошьем одеянии. Лицо, как у мужика, бородатое, росточком же едва ей до пояса доставал. А вот в плечах широк, крепок. Неприятный был горбун. Но не успела Карина его выставить – он дверь быстро захлопнул.

– Соображаешь, кто послал меня?

И показал ей знакомый пояс с пряжкой. Торира был пояс.

– Вижу, что поняла. И велено мне передать тебе, чтоб на пир сегодня пошла. Там поясню все.

Горбун выскользнул – как и не было его.

Ясномиру несколько удивило желание госты на люди выйти.

– Что, так уж затосковала в закуте? Ох, смотри, Карина, эти киевляне, как выпьют, приставать начнут, не отвяжешься. Ну да ладно. Возле себя посажу, не должны тронуть.

Когда стемнело, терем посадника опять наполнился шумом, движением, отсветом огней. Мимо окошка Карины от хозяйственных дворов катили бочонки, несли освежеванные туши, бегала челядь с какими-то горшками, бадейками. Уный, обязанный провести Карину, куда-то запропастился, она подождала и пошла сама. Добравшись по переходам до гудевшей ульем гридницы, несколько оробела. Стояла в сторонке, наблюдая, как во дворе перед крыльцом собрались люди, смотрят бой на кулаках. Двое голых по пояс мужиков бились люто, кровью харкали, падали, поднимались, сплевывая на устилавший двор песок. Зрители галдели. Карина поняла, что один из бившихся был киевлянином, другой из местных. Видела, как горячатся зрители, криками своего подбадривают. Узнала среди толпы десятника Давило, злого, яростного, переругивавшегося с дружинниками из Киева.

Тут Карину отвлек появившийся как из-под земли уный.

– Прости, хозяйка, что припозднился. Сестру я к самому Диру водил.

И повел по сходням в гридницу, пробирался среди вопящих, а сам все что-то твердил, что еле добился для сестры милости быть князем замеченной, надеется теперь, что замолвит девка за брата словечко.

Карина до сих пор так и не видела погубителя своей родни Дири. Взглянуть на него было любопытно, но и оторопь брала. А еще думалось, что и Торир где-то здесь. Ведь не зря же ей велено на пир идти.

В гриднице было дымно, пахло горелым жиром, людским духом, соленьями. Метался свет факелов. Среди расставленных вдоль стен длинных столов скакали скоморохи, слышался звон бубнов, смех, голоса. Карина сразу отметила, что лучшие места за верхним столом отданы гостям. Но самое главное место, между посадником и Ульвом, пустовало. Ульв – огромный, светлоусый, беловолосый, так и зыркал вокруг единственным глазом. Судислав же смотрелся потерянным. Видно было, что посадник уже изрядно пьян, соболья шапка на затылок съехала, рыжего шелка рубаха расстегнута, на заросшей седой шерстью груди покоится дорогая гривна.⁵⁸

⁵⁸ Гривна – золотое нашейное украшение; также название денежной единицей на Руси во времена, когда не чеканили

Тут Судислав заметил стоявшую в дверях Карину, заерзал на месте. Потом указал в сторону. Она поняла, пошла туда, где за отдельным столом сидели жены и дочери бояр. По знаку Ясномиры женщины потеснились. Карина отметила, что большинству из них, принарядившимся, раздумывавшимся от еды и возлияний, нравилось сидеть тут. Они посмеивались, перемигивались с гостями. Какая-то толстая купчиха в сверкающей бисером кике налила Карине полный ковш браги, подвинула блюдо с кулебякой.

– Ешь, угощайся, красавица. Все веселятся, и нам любо. А мне сегодня радость особая: дочь я за киевлянина просватала. Обещался, как вскроется Днепр, прислать за невестой ладью-насаду.

Скоморохи кувыркались, плясали, пели:

*Ой, гуляй, гуляй, гуляй.
Ешь от пуза, выпивай.
Дед по жбанчику,
Отрок по стаканчику,
Молодец ковшом,
Девка нагишом...
Баба меду подлила,
Песня по кругу пошла.
Ой, гуляй, гуляй, гуляй...*

Карина заметила знакомого карлика-горбуна: рожа размалеванная, на голове пестрый колпак, сам скачет, дует в рожок. Он ловко забрался на плечи собрату по ремеслу, закукарекал по-петушиному. Даже не верилось, каким хмурым и серьезным являлся к ней карлик сегодня.

В этот миг среди пирующих произошло какое-то движение. Головы повернулись, все глядели в сторону входа. Толстая купчиха ощутимо толкнула Карину в бок, кивнула высокой кикой.

– Гляди, князь Дир явился. Где бы этот проворный по девкам ни шустрил, свою чарку на пиру никогда не пропустит.

У Карины словно холод разлился внутри. Вот он, погубитель ее родни, Дир Кровавый, хозяин и гость дорогой в Копысь-граде. Оказалось, что она уже видела его на масленичном гулянии, когда скатившиеся с горы сани опрокинулись, а он в этой куче какую-то девку по оголившимся ляжкам хлопал. Тогда он показался ей просто разгулявшимся дружинником. Сейчас же сила в нем, властность чувствовалась. Стоит у входа, где народ сразу потеснился, вроде и не спешит войти, облокотился о дверной косяк. Руки на груди скрестил, улыбается. Сам рослый, жилистый, на широкой груди дорогая кольчуга из мелких колец поблескивает. На глаза падает красно-рыжий чуб, шея мощная, бритый подбородок надменно вздернут.

Одноглазый Ульв встал за столом, поднял рог с пивом.

– Здравие Дира Киевского!

Дир двинулся вперед – в движениях грация опасного хищника. Вокруг кричали, славили. Местный старейшина шагнул навстречу, протянул большую чашу-братину, чтобы князь уважил гостей. Подскочившие чашники стали лить в нее вино сразу из трех бурдюков. Чаша-то огромная, с двумя ручками в виде птичьих головы и хвоста. По обычаю из нее пьет самый дорогой гость, после по кругу пускают, оказывая уважение и честь собравшимся.

Князь поднял братину над головой, потом поднес к губам, сделал глоток, еще и еще. Голоса постепенно смолкли, когда собравшиеся поняли, что Дир сам намеревается осушить чашу. Это означало, что ему нет дела до собравшихся, что он презирает подчинившихся ему

радимичей Копыси. Но его люди, киевские дружинники, видимо, уже привыкли к подобным выходкам князя, вновь стали смеяться, стучать чашами о столешницы. Дир все пил, обливаясь, больше проливая, остатки же и вовсе вылил на голову. Стоял в луже вина, смеялся. Но лица бояр – старейшин копысьских – вытянулись, брови сошлись. Когда Дир небрежно бросил чашнику сосуд, многие вообще вышли из-за столов, направились к выходу. Кто и впрямь ушел, но многих вернули, усадили за столы насильно. Судислав сидел, понуро уронив голову на руки, не поднимая глаз.

Дир крикнул:

– Эй, гусельники, играйте! Пусть девки пляшут.

Женщины, кто с охотой, кто испуганно, покорно повыходили из-за столов. Взявшись за руки, повели хоровод, даже что-то затанули, запели среди шума.

Карина осталась на месте, среди пожилых баб. Видела, как Дир с улыбкой смотрит на хоровод.

Постепенно шум приутих, строй боярышень выровнялся, стали петь более слаженно, даже заулыбались.

В этот миг Карину что-то толкнуло в колено. Сначала она не обратила внимания, решив, что это один из псов, крутившихся тут же, под столами. Но когда колено под скатертью сжала чья-то рука, девушка вздрогнула, наклонилась. Из-под стола на нее смотрел давнишний горбун-скоморох.

– Ступай в хоровод. Диру улыбайся. Но когда киевлянин разохотится, увлечешь в одрину⁵⁹ не его, а Судислава-посадника.

Карина неожиданно рассердилась.

– Не хочу. Прочь поди.

Взгляд карлика стал тяжелым. Он вновь показал ей знакомую пряжку.

– Повинуйся! Господин твой передал приказ.

– Нет у меня господина.

Но охнула, когда острое укололо в живот.

– Порешу, сука, если заупрямишься!

Карина судорожно сглотнула. Карлик снизу испепелял взглядом. Сам не больше ребенка, а рука взрослого мужика, сильная. И крикнуть не успеешь. А обмануть, выдать... Неужели Торир и впрямь решил принудить ее под другого идти. Мог...

Карина поднялась. Деваться некуда, пошла. Взяла в хороводе одну из боярышень за руку.

Девки пели, тянули слаженно. Хоровод сплетался узором, девушки проскальзывали под руками друг друга, вновь выводили шеренгу:

*Ручеечек, ручеек,
Ты течешь, меняешься...*

Скользя под сцепленными руками, обходя иных, Карина оказалась как раз напротив Дира. Он стоял, облокотясь локтем о столешницу, глаза туманные, пьяные. Карина видела его длинную сильную шею, крепкий кадык. Шея казалась длиннее оттого, что его волосы с боков и сзади, почти до затылка, были сбриты, только сверху кудрявились красно-рыжие короткие завитки, а спереди падали на переносицу длинной мокрой прядью. Скулы высокие, нос хищный, рот тонкогубый, жесткий. Хоть и растянут в довольной улыбке.

«Стервятник», – подумала Карина. И улыбнулась маняще.

---

⁵⁹ Одрина – спальня покой.

Хоровод развернулся, она больше не видела князя, а когда вновь оказалась лицом к лицу, их взгляды наконец встретились и в глазах князя что-то мелькнуло, рыжие брови приподнялись.

Теперь, скользя в хороводе, она то и дело улыбалась ему, проходя, игриво закусил губу, даже подмигнуть осмелилась. Знала, что красива – в длинном льющемся платье, со звенящими подвесками у висков, в дорогом монисте на высокой груди.

Дир вдруг громко захлопал в ладоши. Смотрел на нее. Сделал шаг вперед, пьяно покачнулся. Тут захлопали и остальные, некоторые из княжьих дружинников перескакивали через столы, обнимали девок, старались усадить с собой. Девки – кто игриво уворачивался, кто покорно подчинялся.

Дир направился было к Карине, но скоморохи-гудошники так и налетели, наскочили на него, запрыгали кругом, затрещали трещотками, заиграли на рожках. Князь, пьяно посмеиваясь, расталкивал их, но кто-то, сунув ему в руку ковш с брагой, удержал, отвлек.

А Карина уже прошла к посаднику, склонилась, приобняв, зашарила рукой по его потной груди. Шептала в волосатое ухо:

– Уведи меня, Судиславушка, приголубь, приласкай, но Диру не отдавай. Твоей только буду.

Судислав даже вздрогнул, заулыбался глупо.

Потерявший ее в толпе Дир оглядывался, пьяно смеясь. Но вдруг заметил, что посадник уже накрывает черноволосую красавицу своим парчовым опашенем⁶⁰, выводит прочь. Вокруг все скакали скоморохи, от столов слышались здравницы, визгливый женский смех.

Судислав в первом же переходе прижал Карину к бревенчатой стене, шумно дыша, начал слюнявить шею.

– Каринушка, солнышко мое, зоренька ясная...

Был он чуть ниже ее, тыкался, грудь тискал.

– Ветру подуть на тебя не дам!

А она, расширив глаза, глядела, как возникла за ними в полутемном переходе рослая прямая фигура с козьей личиной. Мотнула рогатой головой, словно указывая: мол, дальше веди.

Она и вела, почти тащила разомлевшего Судислава. Тот все лапал ее, бормотал умильно:

– Ножки-то у тебя какие, задок какой... Дух захватывает! Где надо тоненькая, где надо гладенькая...

Карина боялась, что расплечется. Но теперь рогатая тень все время следовала за ними, наступала. Судислав же ничего не замечал, кроме изгибающегося в его руках нежного тела.

Дверь в одрину послушно поддалась на смазанных петлях. У Судислава больше не было терпения – повалил ее прямо на пол, задрал подол. А она видела, как в дверном проеме возникла рогатая фигура, скинула личину. Показались рассыпающиеся светлые волосы, злое сосредоточенное лицо Торира. На щеках щетина, ноздри трепещут, голубые глаза прищурены. Но словно и не глядел, как рядом его полюбовницы домогаются, спокойно надел шлем с личиной и прорезями для глаз. То оглядывался нетерпеливо на проход, то смотрел на барахтавшихся внизу Судислава с Кариной. В руке его был топор с длинной рукоятью, которым он слегка похлопывал себя по голенищу сапога.

У Карины от обиды и унижения все расплывалось в пелене слез. Не выдержав, оттолкнула посадника, даже ногой пнула грубо, стала стягивать распахнутое на груди платье.

– Да что же это ты, Каринушка? – опешил Судислав.

---

⁶⁰ Опашень – верхняя одежда с длинными рукавами, которую носили без пояса, на опаш.

И только тут заметил стоявшего рядом воина. И вскрикнуть не смог, так быстро Торир опустил на его голову топор. Только хрустнуло, кровь и мозги брызнули в стороны. Карина застонала сквозь сцепленные зубы, стала нервно стирать с себя теплые мерзкие потоки.

– Поспешили, – скорее себе, чем ей, сказал Торир. Но прислушался и улыбнулся, жутко блеснув зубами поджелезной полумаской. – Ан нет, в самый раз получилось.

И отскочил за дверную занавеску.

Карина не успела ничего понять, как в проеме возник Дир. Охнул удивленно. И все. Глухо стукнуло, глаза князя закатились под лоб, и он осел на половицы от удара обухом топора в затылок.

А Торир уже поднял Карину, встряхнул.

– Ну, ну, молодец. Все правильно выполнила. А теперь главное: беги в гридницу к пирующим, кричи, голоси, что Дир Киевский зарубил Судислава. Ну же, беги!

И она побежала. Даже не потому, что подчинилась, просто в панике была. Неслась стремительно, беззвучно. Так и выскочила к стоявшим у входа в гридницу Давило и еще трем кметям городским – растрепанная, в разметавшемся платье, вся измазанная кровью.

Они стояли с чашами в руках, расслабленные. И хотя были в кольчугах, но шлемы сняли, просто стояли, переговаривались. Но так и застыли, глядя на нее.

– Клянусь душами прародителей!.. – словно выдохнул Давило. – Карина... Что случилось?

Она всхлипывала, мелко дрожа.

– Судислав... Там... Князь Дир...

– Да не блей, как овца! Что с посадником града? Что за кровь на тебе?

– Судислав, мертв он...

У Давилы задергалось лицо, ноздри расширились от шумного вздоха. Отшвырнул чашу.

– Таааак... Я ведь чуял. Знал, поди.

Его кмети грязно заругались, а он схватил Карину, грубо поволок в гридницу. Растолкал толпившихся у входа.

Шум, дым, запахи тепла, пота, стряпни. Давило втолкнул ее и почти швырнул вперед. Она упала, платье сползло, оголяя забрызганное кровью тело.

– Гляди, честные копысы! – гремел Давило. – Гляди, добрые люди! Нет больше нашего выборного главы. Убил его волк киевский ради бабы. Кинулся за ним и порешил.

«Хоть не я это сказала», – как-то устало подумала Карина. Она боялась вымолвить это при всех. Понимала, что Торир предал ее, подставил. Сделал видоком⁶¹ того, чего не было.

В гриднице вдруг стало тихо. Но тут же загомонили все разом. Закричали:

– Убийцы, таги, находники! Бесчинство творят, за добро кровью платят.

За верхним столом вскочил Ульв. Даже тяжелое кресло за ним рухнуло.

– Что мелет этот пес? Что наговорила эта сука? Где князь? Сам пусть скажет.

Но в этот миг в столешницу перед ним вонзилась сулица.⁶² Никто и не заметил, чья рука ее кинула. Но это было словно сигналом.

– Бей за Судислава! Бей русь-киевлян!

И крики, вопли, лязг булата, звон посуды, шипение огня, бабий визг истошный, проклятия, ругань, стоны.

Карина выползла из-под рухнувшего сверху тела. Рядом с ней с грохотом опрокинулся стол, покатились посуда, в колени впивались черепки разбитых плошек. Сцепившиеся люди топтались по объедкам, заходились лаем псы.

⁶¹ Видок – свидетель, тот, кто видел.

⁶² Сулица – короткое метательное копье, дротик.

Испуганные женщины побежали к выходу, визжа, отпрянули, когда и там завязалась сеча. Вот и Ясномира упала с удивленным лицом, из-под золоченой кики потекла струйка крови. Какой-то киевский полянин рухнул – в горло ему вцепился пес. Несколько воинов с обнаженными мечами кинулись к Ульву. Но тот увернулся, швырнул в них большим горшком, окороком оглушил подбежавшего ближе. Улучив момент, кинулся к окну, вышиб его ногой и выпрыгнул наружу.

– Где Дир? – долетел его дикий крик. – Князь где?

– Бей русь-киевлян! Руби находников!

А потом поволокло едким дымом. Отовсюду кричали: «Горим! Горим!»

Кто-то подхватил Карину под локоть, стал увлекать сквозь толпу, расталкивая метавшихся в дыму людей. Торир. Страшный, оскаленный из-под личины, рубил топором всех, кого видел. Только кровь летела да стоны раздавались.

Уже на воздухе, на дворе, оттолкнул ее. И Карина услышала знакомый, хриплый от напряжения рык:

– Прочь беги! Уходи из града. Обречен он, как и все, кто в нем.

Он кинулся вон, но она машинально побежала следом. А Торир вдруг вскочил на какую-то колоду, засвистел громко, так, что свист сквозь шум суматохи полетел. И тотчас через толпу, давя и опрокидывая людей, вынесся к нему игрневый Малага. Торир схватился за его загребок, с ходу взмыл в седло. И тут же рубанул сверху кого-то. Кричал с диким рыком:

– Бей Дировых псов! Не прощать пожара градского, не прощать смерти Судислава! Бей!..

Карина пробиралась сквозь мечущуюся толпу. Споткнулась, упала. В отблеске огней совсем рядом увидела знакомого уного, его застывшие открытые глаза. И завизжала, словно только теперь испугалась. Бросилась бежать, налетела на стену сруба, присела под ним среди мокрого снега.

Вокруг творилось что-то невообразимое. Откуда-то набежали ратники-радимичи, много, словно только и выжидали, чтобы с киевлянами схватиться. И еще кто-то был. Карина не могла понять, откуда взялось столько верховых с горящими факелами в руках. Кидали огонь на высокие кровли, дымом густым потянуло. Сквозь его завитки то там, то тут мелькали языки пламени. В отблеске огней картина бойни казалась особенно страшной.

В суматохе все же можно было различить группу дружинников-киевлян. Они отбивались умело, стояли плечом к плечу, спиной к спине, бились так, что только тела падали, а киевляне даже теснили нападающих. И руководил ими Ульв.

– Князя ищите! Дира Киевского!

Из своего укрытия Карина видела, как этот варяг схватился с десятником Давило. Летели удары, трескали щиты. Потом вдруг сцепились, словно обнявшись. И осел Давило, упал на колени. Звенья кольчуги лопнули, а из спины вылезло длинное лезвие меча Ульва.

Тот отпихнул поверженного ногой. Вновь закричал:

– Дир! Где Дир?

И кинулся, побежал куда-то. Тут же его воины, как потерявшие пастуха овцы, бросились кто куда, нарушили строй. На них наскакивали, теснили. Рубили жестоко.

А откуда-то вновь и вновь в толпу врывались неизвестные вооруженные всадники. Рубили, жгли, кричали:

– За нас Перун! Помоги, Громовержец, сожги, уничтожь град предателей земли радимичей. Жги!

Перед Кариной в отблеске пожара неожиданно возник карлик-скоморох. Она испугалась его, закричала.

– Чего орешь, дура! Убирайся из града.

И даже пнул, принуждая встать.

Она метнулась, не то бежала, не то шла, цепляясь за бревенчатые стены. В дыму, среди рвущегося в небо пламени, различила фигуры волхвов – в белых одеждах, с развевающимися гривами волос, с бородами едва не до колен, словно призраки. Волхвы шли, окруженные кольцом воинов, делали мечущимся людям знаки. Вокруг них, под защитой воинов, уже собирались дети, бабы с младенцами на руках, отроки, мужики в длинных распоясанных рубахах. И под руководством волхвов все двигались в одном направлении, в сторону градских ворот.

Карина попыталась было примкнуть к ним, но путь преградила вынесшаяся из-за угла большая группа киевлян, наскочили на беженцев, сцепилась с охранниками волхвов. Люди стали разбегаться. А распаленные киевские дружинники наседали, кричали:

– Бей радимичей! Мсти за Дира!

Карина вновь кинулась прочь, металась среди переходов. Огибая какое-то строение, едва не налетела на Ульва, который тащил ослабевшего Дира. Они не обратили внимания на возникшую рядом бабу, зато, когда по проулку их догнал воин с мечом, Ульв отреагировал мгновенно. Увернулся, отбил выпад, сам нанес единственный поражающий удар.

Почему-то Карина поплелась следом, словно искала у них защиты. Ульв еще дважды ловко отбивался от нападавших. С последним ему пришлось туго. Оставив сразу осевшего Дира, ловко рубился, тесня врага. И будто только тут заметил рядом девку.

– Князя помогай тащить, дура!

Он толкнул ее к Диру, но тут при отблеске пожара все же разглядел.

– Ах ты, тварь... Из-за тебя все.

Она попятилась, видя, как он заносит руку для удара. «Вот и все», – пронеслось в голове, а сама, словно зачарованная, следила, как сверкнул алым его клинок.

Но меч не успел опуститься – из дыма неожиданно возник всадник на игреневом коне, сбил Ульва, так что тот только охнул, отлетев и выронив меч. А всадник, страшный, в сверкающем личиной шлеме, уже грохотал копытами совсем рядом. Карина узнала Торира. Но он будто и не видел ее – глядел на медленно поднимавшегося Дира. Карина даже подумала – вот сейчас убьет наворопник князя.

Но Торир посадил Малагу. Смотрел сверху вниз.

– Гляди, Дир. – Он указал на зарево вокруг. – Гляди и знай: так исчезнет все, что своим назовешь. Ничего не будет у тебя, голым останешься, зря жизнь проживешь. И тогда я приду убить тебя. Слышишь меня, выродок?!

Дир глядел на страшного всадника растерянно. Где-то в стороне кричал Ульв:

– Дир, я сейчас, Дир!..

Но Торир уже развернул Малагу, поехал прочь. Дир ошалело глядел ему вслед. Карина тоже. Потом побежала следом.

– А я? Как же я?

Вокруг гудело пламя. Мимо молодой женщины с визгом пронеслась большая свинья, сбив ее с ног. Поднявшись, скользя, Карина продолжала бежать. Но уже потеряла Торира из виду. Зато смогла наконец определить, где находится, – почти у самых градских ворот. Надо было выбираться отсюда во что бы то ни стало.

У башен ворот она попала в поток беженцев, в их толчее протиснулась в распахнутые створки у частокола. Давка там была страшная, а в толпе на мосту вообще прижали к перилам так, что едва не задохнулась. И ощутила в себе тугую ноющую боль. Но не о том сейчас думалось. Отталкивая кого-то, цепляясь за перила, она все же перебралась на другую сторону. И поняла, куда бежит толпа.

На освещенном заревом пожара открытом пространстве околограда стояли волхвы, глядели на огонь. Рядом собрались воины из радимичских родов, в меховых накидках, с топорами и длинными копьями. Покинувшие град люди толпились вокруг них, смотрели, как горит

жилье, многие бабы голосили, но те же волхвы успокаивали толпу, даже оказывали помощь, поили чем-то, давали одежду.

«А ведь Копысь уничтожили по их повелению», – поняла Карина. Ей стало грустно. Не было желания идти под покровительство тех, кто затеял все это. И ее варяг был едва ли не зачинщиком всего.

Тут она вновь увидела его. Торир сидел на коне подле волхвов, ярко освещенный заревом пожара. Он что-то говорил служителям богов, потом развернул Малагу, поехал прочь – легко и спокойно, словно и не после боя. Его отсвечивавшая огнем личина шлема казалась жуткой маской с дырами для глаз.

Карина смотрела на него и в какой-то миг даже возненавидела. Но на один миг. А потом вдруг вспомнила, как они встретились, как он спас ее, каким ласковым был. И защемило, забилося глупое сердце.

– Торир! – закричала она. – Торша мой!

Сзади гудело пламя, впереди гомонила толпа, слышалось торжественное пение волхвов, славивших покровителя Перуна. Вряд ли Торир различил голос Карины сквозь шум. Он ехал прочь, двигался по склону в сторону змерзшего пустынного Днепра, похожего сейчас на белую равнину. Вот он въехал на лед, придержал коня, переходя с рыси на шаг, двинулся в сторону противоположного берега.

Карина не знала, зачем бежит следом. При каждом шаге ощущала ноющую боль в пояснице, но не замедлила шагов, звала его. Больше всего боялась, что Торир уедет и никогда больше не сведет их Доля.⁶³

Двигаясь в обход градской насыпи, она не успевала догнать его, поэтому и стала пробираться по самому крутому склону, надеясь так оказаться на круче, под которой предстояло проехать варягу. И она лезла по глубокому снегу, увязая по колено, порой отирая пригоршнями пылающее лицо. Снежные пласты сползали, она цеплялась за что могла, не обращая внимания на боль в теле.

Варяг ехал по льду медленно и осторожно. Карина же, наоборот, спешила.

– Торир! Любый, не оставляй меня! Не смей!..

Ее волосы разметались, она досадливо отстраняла их, поскользывалась, падала на четвереньки, вновь вставала и торопилась.

– Торир!

О пресветлые боги! Он все же услышал ее, оглянулся. Попридержал коня.

– Торир, я здесь!

Снег предательски полз под ногами. А сердцем уже овладела внезапная радость. Засмеялась счастливо, видя как он развернул Малагу, едет к ней. Кажется, что-то кричал, махнул рукой. Жест такой, словно приказывал вернуться. Ну уж нет!

И тут снег обрушился и она потеряла равновесие. Скользила, падала, перекувырнулась через голову. Упала.

Сильно ударившись боком, Карина охнула. Какое-то время лежала неподвижно, оглушенная болью. Потом попыталась привстать. И сцепила зубы, чтобы не взвыть, завалилась, как в судороге, на спину. Стон рванулся, когда словно заступом ударило в низ живота, будто стальными когтями рвануло поясницу.

Под головой загудела земля. Не земля – твердый лед. Кто-то был рядом, но она в первый миг ничего не соображала. Было так больно... Застонала, когда сильные руки приподняли ее.

– Карина! Проклятье!.. Голубка моя, что с тобой! Ушиблась? Да слышишь ли ты меня?

Давно он не говорил с ней так ласково... взволнованно, заботливо. Ей даже словно легче стало.

---

⁶³ Доля – судьба; персонификация счастья, удачи в славянской мифологии.

– Уехать сам хотел... Меня бросить.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась гримасой.

– Что с тобой?

Он ощупывал ее бока, руки, плечи, но она уже поняла, что с ней. Он же поднял ее на руки, понес.

– Сейчас к волхвам тебя отвезу. Они подлечат.

– Нет!

Она еще на что-то надеялась.

– Я просто сильно ушиблась. Видишь, могу подняться.

Карина панически боялась, что он оставит ее у волхвов. Лучше потерпеть, уехать с ним подальше, чтобы ему не было смысла возвращаться, даже когда поймет, что с ней.

Она смогла держаться за луку седла, когда он посадил ее верхом. Даже боль показалась не такой сильной, если бы... Она ощутила, как по ногам потекло теплое. А Торир говорил, ведя на поводу Малагу:

– Ну что же ты наделала, моя своевольная, неразумная девочка? Пошто меня не слушаешь? Я ведь переговорил с волхвами, приняли бы тебя. А ты...

Она только глядела вперед, закусив губу. Темный, поросший лесом противоположный берег приближался, а зарево сзади становилось все меньше. Карина смогла вытерпеть всю переправу, даже когда варяг вошел под деревья.

И тут на время притупившаяся боль рванула с новой силой – так люто, что Карина выгнулась, застонала. По ногам текла кровь, и каждый шаг коня отдавался во всем теле.

Торир кинулся к ней и тут все заметил.

– Да ты вся в крови!

И она решилась:

– Торир... Помоги мне. Отвези к женщине. К повитухе. Я...

Боль нашла такая, что она не смогла больше сдерживаться. Закричала, стала падать. Почувствовала, как Торир подхватил ее. И все. Глухая темнота накрыла, словно спасая.

Глава 4

– А ну-ка, милоч, выйди, – приказала старуха. – Негоже мужику быть там, где баба от плода избавляется.

Глаза у старухи светлые, под черным платом почти белесыми казались. Жутковатый взгляд и властный.

Торир послушно вышел. Он и сам уже понял, что с Кариной. Так испугался за нее, как и сам не ожидал. И это неладно. Он не должен ни к кому привязываться. Он – волк-одиночка. В том деле, какое он себе избрал, не должно быть места ни привязанности, ни доверию.

Возле Торира возникла худенькая девушка, служка знахаркина. Провела гостя к небольшому хлеву, где едва хватило места для Малаги. Варяг расседлал коня, засыпал овса в мешок и подвесил к морде. Сам двигался медленно, устало. Так всегда бывает после боя, да еще начинаешь ощущать боль от ушибов, ран, порезов. Знахаркина девушка при свете масляной плошки обрабатывала его увечья, шептала заговоры. Ему досталось сегодня: порез над коленом кровоточил, саднили многочисленные ушибы, особенно те, где от ударов кольчуга вдавилась в тело, и теперь жгло как огнем. Тогда, в пылу схватки, он ничего не замечал, но волхвы предусмотрительно посоветовали, чтобы ехал за реку, к знахарке Енее. Дескать та оглядит и поможет, если что, да и отдохнуть ему не мешает после всего. А вышло, что он знахарке свою бабу привез, просил уже не за себя, а за нее. Пусть только поможет ей – молил. С ним же и ее ученица управится. Он что... Он в порядке.

И вот теперь, после перевязки, не отдыхать и отсыпаться пошел, а сидит у знахаркиной избышки на колоде, вздрагивает, словно не рабу прилюдную привез, а едва ли не жену, с которой из брачной чаши перед народом пил.

Жену... Торир презрительно хмыкнул. Вспомнил, как давеча разозлился, увидев ее, бегущую за ним, распатланную, кричащую. Ведь уже сговорился насчет нее с волхвами, что примут ее, не обидят. Волхвы не возражали, а узнав, за кого просит, даже отозвались о вдове Боригора уважительно. А она все планы его спутала, за ним пошла. Ему-то она зачем? Только обуза. Но и услада... такая услада, что и передать трудно. Оттого и развернул назад Малагу. Думал, если не брать с собой, то хоть проститься по-людски. А получилось, что взял. Да и как не взять, если она едва не расшиблась у него на глазах. Ах, глупая Карина, глупая... Хотя волхвы-то ее разумницей считают. Да и для их плана с Копысью она весьма пригодилась.

К разгрому Копыси они подготовились заранее. Но надо было, чтобы заваруха в самом граде началась, вроде как и без участия служителей. Ведь известен закон волхвов – в дела мирские не вмешиваться. А если и вмешиваться, то только при самой крайней нужде. Вот и требовался повод. И они заранее все обдумали и обговорили, подготовились, как следует, и с князьями-старшинами местными сговорились, рать по округам собрали, благо желающих поквитаться с дировскими псами нашлось предостаточно. Повод же... Поводом послужила Карина. Хотя волхвы и сомневались, что такая, как она, послушается. Ведь всем ведомо – Карина княгиней была, самого Боригора в кулачке держала. Но Торир не сомневался – не подведет его чернокошая красавица. Так и вышло. Правда, карлик Горух говорил, что пришлось припугнуть строптивую бабу для острастки.

Из знахаркиной избы донесся стон. Потом вскрик. Опять стон. Слышалось и бормотание Енеи. Что-то звякало металлическим холодом. Торира передернуло. Встал, начал ходить по двору, описывая круги до плетня и обратно. Порой видел в темном небе отсветы дальнего зарева – за рекой все еще догорала Копысь. Но это уже прошлое. С этим он справился. И теперь он на этом берегу, в краю дреговичей. Ему об этом думать надо, а он... Он все о Карине, о бабе беременной волнуется. Причем беременной не от него, а невесть от кого... Ведь сказала

же Енея, что срок большой. Значит, никак не его дитя. А спросить Карину – так не сознается. И ведь наверняка думала, как принято это у баб, нагулыша своего на него повесить.

Уже совсем светать стало, когда скрипнула дверь, появилась худая сутулая фигура знахарки.

– Все, хоробр. Что можно было сделать – сделано. И если огня-лихорадка не сожрет твою милую да не изойдет она кровийцей – жива останется.

В полумраке избы пахло утробно, кровью пахло. Карина бессильно покоилась на лежанке. Лицо белое, коса до пола свесилась, к вискам прилипли мокрые прядки. Знобило ее, дрожью било. Енея ей на живот куски льда укладывала, читала вполголоса заговор-заклинание.

В беспамятстве Карина пробыла почти сутки. То огнем горела, то дрожала вся. А то стихала так, что Торир в волнении склонялся над ней, прислушиваясь – дышит ли?

Она пришла в себя тихо. Он только заметил, что глядит на него лучистыми глазами.

– Торша... Прости меня. И спасибо, что не оставил, сокол мой ясный.

А к ночи опять вся горела, заговаривалась в бреду. Однако еще через пару дней кровотоечение у Карины прекратилось. Енею это успокоило. Сказала варягу:

– Она у тебя сильная. Вычухается.

Но ехать Торир решил, только когда знахарка окончательно убедилась, что Карина идет на поправку. Она теперь много спала, с охотой ела. Торир с грустью глядел на ее осунувшееся лицо. О том, от кого она носила, так и не спросил. Наоборот, ласков был, внимателен. Но однажды, когда молодая женщина забылась в полуденный час сном, пошел седлать Малагу, вывел коня к изгороди.

Старая Енея вышла проводить.

– Зря ты так торопишься ехать, витязь. Тебе и самому исцелиться не мешало бы.

Он поначалу не понял. Ведь все ссадины и порезы его зажили, затянулись. Но старуха не то имела в виду.

– Душа у тебя больна, не тело. Вижу – Чернобог⁶⁴ заразил тебя ненавистью да лютью, злом исходишь. А она, – указала Енея на избу, где осталась Карина, – она исцеление твое.

Лицо варяга стало еще более замкнутым. Молча расплатился с Енеей кунами.⁶⁵ Знахаркам положено платить. Правда, на Карине было богатое серебряное монисто, но у Торира рука не поднялась обобрать ее. Заплатил из собственного кошель. Велел Енее оберегать и лечить Карину сколько понадобится. Та лишь кивнула. Больше не уговаривала чужака задержаться. А он уехал и все думал о сказанном знахаркой. Но только крепче сжимал челюсти.

«Пусть все остается как есть. Моя злость – моя же сила. Пока не отомщу – жизнь не будет иметь смысла. Карина же... Видно, не судьба. А такая, как она, не пропадет».

До первого в землях дреговичей капища он доехал по указаниям Енеи. Послушал, о чем ему местные волхвы поведали. Узнал, что в этом краю киевские князья большую силу набрали. Уже лет десять-двенадцать, как с дреговичей дань берут. Дреговичи по натуре народ спокойный, покладистый. Говорят, что в жилах у них течет не кровь – вода болотная. Да и сами они живут среди болот, ездят среди болот, охотятся на болотах. Даже само название их – дреговичи – от древнего «дрегва», то есть «болото», происходит. Однако несмотря на всю их миролюбивость и неспешность, взять их под себя долгое время никому не удавалось. Слыли они неуязвимыми, так как их земли и леса непроходимы для чужих, только местные знали стежки среди заводей и топей. Но тут уж князьям-варягам не откажешь в сообразительности. В самую глубь земли дреговичей, в болота, они не полезли. Попросту вошли на ладьях в устье великой реки Припяти, текущей на меже земель племени, и заняли их торговые погосты. Дреговичи хоть и

---

⁶⁴ Чернобог – один из темных богов у древних славян.

⁶⁵ Куны – единицы меховых денег, принятые до появления своей монеты; выделанные шкурки, которыми обычно рассчитывались.

жили в глуши, но на торги-мены к речному пути сходились, без этого ни одному племени не прожить. Вот Аскольд с Диром, завладев торговыми местами дрегвы, год их пограбили, второй, а потом и мировую предложили. Не будут, дескать, они более чинить обид племенам болотным, а даже берутся оборонять их от исконных врагов – диких древлян, живущих за Припятью. Но с условием, что дреговичи власть Киева признают, на полюдь примут и дань обяжутся платить. Дань поначалу назначили легкую, но с каждым годом увеличивали. И покорная дрегва терпела. Славянские люди вообще быстро ко всему привыкают. А самые бойкие из дреговичей даже на торги в стольный град полян стали ездить. Болотные жители не бедны – и туры могучие в их краю водятся, и пушной зверь, и медведи бродят, борти в их лесах сочатся медом. И это не говоря уже о болотной руде, которая всегда в цене и из которой кузнецы-умельцы куют все – от земельных лемехов до добрых мечей-кладенцов. Так что было чем полян порадовать. Аскольд же с Диром слова не нарушили: поставили на берегах границы – Припяти – добротные грады-крепости, охраняли дреговичей от набегов древлян. Насколько могли охраняли. Ибо древляне яростны и напористы. Для них разбой – один из главных промыслов. Они даже окрестности Киева грабить решались.

Вот в таком краю оказался теперь Торир, наворопник Олегов. Сумел заинтересовать волхвов на капище, и они, когда пришло время, дали ему проводника – к Припяти вывести. Но время это настало не сразу. Весна с таянием снегов задержала его надолго, да и когда в путь тронулся, передвигался по болотному краю не так скоро, как рассчитывал. В землях дрегвы и пешему пройти трудно, не то что коннику проехать. Текло в местных лесах множество рек с топкими берегами и заводьями, а малым ручьям и речушкам и счета не было. В половодье весеннее они обильно разливались, становясь одним водным полем в лесах. Так что Ториру с Малагой приходилось не столько ехать, сколько плыть на длинном челне-плоскодонке. И все по лесам, где бесконечно стояла вода, темная, неподвижная, с изредка возвышающимися избами на сваях, да гати бревенчатые порой соединяли редкие островки, где хоронились капища.

На таких капищах жрецы-волхвы с каким-то изумлением прислушивались к словам посланца великих перунников с севера. Конечно, им хотелось бы поднять Перуна Громовержца над иными богами, а для этого службу нетрудную сослужить. Нетрудную? Лица волхвов даже вытягивались. Да чтоб скинуть власть Аскольда и Диры, казалось, надо и небо, и землю перевернуть.

Торира раздражали их унылые, растерянные лица, их сомнения, робость. Да и капища Перуна тут были плохенькие, бедные. Не больно почитали бога войны и грома болотные дреговичи. Больше молились Сварогу – богу огня, молились Велесу, Роду, Солнцу-Хоросу, но более всего почитали всякую нежить лесную, леших, водяных да болотных. Привычно им так было, иного и представить не могли. Однако к посланцу относились с уважением, давали проводников. Вот только, говорили, пусть вода сойдет. А когда сойдет? Весеннее половодье было в самом разгаре, перелетные птицы летели стаями, гнездились в заводях. Заводи же были куда ни глянь.

К великой реке Припяти варяг добрался только во второй половине kwietnia.⁶⁶ Загрузились с конем в длинную ладью, поплыли против течения, держась ближе к северному берегу, берегу дреговичей. Противоположный же берег обхаживали лютые древляне. Везущие Торира гребцы косились в ту сторону подозрительно.

– Вода спадает. Плохое время. Время, когда от древлян в самый раз ждать набега.

Но пока все было тихо. И все же гребцы шли осторожно по своей стороне реки. Порой их окликали с берега. Приходилось причаливать. А не причалишь, вмиг с десятков челнов охранных вслед кинутся, засвистят стрелы, отравленные рыбьим ядом. Однако волхв-сопро-вождающий успокаивал местных. Волхвы – люди мирные, их дело с богами общаться, потому

⁶⁶ Квитель – апрель.

и почет им. Зачастую даже в гости звали. Торира остановки в пути только раздражали. Но одно учел: его дреговичи не знали, а вот про коня его прослышали. В ином селении старейшины начинали даже торговаться, желая прикупить себе такого редкостного скакуна. Но волхв-сопровождающий оказался сообразительным. Придумал байку, что, мол, коня везем в великий град дреговичей Туров, в жертву богам. После таких слов уже никто приставать с торгом не решался. И только тогда к чужеземцу приглядываться начинали. Торир, чтобы не слишком привлекать внимание, уложил доспехи в переметную суму, сам же оделся, как дрегович: в простую одежду из сермяги, в безрукавку черного войлока, расшитую по краю яркими узорами. Обулся в постолы⁶⁷ местного кроя, бороду не брил, а волосы вокруг головы обвязал тесьмой. Но все равно чужака в нем угадывали, а гостю здесь – главный почет. И к огню поближе посадят, и угостят повкуснее, и девку покраше подложат. Торира это даже умиляло. Нравился ему местный люд своей открытостью, простотой, щедростью.

Но когда стали появляться частоколы-крепости полян киевских, Торир велел держаться осторожнее. Плыли теперь в основном ночью, но гребцы в ладье все равно кланялись даже темневшим во мраке частоколам, выражая почтение.

В град Туров они прибыли, когда настало время устраивать большой праздник в честь водяного великой Припяти. Туров оказался самой крупной из крепостей, какие только Торир видел в землях дреговичей. Возвышался он над рекой на мощной насыпи, частоколы стояли в два ряда, осмоленные, черные, чтобы дерево не портилось от непогоды. А вокруг раскинулись слободки ремесленников и торговцев, избы крестьян и рыбаков. На праздник сюда стеклось немало народа, даже из лесных селищ пришли. С бревенчатых вышек града на них спокойно взирали воины-поляне, все в добротных доспехах, островерхих шлемах, с длинными копьями. Торговцы старались расположить свои лотки поближе к граду, зывали киевлян. Скот подводили, предлагали борти с медом, иные девок приводили, подолы им задирали едва ли не до плеч. Дескать, гляди, какая славная, может, кто в жены возьмет. А не в жены, и так хорошо, если киевский витязь уделит девке внимание. А забрюхатеет какая, и то в радость: иметь в роду дитя от самих хоробров киевских – почетно.

Торир вскоре сообразил, что тут ему мало что удастся. Зря, выходит, ехал к Турову, хотя тут было самое богатое капище перунников. В том-то и дело, что самое богатое. Местные волхвы не понимали, зачем им каких-то собратьев по вере из далекого Новгорода поддерживать, раз и так в почете живут. А нового князя признать... Зачем? Им и под киевлянами неплохо. Свое-то они имеют, а большего им не надо. Вот если оплошают витязи полянские, не сумеют силу удержать – тогда и об иных властителях потолковать можно.

Ториру запали на ум эти слова. И весь последующий день он бродил вокруг рубленой крепости, оглядывал все. Но только расстраивался. Недаром древляне так гордятся Туровом над Припятью. Знатный град. Хотя взять его можно. Вот только кто пойдет на это? Уж никак не мирная дрегва, довольная своими защитниками-полянами. Вот если бы древляне... Но где эти опасные любители набегов? Мирно вокруг, шумит град, звучат дудки, свирели, водят на лужайках круг парни с девками. Праздник как-никак. День водяного Припяти.

К полудню все собрались у обрыва над рекой, дары водяному подносить. Сначала так, по мелочи: петухов со связанными ногами кидали в воду, голубям головки сворачивали, пускали по воде. Девушки с пением опускали на волну гирлянды цветов. Потом мужики быка привели, мощного, темного, с исполинскими рогами – явно с благородной примесью крови диких быков-туров. Жрец-волхв оглушил его мастерски, одним ударом. Сбросили тушу с обрыва, подняв тучу брызг.

Затем подошла очередь отдавать водяному невесту. Одну из первых красавиц подобрали волхвы в селищах. И вот стоит она на берегу, стройная, в белой вышитой рубахе, с венком

⁶⁷ Постолы – мягкая обувь без каблуков, сшитая из невыделанной шкуры.

на распущенных русых волосах. Стоит спокойно, лишь чуть покачивается – опоили ее волхвы зельем, чтобы участи своей не страшилась. По обычаю перед жертвоприношением ею самые нарочитые мужи попользовались, чтоб знал владыка Припяти, что не какую-нибудь захудалую ему предлагают, а такую, какой самые почетные мужи честь оказали. А большинством из почетных оказались витязи полянские. Так и привели красавицу из распахнутых ворот детинца.⁶⁸

Жрецы монотонно распевали гимны, возносили к небу руки. Потом один резко толкнул жертву с обрыва. Может, неудачно толкнул, может в холодной воде опомнилась девица от дурманного зелья, но только завопила она отчаянно, стала барахтаться. Ее сносило течением, а она все кричала, всплывала, молила спасти.

Торир заметил, как к обрыву кинулся светловолосый парень, хотел следом броситься. Но волхвы разом набросились на него, удержали.

– Не гневи Припять, юноша!

– Я ведь молил, просил, – бился парень. – Моя она бы была. А так всякий ее... А я...

– Не гневи Припять! – возмущалась толпа.

Криков жертвы уже не стало слышно, девушка исчезла в волнах. А люди все переговаривались: плохо уходила к водяному невеста, не давалась.

Но вскоре об этом забыли. Пошло гуляние, веселье. На полянах вдоль берега разложили костры, жарили целые туши, по рукам ходили ковши с брагой, с медом хмельным, вновь надрывались дудки, звенели сопилки, гудели гудки. Расставили столы, садились за угощение, отгоня носившихся тут же детей.

Торир не примкнул к празднику. Ушел в лес после первых застольных здравниц. Думал вообще сразу тронуться в путь, даже Малагу забрал с капища, но сейчас, в разгар праздника, не получалось подыскать провожатого. Приходилось ждать. И он, удалившись, одиноко лежал под деревом, жевал травинку, наблюдая за пасшимся в стороне игреневым. Следил, как солнце начинает клониться к верхушкам деревьев, как бегают по ветвям алые в лучах заката белки. Гул отдаленного праздника здесь был едва различим. Торир было задремал, но вдруг резко очнулся, сел. Сердце гулко забило в груди, дыхание стало тяжелым. Вроде бы все спокойно вокруг, но он уже узнавал растущее беспокойство – предчувствие беды.

Он вскочил, стал торопливо натягивать скинутые постолы, возиться с завязками, потом, не утерпев, отбросил их, побежал босым. По пути так задел ногой о корягу, что невольно охнул. Но поспешил, прихрамывая, дальше, замер, только когда достиг кромки леса над открытым пространством у реки.

На первый взгляд показалось, что близ Турова ничего не изменилось. Водят хороводы девушки в светлых одеждах, поднимают ковши седые патриархи, скачут скоморохи. Солнце уже почти опустилось за край леса на противоположном берегу, огни от костров стали ярче. Все мирно вокруг.

Но Торир чувствовал – сейчас... Вон она, беда, – там, возле рощи березовой. И в другой стороне, где берег круто вздымается. И там, где над капищем вьется голубой дымок. У Торира даже лоб взмок, ладони покалывало. Чувствовал – будет много крови, воздух задрожит от плача. Может, уйти? Но не этого ли он ждал?

И тут в веселый гул праздника ворвался истошный крик, вой. Многоголосый, лютый, дребезжащий.

Они появлялись отовсюду, давно, видимо, подкрадывались, а теперь выскочили все разом, словно по сигналу. Были набежчики в непривычном для глаза облачении – поверх доспехов накинута звериная шкура, на головы наброшены личины зверей – кабанов, рысей, волков, иные даже с рогами оленей, коз. Лица в боевой раскраске – синей, с желтыми полосами, жуткие.

---

⁶⁸ Детинец – кремль, крепость.

«Древляне!» – догадался Торир.

И подивился, как неожиданно стремительно и яростно они совершили набег.

Варяг вдруг заулыбался, словно случившееся позабавило его, бросил взгляд туда, где возвышался идол Перуна.

– Я твой, Громовержец. – Он сделал почтительный жест божеству, начертив зигзаг молнии в воздухе. – Ты услышал меня и помог!

Однако сосредоточиваться на молитве сейчас, среди поднявшейся суматохи, не было времени. Да Перун и не обижается, когда в горячий момент к нему не взывают. Божеству войны главное – обильную жертву принести. Кровью, победой. И Торир уже дал мысленный обет, что прольет кровь в честь Перуна. И знал чью – дрегвы миролюбивой.

Но пока он лишь смотрел, оценивая происходящее. Видел, как все новые воюющие звериные силуэты врываются в мечущуюся толпу, как то там, то здесь загораются кровли, как пополз над землей черный дым, как взмывают и опускаются руки с занесенным оружием. А дрегва... Мужчины бежали, женщины визгливо звали детей, пьяные неуклюже поднимались и тут же падали под ударами тесаков набегчиков. Кое-кто из дреговичей все же оказывал сопротивление, отбивался чем попало – оглоблей, вертелом, бычьей костью. Но большинство народа все же разбежалось. Опрокидывали столы, за которыми только что пировали, торговые лотки; люди пробирались под возами, прыгали через пламя, неслись куда-то. Те, кто не совсем разум потерял, спешили к капищу: если успеют заскочить за ограду, их не тронут – под защитой священного места даже дикие древляне не осмелятся их погубить. Но тех, кто в панике метались или глупо неслись к реке, к лесу, – кого рубили, кого арканили петлей, валили. Однако большая часть дреговичей привычно кинулась под защиту детинца Турова. Оттуда уже высыпали защитники – поляне, обороняли бегущих.

Наблюдая из своего укрытия, Торир видел, что дружинники полянские не зря ели хлеб дрегвы. Когда и опомниться-то успели, выстроились стеной, сомкнули щиты, сдерживая натиск древлян, отступали медленно, давая людям время укрыться за частоколом. Сами же оборонялись яростно. На них накатывала дикая, визжащая, воющая орава древлян и отхлынывала, оставляя на земле убитых, оглушенных, раненых. Но брали не выучкой, брали численностью. И ряды полянских хоробров-защитников редели; они отбивались, но уже было ясно, что все они смертники.

Торир даже привстал.

– Пусть светлый Ирий встретит вас, витязи! А эти... Эх, не умеют воевать варвары.

Это касалось уже древлян. По мнению Торира, им не схлестываться с обученными воинами надо было, а стараться захватить ворота детинца. Но вот створки дрогнули, стали сближаться. Закрылись.

Древляне если что и сообразили, то поздно. Выместили свой гнев на защитниках града, всех изрубили жестоко, в плен не брали. Но для витязя достойнее пасть в бою, не носить ошейник раба. В этом для них была последняя воинская удача.

Торир невольно поднял руку, последним приветствием салютуя павшим. Но пока детинец Турова не пал, победа древлян не выглядела полной. Так, еще один удачный набег. Вот если бы надоумить их осадить детинец да помочь взять его... Как?

Торир вернулся в лес, где оставил Малагу. Вынул доспехи из сумы, облачился, стянул поплотнее кольчугу, проверил лезвие меча, взмахнул им, словно разминая руку. Коня отвел подальше в лес, не стреножил, а обнял за шею, перед тем как уйти.

– Долго не задержусь, – прошептал он на ухо любимцу. – Но если не дождешься – тогда ты свободен.

Поцеловал в шелковистую морду и пошел, не оглядываясь. Конь сейчас был единственным, кто оставлял в душе тепло. Все остальное волчье, звериное. Так и надо перед схваткой.

Ни малейшего колебания, ни жалости, ни страха. Иначе диких древлян не подчинить. А они должны понять, что пришел более сильный, более лютый. Они обязаны признать его.

И все же, когда Торир опять наблюдал за происходящим с опушки леса, даже его собранная в кулак воля дрогнула. Его передернуло, хотя, казалось, он был готов к тому, что увидит. Наслышан был о зверствах древлян, сделавших их самыми опасными из всех славянских племен. И сейчас, в свете горевших вокруг Турова слободок, Торир видел, что набежчики не только стащили в кучу награбленное, согнали скот и пленных, не только плясали воинственные танцы, колотя оружием о щиты. Главное – они выполняли свой древний обряд: раненых не просто добивали, нет, они резали их живыми, вспарывали животы, вытаскивали из судорожно бьющихся тел внутренности и ели их. Вскрывали черепа и высасывали мозги. По их поверьям, таким образом они вбирали в себя силу и ум убитого и вместе с тем делали их своими кровными родичами. Это позволяло избежать мести убитого врага с того света. Ведь родич не станет мстить родичу даже из мира мертвых.

Постепенно опустилась ночь, но от костров было светло. Дым и гарь смешивались в воздухе с легким речным туманом. Силуэты праздновавших победу в этом мареве казались призраками. Одетые в свои дикие одеяния, они смотрелись полулюдьми-полуживотными. Торир вскоре выделил среди них рослого древлянина, по-видимому, предводителя. Тот был окружен группой сподвижников, отдавал приказы. Самого его разглядеть было невозможно – весь в черной турье шкуре, волочащейся наподобие накидки, на голове личина тура с расходящимися рогами. Он чаще других приближался к притихшему детинцу Турова, но останавливался на безопасном расстоянии, что-то выкрикивая и грозя кулаком.

Торир даже презрение к нему ощутил. Это ли вождь? Но тут древлянина-тура окликнули, позвали туда, где происходил дележ добытого. Ведь из добычи вождю полагается первая доля. И он пошел туда, где согнали пленниц. Выбрал себе одну, молодую тучную бабу с распатланными косами. Она ревела и стягивала на груди рубаху. И видимо, проняло древлянина. Схватил ее за волосы, поволок. Вокруг довольно ржали. Да только не сладилось у предводителя с пленницей. Вроде и место поспокойнее в сторонке подобрал, швырнул пышнотелую избранницу наземь. Однако баба оказалась неожиданно сильной, и они долго барахтались под хохот и крики наблюдавших древлян. Мелькали голые ляжки пленницы, металась тяжелая черная накидка насильника. Со стороны казалось – бодает женщину зверь. Но вот он неожиданно отскочил, взревел, хватаясь за промежность. Смех его соратников стал подобен реву. Но древлянину-туру было не до смеха. В гневе выхватил тесак, вот-вот порешит строптивицу. Но та увернулась, вскочила. Несмотря на внушительную комплекцию, дикой козой кинулась прочь, к зарослям. Древлянин, все еще сгибаясь, рыча, мотая рогатой головой, бросился следом.

Торир неожиданно понял, что беглянка и преследователь несутся прямо на него. Огляделся. Лесок здесь был обхоженный, кустов мало, обнаружить его ничего не стоило. А женщина уже подбегала. Торир вынул меч, присел за неказистой осинкой. Они были уже рядом – баба-беглянка и догонявший ее тур.

Вероятно, можно было и отсидеться тихо, но Торир уже принял решение. Поднялся во весь рост, шагнул вперед. Когда женщина увидела появившегося из мрака воина с мечом, остолбенела.

– Прочь, дура!

Даже огрел мечом плашмя для остратки. Она так и поскакала в сторону. И тут же на варяга вылетел древлянин в турье шкуре.

Здесь, за деревьями, они были не видны от града. Торир действовал стремительно. Пока варяг не опомнился, наскочил на него, всадил меч, крутанул, круша кости и вспарывая живот. Поверженный захрипел, задергался. Торир вырвал меч из тела, тут же опустил вновь, разрубая череп. Какое-то время возился, срывая с еще дергающегося тела черную шкуру, накинул ее на себя. Потом стал потрошить древлянина. Было противно, но он пересилил себя. Вырвал

рукой еще теплую, трепыхающуюся печень. Перехватив под мышки меч, копошился ладонью в раскрытом черепе, вытащил студень мозгов. Густая кровь жирно текла между пальцев.

Древляне у града, видимо, что-то заподозрили. Несколько из них направились в эту сторону. Но остановились, узнав вышедший навстречу рогатый черный силуэт. И тут же поняли, что обознались. При отблеске огней перед ними стоял незнакомец под турьей личиной. В обеих его руках трепыхалась еще живая кровавая плоть. Древляне застыли. Видели, как чужак вгрызся в печень, жевал. Потом поднес ко рту мозги.

Торир опасался, что его сейчас вырвет. Давясь, глотал, крепкие зубы перемалывали кровавую мякоть. Желудок то прыгал к горлу, то комом сжимался внутри. Но он продолжал есть. Все – теперь кровь, ум и душа предводителя древлян вошли в него. Они стали одним целым. Отныне он и чужак, и вождь древлян.

– Он убил Турьего Мала! – опомнился наконец один из них.

«Если сейчас накинется скопом – мне конец», – подумал Торир, напряженный, как тетива.

Но вот длинный худой древлянин с рысьими ушами поверх шлема поднял руку.

– Стоять! Или вы не поняли? Он сам стал Турьим Малом. Тронем его – и вновь уьем Мала.

И сбжавшиеся было древляне замедлили шаги, остановились, глядели на чужака под турьей личиной.

Торир отбросил остатки сырой мякоти, облизал ладонь.

– Что пялитесь? Не узнаете? Я вновь с вами!

За всю свою бурную, полную опасностей жизнь Ториру еще ни разу не приходилось бывать в подобной переделке. И только когда древляне опустили оружие, он перевел дыхание. Сердце продолжало дико колотиться, но он понял, что выиграл.

– Мал? Ты ли это?

– Я. Теперь я в этом теле, более сильном, ловком. Пусть мое прежнее тело предадут священному огню, и, клянусь священными родами богов, я поведу вас за собой, мы возьмем детинец Турова, и тогда у вас окажутся серебро и куны его сокровищниц.

Вряд ли подобное им предложил бы настоящий Мал. Но идея взять такой неприступный оплот, как Туров, воодушевила древлян. Они были племенем набега; в походах они получали немало – добычу, богатство, славу, честь. А где они более обогатятся, как не взяв Туров, что их более прославит? Взять такое укрепление... Эх! А тот, кто предложил это, явно не прост. Он убил Турьего Мала, но знает их обычаи, и это располагает к нему. К тому же не глупец, понимает, чем ему обернется неудача со взятием града. Но уверяет, что Туров падет. Вот тогда уж!.. У древлян чесались руки, горели глаза.

Торир готовил их к приступу два дня. И все это время чувствовал за спиной недоверчивые, злобные взгляды. Но его опыт, его воля все же укрощали древлян. Они поняли, что он сильнее, хитрее их. И, словно дикое стадо, признали нового вожака.

Однако Торир все же не желал рисковать и набрал себе охрану. Перво-наперво приблизил к себе воина в рысьем обличе. Тот так и звался – Рысь. У древлян было принято брать имена диких животных, ибо считалось, что так они приобретают их силу и ловкость. Торир выбрал Рыся потому, что тот первым признал его. И не оттого, что был особенно верующим, просто оказался сообразительнее иных, понял, что чужак не из простых, силу его почувствовал. Рысь был честолюбивым – из простых воинов, он не имел знатной родни, поэтому выше десятника ему бы не подняться. А вот при новом сильном вожде – кто знает. И новый Мал сразу возвысил его, поручив подобрать отряд для своей охраны. Рысь справился с заданием отлично, со знанием опытного воина. Он же поведал Ториру, как обстоят дела у древлян.

– Прежний Турий Мал был любимцем главного из древлянских князей-старейшин Мала Старого. Тот даже собирался передать сыну свое верховенство в родах. Но ты убил его, и, если

хоть на миг оступишься, найдется немало таких, кто захочет отличиться перед Старым Малом и положить к его ногам голову убийцы сына.

– А ты?

– Я? Я с тобой. Я ведь первым тебя признал, и уж Старому Малу не преминут об этом сообщить. Поэтому, если возьмем Туров, я к Мутьяну уйду. Он тоже сын Старого Мала, но нелюбимый сын, своевольный. Он давно вышел из-под власти родителя, даже свой град отстроил, Искоростенем назвал. И Старый Мал вынужден был признать силу непокорного Мутьяна. А теперь и подавно возвысит, ведь Мутьян последний из его сынов остался. Много их было у Старого, да уже все ушли в светлый Ирий – больно бойки были. А Мутьян – он пройдоха. Хитрый и властный. Дружину собрал такую, что, пожалуй, ни у одного древлянского князя-старейшины такой нет.

Торир размышлял. Как бы все это ни называлось у древлян, он определил все иноземным, словом – политика. И сказал Рыси:

– Отведешь и меня к Мутьяну. Я же ему власть над Туровом передам, над дреговичами.

Рысь смотрел недоуменно. Как это – власть над дреговичами? Они ведь чужаки. Торир пояснил: ежели они возьмут Туров, власти киевлян в этом краю придет конец. И отныне дреговичи станут платить дань древлянам. Без войн и набегов, просто чтобы их не грабили, будут откупаться ради мира. И возвеличится Мутьян, взяв их под свою руку.

– Как же возвеличится? – не понимал Рысь. Даже желваки вспухли от напряжения на худом щетинистом лице. – Как возвеличится, если удаль свою и силу не проявит? Нет, чужак, чего-то ты не понимаешь. Мы ведь не жадные киевляне, которым только дань подавай. Да и не за богатство почитают и боятся древлян – за отвагу, за умение оружием получить свое. Поэтому никто и не решается воевать с нами. А тронь нас – уж мы себя покажем! Своего не отдадим, а чужое возьмем сколько надо. Вот это мы и называем величием.

Торир не настаивал. Эти варвары рано или поздно сами все поймут. Ему же сейчас о другом думать надо – как обучить эту дикую ораву брать укрепленные крепости.

Тому, кто ходил с византийцами на каменные укрепления, кто брал с арабами цитадели кастильцев, а с кастильцами твердыни арабов, не казалось великим делом овладеть деревянным частоколом на насыпи. И варяг обучал древлян, как по сигналу начинать наступление, как отвлекать силы осажденных, пока сами будут закидывать на ограду веревки с крючьями, или как пускать стрелы с зажженной паклей во внутренние дворы, вызывая пожар и панику. Пока древляне были воодушевлены, хотя и неорганизованны, непослушны. Торир видел, что они в любой момент готовы идти на приступ, не страшась смерти, желая славы – удаль показать, как они это называли. Однако стоило Ториру завести речь со своим гривастым, рогатым воинством о том, что, дескать, отвага – это не только безумная храбрость, но и тактика, и умение все рассчитать, как древляне тут же хмурились, роптать начинали. Дескать, что это за Мал, если не рвется в бой, а мудрствует? Торир их тут же осаживал. Идите, мол, сами, а я погляжу. Много ли вы градов взяли? И древляне смолкали. Не умом, так чутьем понимали – ох, и не прост чужак, пришедший к ним, глотнув крови Турьего Мала.

Торир расхаживал среди них в неудобной турьей накидке, отдавал приказы, рычал своим грубым рыком, сам стал как зверь. Обликом же – древлянин, лицо в боевой раскраске, глаза совсем белые от лютости и напряжения. Только когда садился на Малагу и объезжал град, какое-то подобие восхищения появлялось во взглядах древлян. Коней эти дикари почитали священными животными, в своих лесах видели их мало – лишь самые родовитые могли себе позволить иметь лошадь. А тут такой конь... Да и как держится на нем их предводитель – словно единым телом с конем становится. Эх!

Но по коню узнали Торира волхвы из капища. Под вечер второго дня осмелились выйти, подошли ближе. Древляне их не тронули – убить перунников даже у них почиталось святотатством. Волхвы же, отозвав Торира, грозились проклясть, считая, что именно он и навел древ-

лян. Ему приходилось склониться перед ними, есть землю, доказывая свою непричастность к набегу. Нет, он не враг дреговичам. Его зло коснется только схоронившихся в детинце киевлян.

– Ведь говорил уже – мне только власть Аскольда с Диром уничтожить нужно.

Волхвы переглядывались, сокрушенно качали головами, перебирали амулеты.

– Видим, что великая сила в тебе, чужак. Однако ее недостаточно, чтобы укротить древлян, когда они захотят убивать. Но послушай: сделанного не воротишь, ты уже раззадорил находников, и они сожгут Туров. Об этом и огонь гудит, и ветер несет весть, и вода плещет. Это воля богов, не твоя. Но поклянись в одном – ты навсегда покинешь нашу землю.

И Торир сделал последнюю попытку:

– Если я спасу укрывшихся в граде дреговичей, послушаете ли меня? Останетесь ли свободным племенем, без оглядки на Киев и полянских князей-варягов?

Волхвы переглянулись, и что-то мелькнуло в их глазах. Стары ведь были, помнили вольное время, когда дреговичи никому не подчинялись.

– Ты смоги сперва, – только и сказали перунники и ушли, не оглядываясь.

Вечером Торир, сидя на Малаге, беседовал со своим воинством.

– Завтра возьмем детинец Турова. И его кладовые, и клетки, и казна его – все ваше. Дружинники полянские тоже ваши. Хотите – убивайте, хотите – берите в полон, если кому забавно, чтобы его отхожее место чистил витязь из дружины Дира.

Древляне дружно заржали. Может, теперь не только о смертоубийстве думать будут. Он же говорил далее: о том, что не будет им великой чести, если порешат беззащитных дреговичей в граде. Древляне сразу притихли, а Торир ощутил предостерегающий взгляд Рыси. Но настаивал на своем. Взывал к милосердию древлян, если им известно такое слово.

Однако древляне зароптали, кое-кто даже выкрикнул гневно:

– Пошто нам дрегву жалеть? Мерзость они болотная, жаб едят.

– Так зачем же в их крови марасть благородный булат? Не лучше ли, если они дань станут платить добровольно?

Не получилось. Как и Рысь, они не видели в этом смысла.

– Зачем нам дань от дрегвы? Нас данью никто не обкладывал, да и нам чужого не нужно. Свое же возьмем и так.

Торир не стал больше убеждать. Возможно, потом, когда они устанут после боя, он вновь попробует заступиться за дреговичей. Рыси же сказал:

– Ты в бой не сильно-то рвись, будь поближе ко мне. Возможно, в том для тебя и не великая слава, но учти: почести и победа остаются у того, кто уцелеть сумеет.

Рысь поглядел понимающе. Неужто что-то стало доходить до дикого древлянина? Но этот худой и подвижный воин с глазами в крапинку, словно скорлупа яиц куропатки, и впрямь был не лишен ума. И Рысь ему еще пригодится.

Штурм детинца начался с рассветом. Но дружинники в граде показали себя, успели подготовиться к нападению. И как же они били древлян! Посылали из-за частоколов тучи стрел, лили сверху кипяток и смолу, метали острые сулицы. Но древлян невозможно было остановить. По знаку своего предводителя они бросались на приступ, пробирались под стены, укрывшись под сбитыми из бревен щитками, сбивали из пращей и луков мелькавших на заборолах защитников. А по единственному пологому подъезду к воротам Турова, по которому обычно попадали в град телеги, древляне разгоняли на колесах мощный таран из сбитых вместе крепких стволов. Таранили так, что надвратная башня просто вибрировала, откатывали назад, вновь разгонялись и шли на сшибку. А их соплеменники в это время ловко посылали в глубь детинца зажженные стрелы, стремясь устроить внутри пожар.

И все же только после того, как солнце перевалило за полдень, а склоны Турова покрылись, как битыми мухами, телами древлян, они сумели разбить ворота и ворваться внутрь. Их торжествующий вой летел к небесам вместе с черным дымом от горевших строений града.

Теперь и Торир вместе с Рысью и его отрядом поспешили в детинец. Ториру надо было успеть спасти дреговичей. Но удалось это не сразу. Сама дрегва отчаянно сопротивлялась, сражались даже женщины и подростки. Торир со своими людьми еле сумел оттеснить их в сторону. Древляне не сразу это заметили, распаленные грабежом, спешившие вынести из горящих строений богатства града. А когда спохватились, дрегву уже оградили вызванные Ториром из капища волхвы. Стояли в своих длинных белых одеяниях, подняв над головами шесты с надетыми на них черепами быков-туров.

В какой-то миг Ториру показалось, что задуманное вышло. Но все испортил один молодой дрегович. Он вдруг вышел вперед, глянул на раскрашенного, как древлянин, варяга и вдруг выпалил:

– Признал я тебя, выродок. С нами на пиру хлеб-соль ел, а сам древлян навел!.. Пусть же Кровник⁶⁹ живьем заберет тебя до времени!

И плюнул в сторону Торира.

Толпа древлян всколыхнулась и замерла. Торир почти осязал их взгляды, чувствовал, что ждут, как поступит предводитель. Сам же смотрел на бледного от ненависти дреговича. Он тоже узнал дерзкого – это был тот парень, что убивался по девушке-жертве. Тогда это было глупо. Сейчас же своей выходкой он свел почти на нет все усилия Торира спасти дрегву. Торир заметил, как сжалось вокруг кольцо древлян, заметил встревоженный взгляд Рыси. А этот белокрысый дрегович даже ухмыляется. Зато волхвы помрачнели. Державшиеся до этого с достоинством, теперь они отступили, переглядываясь.

Торир ощутил, как вскипает в нем гнев. А заговорил – голос звучал спокойно, даже снисходительно:

– Дурень. А с такими дурнями знаешь как поступают?

Он шагнул вперед, сделал резкий выпад и, как учили его еще арабы, надавил пальцами в определенные места на горле дреговича. Тот сразу глаза выпучил, задохнулся, посерел вмиг. Торир не стал ждать, пока дрегович свалится, схватил за волосы, резко наклонил, зажав голову парня между своими коленями, и рывком сдернул с поверженного портки, оголив зад. Сам же спокойно расстегнул ремень на поясе, сложил вдвое и, замахнувшись, сильно опустил на белые ягодицы глупого дреговича. Раз, еще и еще раз.

Ремень со свистом рассекал воздух, громко шлепал по телу. На заду дреговича вспухли багровые полосы. Тот рванулся, стал вопить. Но варяг только сильнее сжал его голову коленями. Ох и порол же он его – зол был необычайно.

В толпе древлян кто-то захохотал. А через миг ржала, надсаживалась от хохота, вся толпа. И не ожидали подобного, и опешили, и весело всем стало. Даже слезы выступили на глазах от смеха, вытирали их еще окровавленными руками, размазывая по лицу боевую раскраску. А Торир все сек и сек бившегося глупца, давая выход скопившемуся напряжению.

Когда наконец отпустил его, парень упал без сил. Но варяг поднял его рывком, пнул в сторону.

– Иди, дурак. Пусть мамка даст тебе каши да поучит свое дитя уму-разуму.

Теперь и древляне пинали парня. Кричали сквозь смех:

– Убирайся, пусть мамка сиську тебе даст!

А на Торира внезапно нахлынула слабость. Смотрел, как волхвы ведут пленных сквозь толпу веселящихся древлян. Последний из волхвов оглянулся на варяга и едва заметно кивнул.

Торир пошел прочь. Чувствовал безмерную усталость. И хотелось лишь одного: побыть в тишине, отдохнуть, смыть с себя кровь.

Позже его отыскал на берегу Припяти Рысь.

---

⁶⁹ Кровник – бог вечного мучения, ожидающий всех злодеев после смерти.

– Ну, ты и дальше с нами, али как?

Рысь был еще в боевой раскраске, усы слипались от крови. Торир же только вышел из реки, влага блестела на мускулах его груди, бедер, ног.

– Я теперь поеду вглубь земли вашего племени. Возьмешься ли проводить?

Рысь задумался. Сел, стал разматывать скрещенные на голенищах ремешки кожаных постолов. Тоже решил обмыться.

– Говорил же тебе, к Мутьяну пойду, в Искоростень. Вот туда могу и проводить.

Торир кивнул. А вскоре понял, как повезло ему с Рысью. Без него он быстро пропал бы в древлянской чаще – в топь мог угодить, напороться на какую-нибудь из ям-ловушек, или прошла бы его отравленная стрела лесных сторожей-доглядников. Посты сторожей древлянских попадались то и дело, умели они охранять свой край, возникали рядом словно из-под земли, все в шкурах, ветками прикрытые, лица замаскированы пятнами грязи – их и заметить можно, лишь когда с сулицами наперевес выходили на тропу. Даже запах не людской от них шел – звериный.

Рысь легко объяснялся с ними на местном диалекте, слова заветные говорил. А по вечерам у костра Торир пояснял ему:

– Мне бы пристать к капищу, где Перуна почитают. Там бы меня приняли.

Рысь поворачивал над огнем убитого по дороге зайца, отмахивался от дыма.

– Ты, чужак, на наших служителей не больно-то рассчитывай. Принять тебя они, может, и примут, но без знака какого от князей-старшин помогать не стану. Волхвы, конечно, божьи люди, да только и они под князьями живут.

Да, у древлян было иначе, чем в других племенах. И выходило, что Ториру не обойтись без покровительства местных правителей. Того же Мутьяна, к примеру.

– А какой знак мне даст Мутьян для встречи с перунниками?

– Какой? Наверное, венец царский.

Торир не понял, и Рысь начал пояснять: как-то Мутьян пограбил на Днепре севшую на мель ладью, и среди добычи досталась ему корона красоты необычайной, цареградской работы, не иначе. И по земле древлянской Мутьян как владелец такой красоты прославился. Вот если полюбитя ему чужак пришлый, он даст ему показать волхвам добро свое.

В град древлян Искоростень они пришли только на четвертый день. Мутьян оказался здоровенным гривастым мужиком с резким звериным запахом. Принял он Торира в обширной землянке, высланной мехами. На открытой волосатой груди Мутьяна покоился медальон величиной с блюдо, на могучих плечах – накидка из шкуры светлого волка, на голове – венец с драгоценными камнями, финифтью и жемчугом скатным. Роскошь, казавшаяся смешной и нелепой для его варварского вида. А глаза у Мутьяна были маленькие, хитрые и умные.

– Так это ты, витязь, душу моего брата Турьего Мала в себя взял? Что ж, я завсегда рад с родичем чашу-братину осушить.

И усмехнулся хитро.

Торир считал, что давно научился пить не пьянея. Но не с Мутьяном было ему тягаться. К концу пиршества сам не помнил, что и наболтал князьку. А утром проснулся сразу с тремя дебелими бабами – женами Мутьяна, подсланными ублажать гостя.

Позже, когда Рысь ушат за ушатом лил ему на голову холодную воду, Торир любопытствовал, что наговорил-то Мутьяну? Оказалось, пообещал он хозяину Искоростени помочь захватить на Днепре караван судов новгородских, которые вскоре должны выйти из Смоленска на юг. Но новгородцы были союзниками Торира, они принадлежали тем, кто его на дело отправил. Однако слово Мутьяну уже было дано. Да и венец одолжить для перунников Мутьян обещал, если поможет варяг.

Торир отфыркивался, стряхивая лившуюся на голову воду. Потом сорвал травы, стал обтираться. Заметил, как поглядывает на него Рысь.

– Говори.

Рысь задумчиво потер покрытую щетиной щеку.

– Не отпустит тебя Мутьян. Нужен ты ему. Чтобы подучил и как грады брать, и как суда топить.

Торир отметил, что сейчас Рысь предавал своего главу, давая понять, что для него чужак ближе собственного князя. Наворопнику был нужен среди древлян такой вот верный человек. И не нужен хитрый Мутьян.

– А ты вот сам, Рысь, хотел бы князем древлянским стать?

На Рыси сейчас не было боевой раскраски, и казалось, что по его лицу все можно было прочесть. А вот нет. Только замер на миг, веки опустил. А когда взглянул – его крапчатые глаза так и горели.

– Я ведь всегда под кем-то ходил. Теперь же выходит, ты позвизд⁷⁰ в моей судьбе. Тебя ко мне боги направили, помня требы мои богатые.

«Ишь, как его занесло», – только и подумал Торир. Поспешил отрезвить Рыся:

– Я только спросил. А там поглядим, как выйдет. Пока же постарайся свести меня с волхвами. Поможешь мне – и я тебе помогу.

Мутьян досаждал Ториру нещадно. И все венец византийский перед ним вертел, словно бабу какую цацкой соблазнял.

– Послужи мне, чужак пришлый, в обиде не будешь.

А еще Торир все время замечал за собой пригляд. Но даже у доглядчиков Мутьяновых не возникло подозрения, когда называющийся Малом чужак стал наведываться на капище Перуна. Что ж, Перуну всякий, кто меч носит, поклониться спешит. А если уединяется с волхвами, то это дело обычное. Волхвы сказанное им хранят – то лишь для богов весть.

Торир же взял на себя немалую задачу – уговорить древлянских служителей Перуна поднаться над волей князей-старшин. У древлян о таком не слыхано было, однако и приятно, заманчиво. Другое дело, что Мутьяна и отца его, Старого Мала, служители побаивались. Вот и отвечали: ты с Мутьяном сладь, а за нами дело не станет, на княжение нагадаем того, кого посоветуешь. Даже клятву дали посланцу у неугасимого огня перед изваянием Перуном – а это уже серьезно.

В лесную чащу к Мутьяну пришла весть о том, что новгородские ладьи на подходе. Древляне сразу оживились, стали выполнять необходимые перед набегом обряды, готовить оружие, раскрасились по-боевому. В положенный час двинулись к Днепру.

Торир еще загодя присмотрел место, где лучше напасть. Лесистые берега тут узко стягивали течение Днепра, в прибрежных камышах можно было спрятать не один десяток подвижных лодок-долбленок. Торир велел всем занять места, затаиться и ожидать сигнала.

Сам раскрашенный, как древлянин, он склонился к сидевшему рядом Мутьяну.

– Как подам знак, так первым, князь, выступай. Удадь свою покажи. Я же с запасными силами появлюсь, как только нужда в подмоге появится.

И подумалось: может, какая шальная стрела и избавит от неудобного?

Но Мутьян – не доверял, что ли? – только зыркнул сердито из-под надвинутой на лоб волчьей морды.

– Про удадь мою воины и так ведают. А вот ты... Как двинешься, так и я за тобой.

Караван новгородских судов появился, как и ожидали, на закате. Плыли по течению три весельные крутобокие ладьи, на парусах вышито солнце, на высоких носках-штевенях морды оскаленных чудищ вырезаны. Ряды весел слаженно поднимались и уходили в воду. Быстро плыли ладьи, стремясь поскорее миновать неведомые враждебные берега. Охраняли их, как

---

⁷⁰ Позвизд – ветер перемен.

донесли, наемники-варяги. С берегов их узнавали по стати, по шлемам с полумасками, по крепким круглым щитам. Древляне варягов побаивались. Знали их умение в бою, да еще и на водах. Мутьян же своего чужака как залог победы выставлял. Мол, один северянин знает, как иных бить.

Торир, чуть раздвинув камыши, глядел, ожидая, когда первая ладья дойдет до места, где древляне перегородили реку корягами и буреломом. На первой ладье наверняка опытные кормчие, заметят по бурунам помеху под водой, замедлят ход. Вот тогда...

Ему не хотелось этого «вот тогда». Подсознательно желал, чтобы отбились союзники-новгородцы. Однако в глазах древлян, в глазах Мутьяна это будет признанием его, Торира, слабости. Что ж, придется постараться. Как говорит местная пословица – взялся за гуж...

Торир заметил, что на первой ладье главным был осанистый бородатый купец в высокой куньей шапке. Тот прохаживался важно вдоль бортов, что-то наказывал охране. Порой оставливался на корме, где под натянутым сукном лежали тюки с товарами, а порой подходил к мачте, у основания которой располагался небольшой шатер. Вот полог шатра откинулся и появилась девица. Вышла, стала подле купца.

Торир даже глаза протер, словно не веря себе. А она возникла перед ним как видение – высокая, грациозная, длинная черная коса на грудь перекинута, лоб обвивает пестрая тесьма. Купец ее явно вниманием окружает, под руку норовит взять. Она же словно и не глядит на него. Манера держаться все та же, княжеская, голова поднята почти с византийским достоинством.

Когда Торир понял, что перед ним Карина, первым его чувством была неожиданная слепящая радость. Надо же, ведь и не вспоминал почти, а как увидел – душа запела. Но радость смолкла под наплывом страха. Сам ведь обучал древлян, как напасть, как ладью брать, никого не щадя. Вон как зыркают люто, не удержать, не остановить их теперь. И попадись им Карина... Чего, спрашивается, не сиделось ей под тихим кровом знахарки? Теперь же...

Он пробрался сквозь заросли туда, где прятался в лодке за осокой Мутьян.

– Сейчас сам поведу воев. Своих же упреди, чтоб девку с черной косой не трогали. Моя она.

Мутьян глянул с насмешкой. Ишь, как засуетился чужак. Не сторонится более, не увиливает от набега. А чтоб девку чернокошую приберечь... Иль сам не понимает, что и отдай Мутьян подобный наказ, о нем узнают лишь те, кто на этом берегу. А как быть с теми, кто в засаде на той стороне реки затаился?

Торир был напряжен. Отметил, как ощерился Мутьян в ожидании сигнала. Рот в густой бороде кривился в недоброй усмешке.

Из зарослей было видно, как кормчий на первой ладье заметил преграждавший течение бурелом, подал знак, и ладья замедлила ход, ряды весел опустились, тормозя движение.

– Пора, князь, – сказал Торир. – Не упusti момент.

Мутьян тут же, сложив особым способом у рта ладони, прокричал дикой птицей, подавая сигнал.

И тотчас узкие долбленки стремительно рванулись с обеих берегов наперерез каравану. Плыли пока тихо, не расходуя сил на вой, сберегая для гребли.

На ладьях их приметили. Охранники вмиг сгруппировались, стали пускать стрелы.

Торир почти не заметил, как рядом упал в воду пронзенный навывлет древлянин. Но теперь и с долбленок пускали стрелы, вращали над головами пращи. А из заводей появлялись все новые челны, окружая караван. Вот полетели, дымя, плоски с огнем. На первой ладье закричали, принялись тушить пожар. Весла теперь сделали несколько взмахов назад, но убрать на ладье парус не успели, и мощный корабль, увлекаемый ветром и течением, неся навстречу нападавшим, пока не напоролся на затор, вздрогнул всем корпусом и остановился.

Вот теперь древляне и завыли. Кидали на борта веревки с крючьями, прыгали на весла, карабкались, несмотря на смертоносные стрелы, свистевшие в воздухе. В других двух ладьях,

не успевших попасть в ловушку, усиленно налегали на весла с одной стороны – старались развернуться. Но последнее из судов загорелось, послышались приказы гасить пламя. Корабль стал поперек реки, загораживая путь к отступлению.

Торир пока не спешил бросаться на корабль. Заметил, что Карина успела укрыться в шатре. Несмотря на яростный натиск древлян, охранники-варяги сумели отбить начальный приступ. Торир ждал, когда древляне все же вскарабкаются на борта. Эти первые почти всегда смертники. А Ториру надо было уцелеть, ждал своего момента. Заметил, как купец в высокой шапке решительно замер у шатра, стоит, прикрываясь щитом, меч наготове – охраняет чернокосую. И неожиданно Торир разозлился на него. Ревность почувствовал, еще не отдавая в том отчета.

– Этого в шапке сам возьму! – гаркнул он зычно.

Видел, что время подоспело, древляне уже рубились на ладье. Пора! И завыл, заголосил, подражая воплям древлян.

Почти рядом были длинные весла, уходившие в воду под тяжестью сползающих мертвых тел да цепляющихся раненых. Торир рванулся, взбежал по ним, как по лестнице. Меч его застучал сразу по трем клинкам.

Древляне лезли с обоих бортов, корабль шатался. Неопытные лесные воины падали, тогда как охранники-варяги, ловко балансируя, рубили направо и налево. Но древлян было значительно больше. Карабкались с тесаками в зубах, метали ножи, сулицы. И все же их то и дело отбрасывали.

Торир оказался в кольце хорошо обученных северян-викингов. Он отскочил, прижался к борту, отбивался. Метнул нож, подставил щит, рубанул по ногам, оттолкнул щитом. Рука вскоре заныла, принимая удары на щит. Рядом как раз вовремя возник Мутьян – ревел, орудуя огромной шипастой палицей.

Неожиданно вспыхнул парус. Викинги на миг отскочили. Замешкался только купец. Стал что-то кричать о товарах, о том, чтоб оберегали их. Торир успел этим воспользоваться, подскочил к купцу, чиркнул его мечом по горлу так, что голова в мохнатой шапке начала откидываться, как крышка короба. Подхватив поперек еще стоявшее тело купца, Торир со всей силы толкнул его на варягов. И тут краем глаза увидел Карину. Ее палатка загорелась от паруса, и девушка выскочила наружу. Метнулась, еще ничего не видя, прямо на Торира. Он тут же поймал ее за косу, рванул, опрокидывая, увлекая за собой, свалился с ней по веслам в воду, перевернув подошедшую долбленку с древлянами. Остальные продолжали лезть наверх, туда, где над бортом ревел, сражаясь, Мутьян.

Торир не отпускал Карину. Она, не узнавая, отбивалась в месиве тел, мешая плыть. Торир ушел с ней под воду, вынырнул. Чтобы хоть как-то утихомирить, оглушил девушку ударом рукояти по голове. Опять ушел под воду, всплыл. На миг завозился, убирая меч, отпустил Карину, и она тут же стала бессильно погружаться. Он испугался, подхватил ее поперек туловища, греб одной рукой, другой удерживая лицо Карины на поверхности, отталкивая плавающие тела и цепляющихся за них раненых. Только бы добраться до берега, до мелководья. Ему сейчас и дела не было до древлян, до их князя, до горевших кораблей новгородцев. Это не его война, он хотел выйти из нее. Хотел выплыть, несмотря на течение, на порезы и раны, на тяжесть кольчуги и лому в теле.

Наконец течение подхватило его и стало увлекать. Торир плыл, гребя к берегу. Под корягами на мелководье нащупал ногами илистую почву. Взбивая воду, таща бессильное тело Карины, выбрался на берег. Сел, переводя дыхание. За нависающими деревьями он не видел битву на воде, слышал лишь лязг железа, вопли, чей-то отчаянный крик-призыв спасти Мутьяна. Торир сейчас и не думал о том, спасут ли того, сгорят ли суда, отобьются ли его соотечественники-варяги от древлян.

Он медленно склонился над бесчувственной Кариной. Шлепал по щекам, повторял ее имя. Она наконец слабо застонала, открыла глаза, вновь закрыла в полубеспамятстве. Потом вздохнула и повернулась на бок. И еще неосознанно, как-то по-детски беспомощно приникла к варягу. Торир замер, обнимая ее, удерживая. Сам не заметил, как начал улыбаться.

Глава 5

Карина различала звонкие девичьи голоса, тянувшие песню:

*Ой ты, белая нитка,
На солнечный ясный свет...*

Карине казалось, что она у себя в селище, где так же напевали женщины, когда отбеливали холсты. А еще она уловила аромат ушицы, рыбный, пряный. Карина всегда любила рыбу – стыдно сказать, даже сильнее каравая-хлебушки. Все славяне чтут хлеб, считая его главным из всего, что дает Мать-Земля. А вот она больше предпочитала то, что дает водяной хозяйин. Как-то призналась в том Збуду, но он не осерчал; сказал только, чтобы дары водяному делала, доброе слово ему говорила. Иначе водяной сообразит, что девке все его любо, может и к себе заманить. В шутку или всерьез сказал это, да только с тех пор Карина стала побаиваться темной воды... И как захлестнула ее вода, когда тащил ее в реку древлянин неведомый, когда топил в холодной черной мути...

Она застонала, миг все вспомнив, открыла глаза. Не кошмаром это было – явью страшной. А огляделась – как и не было ничего. Лежала она на овчинке под кустом, чужим плащом накрытая. И все же было, было то – и нападение, и огонь, и оскаленный рот врага под личиной шлема, и муть холодной воды, куда увлекала ее жестокая рука.

Карина осмотрелась. Видела низину на изумрудно-зеленом заливном лугу, баб в высоких киках, девок простоволосых – они расстилали на залитой водой траве длинные полосы льняного полотна, чтобы солнце высушило, выбелило их. Женщины были в длинных рубахах, обшитых у горла и по низу полосками яркой тесьмы, что делало их нарядными. У радимичей такие только в праздник носят, а эти...

«У древлян я», – холодея, поняла Карина. Только древлянки знали такие секреты раскраски тканей, умели брать самые немислимые цвета у растений. Древлянская крашенина очень ценилась, и в редкие мирные торги древляне получали за нее немало товаров.

Карине стало не по себе. Она всегда слышала, что древляне дикие и жестокие, что скорее звери они в людском обличье, которыми матери пугали детей. Но сейчас, глядя на то, как бабы белят холсты – скатывают, намачивают, а потом вновь расстилают на солнце, она постепенно успокоилась. Бабы как бабы. Да и заговор в работе поют так слаженно, так понятно:

*Ах ты, ясное солнце,
Ты, лучик поспелый,
Подари мне свой светик
На мой плат белый-белый.*

Вновь рядом потянуло дымком, ароматом наваристой ухи. И старческий голос окликнул ее:

– Ну что, очухалась, девка? Крепко же тебя исполох пробрал. До полудня владел твоим серденьком.

Она увидела подходившего к ней старика. Старик как старик, пусть и древлянин. Ничего страшного, нелюдского в нем не было. Седая борода торчком, серая, в заплатах, рубаха до колен, портки из дерюги. Только припадал на одну ногу, на ту, где из штанины торчала обструганная деревяшка вместо ступни.

Старик проследил за ее взглядом.

– Меня так все и зовут – дед Деревяшка. Было у меня некогда другое имя, еще когда я воякой лихим слыл. Да не помог мне Перун в бою, отсеки мне резвую ноженьку. И помер бы, да только Жива⁷¹ сжалилась надо мной, не дала истечь кровью. Но в бой больше не хожу. Стряпаю, когда надо. Идем-ка, девка, я тебя своим варевом угошу. Может, ты, как всякая хозяйка, и посоветуешь чего.

Ну не говорить же Карине, что она стряпуха такая же, как из Деревяшки теперь воин. Да не хотелось огорчать неожиданно приветливого древлянина. Уха же у него была знатная – наваристая, густая, с кусочками разваренной рыбы, с пряной зеленью. Может, только мало-солна малость. И когда Карина, чтобы хоть как-то показать свои познания, заметила это, дед только махнул рукой.

– Соли-то и впрямь маловато. Но после набега, какой Мутьян ноне учинил на Днепре, не скоро древлян на торги пустят. Вот и приходится соль беречь.

«Конечно, с торгами им теперь будет туго», – с каким-то злорадством подумала Карина, вспоминая пережитый ужас. А ведь как хорошо плыли. Купец новгородский, взявший ее на корабль, был услужлив, как боярыню какую обхаживал. Не бескорыстно, конечно, все поглядывал плотоядно, ждал, когда красивая баба добром отплатит. Она же сторонилась его, обещающая, что как прибудут они в Киев-град, то за нее родич, певец Боян, рассчитается. Расплатился бы Боян или нет, она не ведала. Но в Киев все же добраться решила. И Збуд покойный советовал, да и надеялась, что Торшу ненаглядного там встретит. А теперь вот... Рабой наверняка сделают древляне.

Дед Деревяшка не без удовольствия поглядывал, как девица ест его уху.

– Ишь, как уминаешь, – говорил довольно. – Значит, совсем отпустил тебя исполох.

– Да не было у меня никакого исполоха, – сказала Карина.

Она всегда презирала тех, кто за исполох прятался. Вроде как вселяется в тебя исполох безумный, вот и глупят люди, дурня валяют. Добрая оплеуха обычно такого враз от исполоха излечивает. Или ковш воды холодной в глаза.

Но старый древлянин так не думал.

– Был исполох, как же иначе. Тебя вон еще ночью варяг на руках принес. И голубил, и по щекам мокрыми ладонями хлопал, а ты только стонала, глазами мутными глядела да вновь в забытье впадала. Я и посоветовал ему, варягу-то, оставить тебя на время. Исполох, он что – ему покой нужен. Тогда, может, и попустит.

– Да не было у меня исполоха...

И вдруг осеклась.

– Кто... кто, говоришь, принес меня? Какой варяг?

– О, знатный варяг! Даже наш князь перед ним заискивал, а волхвы и вовсе за своего признали.

– А как звать варяга?

– Малом зовем. Он душу князя Мала Турьего в себя принял вместе с его кровью.

Карина не поняла, что старик имел в виду, и словно поникла. Мал. Это не то имя, какое она рассчитывала услышать. И все же...

– Как мне увидеть пленителя моего?

Спросила с невольной властной интонацией. Старик даже заморгал.

– Как? Сам, небось, явится. Ты добыча его. Да и какая добыча!

И старик выразительно оглядел ее от длинных ресниц до обтянутых тканью колен.

– За такой красотой кто хочешь скоро прибежит. Да только сейчас занят он. Князь Мутьян его вызвал еще на зорьке. Посекли Мутьяна в сече люто. Вот и собрались вокруг него волхвы. Да и твой варяг с ними.

---

⁷¹ Жива – богиня всего сущего, а также здоровья и людских сил.

– Я могу туда пойти?

– К князю? – удивился старик. Замотал головой. – Хотя варяг наверняка уже покинул его. Ведь после боя человек нечист. Ему еще кровь с себя смыть надо. Без этого нельзя.⁷²

Карина перевела дыхание. Дед этот вдруг стал раздражать до жути. Болтает что-то, а ей не терпится скорее узнать – верна ли ее догадка? Ведь не всякого варяга волхвы за своего признают. Да и раньше Торир собирался к древлянам ехать.

– Пойду я к нему, – сказала, вставая. – Укажешь, куда? Не бойся, не сбегу.

– Ясное дело, не сбежишь. От нас не сбегают. А раз так невтерпеж тебе... Ха! Ну и бабы нынче пошли. Ладно, ладно. Иди по этой тропке вдоль ручья, выйдешь к ставку, там и баньку увидишь. По пару узнаешь. Иди же, веничком своего нового господина похлещешь или еще как ублажишь.

---

⁷² По обычаю славян, проливший кровь считался связанным с теми, кого убил. И после боя было необходимо смыть кровь в бане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.